

СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

---

*Письма
о христианской
жизни*

СОБРАНИЕ ПИСЕМ

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника

СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

*Письма
о христианской жизни*

Поучения

СОБРАНИЕ ПИСЕМ

Москва 2007

Сборник **“Письма о христианской жизни”** первоначально был составлен из писем святителя Феофана к разным лицам в ответ на вопросы, просьбы о наставлении и помощи, с которыми обращались к Вышинскому Затворнику со всех концов России. В этих письмах — советы, разрешение недоумений, утешение в скорби, облегчение в бедах, — те плоды духовной опытности, которые любящий архипастырь щедро предлагал искренно ревнующим о спасении. Ныне припадаем к этому благодатному источнику и мы, неопытные в духовном делании, зачастую вовсе лишенные живого отеческого наставления и водительства по тесному пути ко спасению среди плачевной юдоли сей жизни.

Чутко улавливая духовные потребности человека на разных этапах его духовного становления, святитель Феофан обстоятельно и сердечно разрешает возникающие вопросы и сомнения, предостерегает от возможных ошибок, помогает подняться и идти дальше тем, кто оступился и уже, кажется, готов придти в совершенное отчаяние. Самые тонкие и сокровенные движения человеческой души становятся предметом глубокого и внимательного наблюдения святителя, собственным опытом поверяющего истинность святоотеческого и аскетического учения.

Сочетание глубины психологического анализа и богословия с простотой изложения делает письма святителя Феофана особенно значимыми и органично входящими в круг чтения современного читателя.

Сборник венчают **“Поучения святителя Феофана”**, приготовительные к посту и на первую его неделю, об исправлении сердца, о борьбе с грехом и о благодати Всесвятого Духа.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1. О труде самопринуждения	11
2. О слезах	12
3. О предании себя в волю Божию	13
4. О молитве, размышлении и чтении	15
5. О молитве	19
6. То же	21
7. То же	23
8. О парении ума	26
9. О преданности воле Божией	28
10. О цели создания человека	29
11. О приготовлении к покаянию	31
12. О посте	40
13. О монашестве	40
14. О грусти и о покаянии	46
15. О молитве	53
16. О благодати Духа Святаго	54
17. О скорби	55
18. О невнимании к себе	57
19. О пребывании с Господом	58
20. О молитве, чтении и рукоделии	60
21. О католическом заблуждении	69
22. О трезвении	72
23. О вреде уклоняться от порядка в жизни духовной	77
24. О молитве Иисусовой	78
25. О внимании ума	80

26. О страхе Божиим	88
27. О внимании к себе	101
28. О трезвении	103
29. О молитве Иисусовой	107
30. О тесном пути, ведущем к вечному блаженству	109
31. О помысле, внимании и падении	112
32. О упорстве к молитве и о нарядах	114
33. О смятении мыслей	116
34. О монастырском уединении	118
35. То же	120
36. То же	121
37. О присылке для ответов на вопросы о борьбе со грехом	122
38. О том, как спастись	123
39. Об одиночестве в монастыре	124
40. О вредном влиянии на нас с Запада и о боязливости	125
41. О причащении Святых Христовых Таин	127
42. О книге против Православной Церкви	128
43. О театре	129
44. О самолюбии и тщеславии	131
45. О Промысле Божиим и о смирении	133
46. О предании себя в волю Божию	135
47. О вере	136
48. О вольнодумцах	138
49. О земных поклонах	139
50. О лжепророчице	141
51. О статье “О молитве Иисусовой” и житии отца Серафима	142
52. О развлечении и знакомствах	143
53. О Таинстве причащения Тела и Крови Господня	144
54. О миролюбцах	145

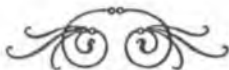
55. О развлечениях	147
56. О неосуждении других	148
57. О соблазне	150
58. О провождении времени и о выборе друзей . .	152
59. О держании себя в обществе	156
60. О пыглivosti ума	158
61. О гневе	162
62. О мысли о Боге	165
63. О плаче	165
64. Об искушении	166
65. О святой правде	166
66. О говении	167
67. О молитве	168
68. О молитве и поклонах	169
69. О домоседестве	172
70. Об оскорблении	174
71. О картах и театре	175
72. О затворничестве	176
73. О вспышке сердца	177
74. О статье “Начало христианской жизни”	177
75. О поучениях святителя Иоанна Златоустого . .	178
76. О книгах святых Макария и Исаака Сириянина	179
77. О воззвании к святому Исааку Сириянину . .	179
78. О чтении Писаний	180
79. О христианской жизни и неправых понятиях	182
80. О благодати Божией	185
81. То же	190
82. О лукавстве, скрываеом в развращенной воле человека	191
83. Об исправлении греховной жизни	194
84. О трезвении и благоразсмотрении	196
85. О искусительной мысли	199

86. О предостережении себя от падения	200
87. О применении мирянам правил спасения, писанных для монахов	203
88. О тесном и просторном пути в жизни сей . . .	209
89. О посте	219
90. О пересудах	225
91. О странниках и странницах	226
92. О брани и сварах	228
93. О самомнении	229
94. О разсеянии	231
95. О гневе	233
96. О суемудровании	234
97. То же	240
98. О храме Божиим	245
99. О цели проповеди	253

ПОУЧЕНИЯ

А. Семь слов в недели, приготовительные к посту и на первую неделю поста	257
1. В неделю мыггаря и фарисея	257
2. В неделю блудного сына	270
3. В неделю мясопустную	281
4. В неделю сыропустную	290
5. В среду первой недели поста	299
6. В пяток первой недели поста	307
7. В субботу первой недели поста	313
Б. Об исправлении сердца	319
В. О борьбе со грехом	339
Г. О благодати Всесвятаго Духа	408

ПИСЬМА

1

Помоги вам, Господи, сильно укрепиться духом Его, — а заботу о том иметь надобно, и болеть, если нет внутри собранности, и в болезни к Господу припадать. Самодельно сие не добывается; но и без труда не дается. Оттуда и отсюда надо, — надо. Сначала Бог сотворил свет, а после собрал его в светила. Так и с нами. Есть добро, но разсеяно или разлито. Надобно свести все воедино. И, — кажется, — душа просится на это... да не догадается. А главное — **саможаление** есть. Господи, помилуй нас! Без труда и самопринуждения ни в чем не успеем. Хоть чуточку, да надобно понудить себя, хоть на волосок. Когда есть усердие и ревность, то все пойдет хорошо. Но истинная ревность безжалостна к себе. Есть ли, сверх того, и хорош ли фундамент? Фундамент вот: глубокое чувство грешности и безответности пред Богом. Вся надежда тогда

Спаситель; а отсюда непрестанное: *Господи, помилуй!*

2

Вы часто плачете, как заключаю из прежних речей и того случая, который описан вами. Есть слезы от слабости сердца, от большой мягкости характера, от болезни, и насильно раздражают себя иные на плач, есть слезы и от благодати.

Цена слез не водою, текущею из глаз, определяется, а тем, что бывает на душе при них и после них. Не имея благодати слез, не берусь рассуждать о них, догадываюсь только, что благодатные слезы состоят в связи со многими изменениями в сердце. Главное, — сердце должно тогда гореть в огне суда Божия, но без боли и сжения, а с умилением, — приносимым надеждою от престола милосердного Бога, судящего грех и милующего грешника. Также думается мне, что слезы сии должны приходиться уже под конец трудов, — не внешних, а трудов над очищением сердца, — как последнее омытие или сполоскание души. Еще —

бывают они не час, не день и не два, а годы*. Еще — есть, говорят, какой-то плач сердца без слез, но так же ценный и сильный, как и слезы. Последний лучше для живущих с другими, кои могут видеть. Все же строит всех спасающий Господь!

3

Беда, когда в сердце человек сыт и доволен, а когда голоден и нищ, куда как хорошо. Нищий и в мороз сильный бегаёт по окнам и просит. Пошел бы он, если б у него был кусок хлеба?

Когда чувствуется беда, тоже хлопотам и трудам человека конца нет. То же и с сердцем! Когда коснется его чувство беды, нищеты и голода, — покоя не дает ни телу, ни душе. И то сделай, и на другое подвигнись. Тогда уж саможалению нет места, и всякий труд не в труд. А голод и беду Господь посылает молящемуся и просящему. Это признак здоровья. У больного нет аппетита; он сыт,

---

* Так говорит святой Исаак Сирианин.

хоть по неделям не ест. Господи, помилуй нас!

Птичка, привязанная короткою ниткою, вспорхнет и падет, вспорхнет и падет. Когда нитка длинна, птичка и высоко взлетит, и далеко пролетит, но все притянется к тому же месту. Если б не нитка, улетела бы птичка на луга красные. И в больших клетках птички летают, но все не на свободе. Как оторваться?

Когда огонь угрожает привязанному, то он так сильно рванется, что железную цепь перервет, а не то что нитку слабую. Так не за большим дело: надо зажечь беду вокруг. Но всему свое время, хоть и в том, почему не время, иногда мы же виноваты.

Лучше ничего не загадывать — ни в монастырь, ни за монастырь; ибо не в том сила. Внутренность свою надобно уязвлять и тревожить, чтоб не уснуть. Во сне и Сампсона связали, и остригли, и силы лишили. Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь, все равно. В сердце мона-

стырь вот что: Бог, да душа. Однако ж, когда Бог приведет в монастырь, надобно идти. Только опять не гадайте о том, что вы там встретите. Вы и вообразить того не можете. Каждый там встречает то, что нужно именно ему. У одного все не походит на другого. Лучше в волю Божию предаться и все принимать как от руки Его.

4

Помоги вам, Господи, умудриться во спасение! Дело все нетрудно и немногосложно. Главное — доброе начало. Когда положено начало, все само собой пойдет хорошо. А как положить начало, это изъяснить трудно. *Дух, идеже хоцет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуда приходит и камо идет: тако есть всяк (человек) рожденный от Духа (Ин. 3, 8).* Молиться надобно, и Господь подаст все, ибо Он благоподателен. Мало где отворится дверь сердца, сейчас и Он. Искреннее только и решительное желание надобно иметь и не смешивать дел; а уж одно, так одно. Пророк укоряет: *доколе вы*

храмлете на обе плесне ваши? (3 Цар. 18, 21). И Апостол: *муж двоедушен неустроен во всех путех своих* (Иак. 1, 8). И Господь: *не можете Богу работати и мамоне* (Лк. 16, 13). Уж одно, так одно. *Мария благую часть избра. Едино есть на потребу* (ср.: Лк. 10, 42). Когда придет эта объединяющая все стремления сила, тогда откуда что возьмется. Все пойдет исправно. Помолимся, чтоб Господь дал нам сию силу.

Много бывает добра у иных людей, но оно разбито, раздроблено, разбросано, как части разбитого стеклянного сосуда. Придет огонь и сольет из них сосуд в честь, разварив их прежде собою.

Вы спрашиваете, что значит: *зажечь беду вокруг себя?* Это глубокое чувство опасности своего положения и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе. Сие чувство и будет гнать нас к Господу и заставит непрестанно вопиять: *помоги, защити!* Оно было у всех святых и никогда их не оставляло. Противное ему есть чувство довольства своим положе-

нием, которое успокаивает человека и погашает в нем всякую заботу о спасении. Сыт,— и что еще? Не память только грехов я разумел, а вообще чувство, что деваться некуда, кроме Господа.

Вам нечего рассказывать на исповеди? Это оттого, что вы праведны. Будем молиться, чтоб Господь сделал вас грешницею, то есть чтоб пришел к вам мытарев глас: *Боже, милостив буди мне грешной!* Молитесь: *даруй ми зрети моя прегрешения...* А между тем трудитесь и навывайте ходить пред Господом. По мере навыка в сем начнете сходить со ступеней праведности к среде, где грешники... и когда вступите в число их, тогда и перечислить не сможете всех грехов. Не дело только есть грех; но и мысли, чувства и желания бывают грешные. Последние не видны; ибо нет ока, смотрящего в сердце: вот и праведность. Оку тому нельзя смотреть, когда его засыпают суетою, как пылью. Ходить пред Господом значит не отрывать от Него своего

внимания, — это цель. А немного подумать о Нем и бросить, это не то. Когда то придет, то Господь станет судить мысли и помышления. Вот и откроются грехи и тут столько их будет, что беда!

Молитва, размышление, чтение, все это предметы разные.

Молитва, болезненное к Богу припадание в сокрушении и смирении. Она может быть, говорят, и без поклонов. Например, по нужде, в присутствии других, на пути; большею же частию она неразлучна с поклонами. Поклоны след внутренней молитвы.

Чтение и размышление идут вместе; могут подготовить к молитве и оставаться праздными. Но сами они не молитва и заменить ее не могут. Чтению предел тот, чтобы дойти до предмета, который бы оковал внимание и остановил на себе одном. То же размышлению. И тут переход к молитве или даже молитвенному состоянию надолго. Хорошо утром после молитвы добиваться до сего чтением. Читать понемногу... Чтение с теплотою

еще не то... Там, в молитвенном состоянии, прекращается чтение, и ум станет и не колыхнется, и хорошо ему бывает. Понудьте себя читать молитвы, кои показал священник. Они дверь. Как войдешь внутрь, не отворивши двери? Одолейте скуку. Их немного. Помышляйте, что, читая их, вы Господу говорите слово, которое Он слышит. Можно заучить сии молитвы и читать на память, внятно сердцу и Господу. Только надобно одолеть себя. Господь вам помощник!

5

Один Господь есть победитель всех наших немощей, а воспрять Его силу можно только молитвою. Она есть источник всего и всякого преуспеяния. Ею испрашивается и приобретается и хождение пред Господом.

Действие сие очень просто. Стоять умно пред Богом, как стоят пред Государем, в благоговейном страхе, не отрывая от Него очей ума, — в этом все. Совесть чистая пред Господом и людьми

есть условие к тому. И внешний порядок жизни надобно приспособить, чтоб не было развлечений. В церковь Божию ходить; читать писания отцев о внимании и трезвении; бегать покоя телесного; утрудить немного плоть, но Господа ради. Паче же всего Господа молить, чтоб даровал сию силу. С навыком ходить пред Богом, начнется перечистка сердца, чувств, желаний, помышлений, а до того времени в душе великая сумятица... Бывала ли у вас молитва теплая, при коей все убегало из внимания, а оставался только Господь и вопль к Нему из сердца?.. Если бывала, то это состояние есть непрестанное состояние ходящих пред Богом. Понемногу и степенями доходят... и степеням тем конца нет; но доходят ревнующие о преуспевании духовном. Только с ревностию взяться надобно. Трудитесь и не ослабевайте; а в суету что пользы пускаться! Одною рукою строить, а другою разорять, что пользы? Один труд — и не впрок. Господь да вразумит вас, молитесь!

Слава Тебе, Господи! Как я обрадовался вашей тревоге из-за молитвы. Это Ангел Хранитель ваш вас растревожил, чтоб вы узнали, что надобно молиться и читаючи. Ведь в молитвах наших нет многоглаголанія. Там все одно пишется: *Господи, помилуй*, только в разных оборотах, немощи ради нашей. Куда нам за Макарием Египетским! В благодатных состояниях, какие он, с собственного опыта, изображает, и на свет бы не взглянул, забился бы куда-нибудь в угол и млея там от умиления в огне Божиим и в свете. Только любовь к братьям вызывала его, чтоб одного вразумить, другого утешить. Как же он дошел до этого? Ужели взялся прямо за краткую молитву? Нет; не достается даром молитва. Святые Божии точно краткою молитвою молились, а лучше сказать, молитвою без слов. Но это не потому, чтоб не хотели читать молитв, а потому, что внутренняя сила молитвы связывала язык, и они стояли пред Богом, и стояли подолгу, по ночам и по дням, не сходя с

места, не утомляясь и не чувствуя потребностей сна и пищи. Если, подражая им, станем держаться их правила: не говорить много (в молитве), то должны подражать и примеру их — стоять долго с краткою молитвою. Где же нам простоять? Когда есть много молитв, еще-таки постоим; коль же скоро молитвенника нет в руках, то поклон, другой, да и довольно.

Чтоб заманить и продержать нас на молитве, попечительная о нас мать наша Церковь и установила нам прочитывать со вниманием и сокрушением разные молитвы. Но у ней же для преуспевающих в духовной жизни есть правило, что коль скоро в молитве сердце согреется и не захочет слов, прекращать чтение и молиться сердцем. Это и есть зачало молитвы.

Когда Господь пошлет и вам такую молитву, дорожите ею и прекращайте чтение, только заметьте, что связание языка должно идти извнутри, не затем, чтоб прекратить молитву, а чтоб только молиться с глубокою собранною тепло-

тою Богу, сокрушенно и смиренно припадая и воздыхая о своем всеокаянстве. Мы теперь молитвою своею еще как бы одолжение делаем Богу. Надобно добиться, чтоб она сознавалась ничтожною, потом грешною; потом на молитве самим быть грешными и стоять на ней, как на суде. Бог ведь всегда есть Судия наш; но душа не хорошо сознает это, и смелость себе дает являться пред Него праведною. Господь милосерд, — терпит; только бы, хоть такую, да приходила.

7
Да поможет вам Господь и устроит путь ваш к Себе! Есть много дорог, и все в одно место. Чем ближе к сему месту, тем они ближе и к себе взаимно; а вначале как они разны, до противоположности, как из Твери и Рязани в Москву. Потому-то и трудно угадать, что кому и как надо. Потому-то и есть закон неизбежный для идущих к Господу, закон Богопреданности. И слово слышим и читаем и разсуждаем, а дело

все идет совсем не по расчетам нашим. Господь да умудрит вас!

Заняло меня состояние вашего сердца после причастия Святых Таин. Ведь Святые Тайны прообразованы манною. Она принимала вкус по нуждам каждого. Вот и причастие Святых Таин дало вам вкусить, что вам нужно. Теперь знает сердце ваше, что значит быть с Господом и что без Него. Как хорошо, когда Он близ и греет и услаждает? А что бывает с душою, когда Он отступит! Приходит на мысль сравнение Макария Египетского — действия благодати Божией с действием матери относительно своего ребенка. Когда ребенок забудется и от непрестанного нянченья матери забудет, как дорога ему мать, тогда мать оставляет его одного и сама прячется. Ребенок начинает кричать, увидев, что он один. Мать тут же и снова берет его. Как крепко прижмется тогда он к груди матерней! а пред этим и в стороны смотрел, рассеявался, смеялся, забывая мать. Вот так и с душою. Наше дело все

принимать и о всем благодарить. Буди слава Господня во веки!

Трудно нам сознать умом, а тем паче ощутить сердцем, что такое мы одни. Целую жизнь сему учиться следует, и это главная наука. Успех в ней идет об руку со смирением и самоуничижением. Без сего не поймем даже, как натурально смирение самое глубокое у святых. И страх-то Божий настоящий тем же путем приходит. Страх Божий никогда не должен отходить от сердца. Любовь изгоняет один вид его, а другой рождает. И небесные силы предстоят Богу со страхом и трепетом. В нем нет мучения и боязни, а есть прохлаждение сладкое, но все же это страх, иногда кости сокрушающий. Так надо! И молиться следует: *страх Твой всади в сердце мое.*

Молитва точно есть главное дело. Она и есть путь наш к Богу; все прочее вспомогательные к тому средства. Скажу только, что небольшое приготовление нужно чинить пред молитвованием. Не вдруг к Господу приступайте; надобно

принарядиться духовно. Как делают, когда идут к царю; хоть немного подумать пред тем и о себе, и о Боге. Кто мы и кто Тот, с Коим хотим беседовать? Что нам нужно и по какому праву смеем просить себе нужного? И подобное сему. Главное же, наперед поставить себя самоуничиженно в присутствие Божие и говорить как бы в уши Его, просто, по-детски. Как хорошо творить поклоны, как хорошо стоять в струнку, не распуская лениво и беспечно членов и держа все их в некоем напряжении. Господи, помилуй нас! Да даст Господь нам всем потрудиться, сколько у кого есть сил и усердия. Матерь Божия да осеняет вас покровом Своим!

8

Как хорошо, что Господь привел вас в обитель, и еще такую — к Матери Божией! Теперь можете хорошо обсудить, отчего монахам не скучно, или вообще приметающимся к дому Божию. Там Ангелы Господни раздают сладости ду-

ховные, чтоб заманивать ими на путь тесный и прискорбный. Ибо в сем вся сила. Сладости и утешения как бы стороннее нечто. Но как мы немощны, то ими заохочивают нас. Израильтяне пред исходом из Египта ели агнца, а потом что встретили в пустыне? Сию пустыню всякому надобно пройти, чтоб достигнуть земли обетованной. Все же строит Сам Господь. А нам молиться надобно: *имиже веси судьбами спаси мя*. Я только хотел напомнить вам о сем, чтоб вы не сбились в мыслях, бывая иногда в утешительных расположениях. Это еще не дело и не начало дела. Начало, когда страх Божий начнет сокрушать кости. Это не метафора, а дело. О сем молитесь: *страх Твой, Господи, всади в сердце мое*.

Ум наш по природе жив. Суета отяжеляет его. Когда мало-помалу спадет с него это ярмо, он начинает парить всюду, обходит и небо и землю, все видит, все понимает, и легко ему. Ничего тут нет худого; но и проку мало. Эту пташку-ум надобно засадить в клетку и сказать ему: вот тут-то сядь и пой вот что,

а летать туда-сюда не смей: ястреб поймает.

Опять обращаюсь к вашему путешествию и радуюсь и благодарю Господа. Ведь случайностей на свете нет. Все покорствуется манию Божию.

9

Буди воля Божия! И над вами да совершается воля Его благая. Веруйте и глубоко в сердце содержите, что ничто без Бога не бывает, до самой малости. Все у Него рассчитано. Наш долг все обращать во спасение души и из всего извлекать себе пользу душевную. В этом вся наша мудрость. А как устроить себя, еще никто сам собою не ухитрился. Все как паутина. Плетет, плетет бедный человек; дунет ветер, и все разлетится. А как Господь соткнет, так уж прочно. И тонко, да крепко, как канат. Блаженна душа, почившая на руках Божиих! Как младенец у груди матерней, покоится она под кровом Господа. Уразуметь, а паче возчувствовать сие трудно.

Господь да поможет вам! Болезненно к Богу припадающий не бывает забыт.

10

Вы пишете: *Бог создал человека для общест-
ства*. Поправьте эту мысль: человек со-
здан для общения с Богом. В этом цель
его главная. Потому, когда отпал чело-
век от Бога, Единородный Сын Божий
благоволил низойти на землю, чтоб
опять воссоединить его с Богом. Так
значительно и необходимо сие общение
с Богом! Но как для того, чтоб вступить
в сие общение и укрепиться в нем,
человеку нужно прожить коротенький
момент на земле, а прожить ему здесь
одному трудно, то на время дано ему
расположение и к общественности, не
как главное, а придаточное наряду с
другими житейскими наклонностями.
Всем им седалище в душе... Дух же не
земен... Потому, когда он возьмет силу,
то заглушает голос душевных потребно-
стей и разрывает все держащие душу
узы, которые для ней одной неразрешимы.
Тогда человеку легко, просторно: он

в своей стихии. Беда обществу, в коем общественность поставляется целью. Тогда передвигается центр, и начинается смятение и неурядица.

Вы восхищались музыкою, но вы слишком возвеличили цену ее. Другая область музыки, и другая — молитвы. Потому переход от одной к другой может быть только случайный. Есть много призраков духовных вещей, кои кажутся, но не суть духовны.

Вы говорите, что иногда так хорошо и легко, а иногда все разлетится... Жизнь идет полосами... Да! отлетает что-то... Но мне думается, что это всегда по нашей вине. Господь близ есть. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.* Когда сие есть, и то есть. Как одеждою тогда одеяна душа... а то — голая и на морозе. Что делать, человеки есмы немощные.

А, поняли!.. ревнив Господь! *славы Моея, говорит, иному не дам* (Ис. 42, 8). Господь требует исключительности решительной. Уклонение сердца измена; и за нее штраф. Чем долее кто пребыва-

ет в любви, тем сильнее укор уклоняющемуся сердцу. Всякое разсеяние, прилагание сердца к чему-либо, кроме Господа, все идет в счет и наказуется.

11

Жыне Неделя мытаря и фарисея! звук трубы слышали. Готовиться надо на подвиг. Еще прозвучит однажды и еще, — и еще... И потом отворятся двери покаяния... Пойдем все и припадем к милосердому Господу. Объятия Отчи отверсты всем. Ринемся в них с дерзновением и исчезнем в безпредельном море милосердия Божия.

То, что вам говорила N.N., есть софизм самости, саможаления, основанный на действительном опыте, неправильно понятом, или криво толкуемом.

После шума и развлечений душа, не совсем испорченная, тоскует. Сердце, томящееся от удушливости в чуждой атмосфере, собирает в себя и жалуется Богу и самому человеку, что его терзают ни за что. Так, эта молитва — вопль больного о врачевании. Господь посылает

сии минуты умиления после развлечений и даже во время их, чтоб напомнить человеку, что он неправо действует, убивая понапрасну в суете время и губя душу. А N.N. берет это в основу для поблажек. Это то же, что больной хватит яду и кричит. Затихла боль? давай ему еще яду... что-де он замолчал? Пусть кричит. Умно это? Спросите ее, какой смысл усердной молитвы после рассеяний и шума праздничного? Что говорит душа: слава Тебе, Господи, что нагулялась, или: согрешила — Господи, помилуй! Первое нелепо; а ко второму надобно прибавить: **не буду**, и следовательно — бросить: ибо Бога обмануть нельзя. Посмотрите, что говорит опыт. Вопль сердца после шума бывает вначале силен, потом слабее и слабее; и еще — сначала часто повторяется, а потом реже и реже... наконец и смолкнет... Стало все спокойно. Дело порешается: так и быть должно... В летах или под старость опомнится, оглянется назад, — много накучено. Впереди мало времени... Трудно и не к чему начинать. Так

и быть... и отчаяние. Кути же... Се конец светской жизни.

А еще — это что за философия: однообразие рождает равнодушие и холодность? Мир свое переносит и на Божие. В вещах тварных однообразие точно надокучивает, потому что они конечны. стакан воды сладкой хоть понемногу пей, все же выпьешь; так всякое удовольствие мирское. Сердце выпьет из него все сладкое, и конец... далее непитательно и — скука. В отношении к Богу совсем не то. Он есть благо безконечное, достаточное для всех и на все века. В будущей жизни все приготовившие себя будут вкушать сие единое благо; и сами будут довольны и его не исчерпают; а все более и более будут жаждать и расширяться в жаждании и во вкушении. Спросите, отчего это отцу Серафиму, отцу Парфению не наскучила такая однообразная, и даже однообразнейшая жизнь? Церковь да келлия, церковь да келлия... а то еще и затвор... Господи, помилуй! Как можно убивать себя? А они и не думали мучить

себя... а напротив, блаженствовали. Бывали у святых Божиих часы, дни охлаждения, как они их называют; но причина тому совсем не однообразие, а одна у Господа, другая в нас.

Теплота духа — от веяния благодати. Но близ ее сидит наше самолюбие. От долготы блаженного сего состояния человек или трубить пред собою начнет, или присвоит себе сие благо, или понадеется слишком: “Ну-де уж мы теперь, чай, установились”. Когда произойдет сие внутри, Господь берет благодать Свою и оставляет человека одного. А у человека что есть? Вот и безвкусие ко всему духовному чувствуется, и тягота, и равнодушие... точь-в-точь, как в отворенное окошко ушла вся теплота. Нужно топить; но дрова не в шуме мирском продаются, а хранятся в магазине Господнем. Отопри магазин, да и возьми... Всякому невозбранно доступ есть. Ключ — плач, покаяние, сокрушение, или просто терпеливый вопль к Господу, хоть без всякого вкуса, с самопринуждением... Тогда Господь опять

воротит теплоту... И это называется отступлением благодати поучительным.

У нас есть своя причина потери вкуса и охлаждения. Она неизбежна по ходу преуспевания. Походит на пословицу: от одного берега отстал, а к другому не пристал. Состояние как бы раздумья — не первоначального, а после — в дороге уже... временно набегаает... Сердце еще не совсем отстало от чувственного и не совсем внедрилось в духовное. Позывы оттуда и отсюда закружат и отуманят на время... вот и равнодушие и безвкусице... Потерпеть немного и пройдет... Так вот что!.. Будемте-ка понемногу трудиться с терпением и преданием себя Господу. Немного осталось. Час настанет, станем пред Господом и что скажем? Что умеем танцевать, говорить по-французски, хорошо ценим театральные пьесы? — Ой беда! ой горе! Тогда будем метаться туда и сюда, да уж поздно... Дай, Господи, минуточку, дай минуточку... покаемся... и не дастся... оттого, что молитву возбуждали балами да театрами...

Когда я, будучи у вас, говорил о перемежающихся состояниях теплоты сердечной, то N.N., сидевшая тоже у вас, сказала: “Ах, я приходила в отчаяние, что не имею прежней теплоты...” Но тогда я иное говорил. К ней идет вот что: в ожидании, что она бросит мирские привычки, Господь посещал ее внутренними утешениями; но как она не вняла и продолжает то же... то и бросил ее... оставайся со своими театрами... и голодай. Это отступление благодати наказательное. И это не на пагубу делается, а на вразумление. Итак, да вонмем себе.

Какая это там книга смутила вас?.. Все западные переводные книги о духовной жизни нейдут к нам. В них есть клочок истины; но и самые лучшие из них содержат много мечтательного и ложного; щекочут, а не питают... и выходит: по губам текло, а в рот не попало. Возьмите лучшую и более других хвалимую: “О подражании Иисусу Христу” Фомы Кемпийского... Почитайте ее со вниманием и сравните, то же

ли дает она, что Макарий Египетский, или Исаак Сирианин, или изречения наших старцев — Серафима, Парфения... Западники сами себя хотят спасти; и попадают только с своими усилиями в покойное состояние сердца, похожее на бездействие при молчании прочих сил. Тут фантазия рисует им образы, и они млеют от них... Бросьте их. Для вас достаточно тех святых, кои есть у вас.

Разве сто истин? Одна истина. Разве сто путей? Один путь. Разве сто Богов? Един Бог, едина вера, едино крещение. Так как же это все равно?.. И то будто равно с нами, где нет священства, нет святого причащения и покаяния? Как же разрешатся грехи наши?.. И чем питается дух наш? Ни на что не похожа вся эта филантропия. Не умеют решить вопроса: да что ж такое другие исповедания? Но из-за того, что мы не можем как следует решить его, не следует нам криво толковать и понимать решительно верное. Посмотрите, что бывает в фотографии? Персона человека натуральная

есть самый верный его тип. Снимают фотографии, потом печатают. У одного слишком темно, у другого слишком светло, тот фокус не угадал, другой позу дал несродную... Но есть и такие снимки, кои очень верны подлиннику. А подрисовка сколько изменяет характеристику черт? Разбирая теперь все сии снимки, неужели можно говорить, что они все равны, когда между ними есть и такие, в которых не узнает себя и сам тот, с кого снят портрет? Моисею говорил Бог: *виждь, да сотвориши (скинию) по образу показанному тебе на горе* (Исх. 25, 40). И было так до пришествия Христова. Господь, пришедши, снес с неба иную нам скинию — святую веру и Церковь, устроенную тоже по тому, что видел и слышал Он у Отца — в предвечном совете Бога Троиюпостасного. Но явились самовольники фотографы... давай подрисовывать, давай делать новые снимки, — и нагородили... Лик Церкви один; но в самодельных снимках у одного вышло две головы, у другого ни рук, ни

ног, там глаза изменены, там одежда совсем не та, — и прочее, и прочее... И у всех одна подпись: церковь... Смотришь, смотришь и вынуждаешься сказать: нет, это не она. Пристало ли после сего нам, хранящим подлинник Церкви, ставить себя в ряд с другими? Да что же другие? Оставим распорядиться с ними Домуладыке. Он дает нам осязательное свидетельство, что подлинник у нас: это, видимые всеми, дары чудотворений, прозорливости, нетления мощей, чрезвычайных явлений; все это во дни наши видим мы... Чего еще хотеть? лжецам не станет потворствовать Господь. Господь с нами, и Дух Его в Церкви нашей обитает... Сие осязаем... и стало, наша настоящая есть, с неба сведенная и на земле водворенная Церковь. А те что? Про тех Господь знает. Судов своих не открывает... Будет день, когда во свет приведет Он тайная... А теперь пока достаточно для нас сего луча — непреложного удостоверения в истине.

Жак ваша душа очень стеснена! Да согреет ее Господь, и — разширится. Терпение, предание всего Господу и ожидание Его решений суть лучшие руководители нашей жизни. А молитва — атмосфера, в коей жить и коею дышать должны. И все тут. Мало-помалу лучше двигаться, нежели навскочь. Сидите и ждите.

Но вот и пост: *постимся, братие, постом приятным*. Горе, когда пост ни нам, ни Богу неприятен. Коль немощны стали мы!.. А все от того, что праведны... Грешник не станет себя жалеть; и — когда восчувствует греховность, тогда держись грешная плоть.

Завтра начнется пост. Поможет ли Бог попоститься как следует. Вот если б в монастырь, другое дело... Видите, и монастыри нужны, а подчас и монахи... И это не одному, не двум и не трем. А все есть не благоволящие к монаше-

ству, — не есть-де учреждение Самого Спасителя.

Да что такое разумеют под монашеством? Ряса, клобук, четки и прочая внешность, точно, не Спасителем учреждены... А сила и дух монашества указаны Им Самим — в Его собственном лице, в лице Божией Матери, Предтечи Господня и всех, можно сказать, Апостолов. Монашество есть, с отрешением от всего, непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге. Монах тот, у кого так устроено внутреннее, что только и есть Бог, да он, исчезающий в Боге.

Так как сему настроению много мешает семейная и гражданская жизнь, то ищущие его удаляются от общества, разрывают или совсем не вступают в семейные связи... На это есть и указание Самого Спасителя, именно: о безбрачии и совершенном нестяжании. Затем, когда в Коринфе произошли недоумения касательно дев, не желавших выходить замуж, Апостол Павел в послании к ним указал, как поступить. Смысл у

него тот: не худо делает, кто женится, но не жениться лучше. В апостольские времена были аскеты, — они же в последующее время **пустынники, монахи...** Церковь дала им только внешнюю организацию, ибо в Церкви все должно быть *благообразно и по чину* (1 Кор. 14, 40), а не учредила небылого. Ни политика, ни мировые события не имели в сем участия. Монашество не отвне... оно исходит из духа христианства и даже из природы духа человеческого.

Есть, например, посвящающие себя науке, искусству... отчего? Такой талант. Почему же не благоволить к тем, кои посвящают себя Богу? Ибо и это дар Божий, — настроение духа таково... *Могий вместити, да вместит* (Мф. 19, 12).

Говорят: **нет пользы** от монашества. Мало ли было и есть пользы от отца Серафима? А посему судите и о прочих. Расширите круг полезного далее вещественных интересов... включите сюда **благочестие, добрую нравственность, чистоту сердца** и порешите, от кого ожидать пользы для сих немалых вещей! А хри-

стианство чего хочет? *Вышних ищите... гоня мудрствуйте... живот ваш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 1-3) и прочее. Это точь-в-точь монашество... Не черная ряса и клобук монашество, даже не жизнь в монастыре... Если б все сие могло измениться, то монашество вовеки пребудет... пока будет на земле человек-христианин.

Когда кто любит Бога, не следует сей любви называть идеальной созерцательной. Бог предваряет любовь нашу и все объемлет Своею любовью... Мы окружены ею... Если не ощущаем согревающих лучей ее, это от нашей закоснелости в чувственном... Чуть-чуть высвободится душа из сих уз и отвергнется от всего для Бога, и Бог входит в нее... общится... и бывает оживление теплое. Из сего потом источника выходит и доброделание ближним и усовершенствование себя. Начало всему покаяние: оно ведет к очистительным трудам подвижничества. По мере очищения, сердце зреет любовью к Богу. Совсем чистое сердце совершенно любит Бога. Жаль очень,

что наши философы обратили Бога в идею... и всегда забывают, что человек есть существо падшее... Нет ему возстания, как в Господе Иисусе Христе, чрез Святую Церковь.

Пропишу вам кратко существо нашей веры: “Бог, в Троице поклоняемый Отец, Сын и Святой Дух, все сотворивший и о всем промысляющий, спасает нас, падших и погибающих, и именно мы спасаемся по благоволению Отца в Господе нашем Иисусе Христе благодатию Пресвятаго Духа, во Святой Церкви, чрез Святые Таинства, здесь предначинательно и приуготовительно, а в будущем веке окончательно”. Это семя, ядро богословия и всякой здоровой философии. По сей идее движется вся цепь событий. Господь ведет... Законодатели, воспитатели, если хотят попасть на правый путь, который есть один путь промышления Божия, или направление воли Божией,— с сим должны сообразоваться... Иначе будут толочься, суетиться, а толку все не будет никакого.

Так, падшие мы, и Господь восстанавливает нас в Своей лечебнице — Церкви... Стало, не след нам помышлять об утехах... Больному нужны, — то резание, то прижигание, то мушки... А это все болезненные приемы, утexas же после выздоровления... Как здоровье полное обещается только в будущей жизни, то на долю настоящей остаются одни болезни и труды. Потрудимся немного. Велика ли настоящая жизнь?.. А той конца нет. Ну, если попадем *ошуюю*... что тогда? Рыдать и кричать, да толку не будет. Лучше здесь немного потрудиться, во дворе милостивого Владыки нашего и Господа... чем там страдать.

Да что это за рассуждение? Как будто нам теперь в первый раз предлежит изобретать и открывать путь спасения потерянный! Все известно. И сколько лиц прошло сим путем... и получили возмездие... Стало, это есть вещь несомненная! Каким путем шли святые Божии?.. путем ли утexas! И есть ли кто в числе их не болезновавший, не трудившийся, не проливавший пота и крови?

Все вслед Господа шли... чрез путь поношений, на Голгофу, и с нее предали дух свой Господу. Примут ли они в свой сонм утешников?.. и Господь пустит ли кого к ним такого?.. Сие имейте в мысли... Широко и легко путь мира... но конец его — дно адово! Проповедующие льготы так говорят от ума плоти своей... Ум омрачен началами, принятыми от плотской светской жизни. Какого света ожидать от такого ума? *Блюдайте убо, како опасно ходите... Не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть* (Еф. 5, 15; 1 Ин. 4, 1).

14

Вы чувствовали себя мрачною, отчужденною, грустили оттого, что не пришлось погулять на масляной. Да, это чувство самое натуральное, только не совсем правое, и за него надо побранить свою душу и сердце. Ведь быть отчужденным от мира есть заповедь. Стало быть, не худо, что вы отчужденными себя чувствовали. Прочитайте 64-е Слово Исаака Сириянина. Но зачем

чувство сиротства и грусть? Разве мы отстаем от одного берега, а к другому не пристаем! Отчуждаемся мира, чтобы быть с Господом и святыми Его, то есть оставляем одно общество недоброе и вступаем в другое... и оставляем именно затем, чтоб вступить в него. *Приступисте к Сионстей горе и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов, торжеству, и церкви первородных на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных, и к ходатаю завета новаго Иисусу* (Евр. 12, 22-24). Видите, какое общество? А душа грустит и кричит: я сирота. Вот и бранить ее надобно... не забывай, не забывай... Оттого и грусть, что душа забыла, а от сердца отошло чувство общения. В подобные минуты надобно оживлять память о мире духовном и шевелить сердце, чтоб возникло сочувствие. Не берет? В церковь Божию пойти... И это не берет? Терпеть, вопия к Богу о помощи бедному сердцу, а все-таки стоять на своем, то есть не пускаться в разгул. Ибо бывает так, что в грусти иной скажет: пойти разгуляться немного...

Сделай только однажды, тогда всякий день будет грустно... и всякий день будет позыв к развлечениям. А там и постоянный разгул. Вот выигрыш! Останется только помин — скучна эта дорога, тяжела, одинока.

Вот в следующем листке уже поправились и стали в свой чин и порядок, и общество Божие нашли... и тепло и любо... Ну вот так. Только не гадайте о себе, а отдайте себя Господу. Степени наши Он пусть разбирает и цену ощущений наших определяет. Мера наша вот какая: когда чувствуем, что кругом нечисты и что спасение нам только от великой милости Божией, то и хорошо. Как скоро начнем присвоять себе хоть малую частичку праведности, это худо. Тут скорее надобно поднимать сварливую брань на себя.

Что-то вы помянули, что не испытали *восторженных молитв*. Избави вас Господи от них. Восторги, сильные движения с волнениями, суть просто кровавые душевные движения от распаленного

воображения. Для них Игнатий Лойола много написал руководств. Доходят до сих восторгов и думают, что дошли до больших степеней, а между тем все это мыльные пузыри. Настоящая молитва тиха, мирна; и такова она на всех степенях. У Исаака Сирианина указаны высшие степени молитвы, но не помечены восторги...

Отчего же это вы праведницею ходите на исповедь? Конечно, вы не говорите: *нестъ, якоже прочие человецы...* это было бы уж слишком. Но общего чувства недостойнства мало. Можно как-нибудь добиться до того, чтоб сказать: и в том грешна, и в том грешна. Ведь говорите же: *согрешила словом, делом, помышлением.* Не бывает ли празднословия? Не бывает ли смеха? Не тратится ли время по пустякам? Не подано ли соблазна кому чем-либо? А помышления всегда ли хороши? Я думаю, если вникнуть в помыслы, то такая куча грехов наберется, что не подымешь. Надо стать у сердца и навекать замечать выникающие из него

мысли и чувства. Тогда и узрите, что за смрадная вещь наше доброе будто сердце? — И придет тогда поминутное покаяние и исповедь Богу вездесущему и всезрящему. Помогите вам, Господи! В день святого причащения вам было грустно. Что же делать? И за то поблагодарите Господа. За все благодарите. Вот что нам надобно: не мерять себя, то есть на сколько аршин поднялись от земли... лучше совсем забыть про эту меру. Одна пусть будет: **никуда негожи.** Стоим ли мы на прямой дороге, свидетельство тому не в теплоте чувств, хоть и это не худо: но в твердости работать и угождать Богу до положения живота, не разбирая, тепло ли на душе или сухо и безвкусно. Переменчивые состояния сердца надобно переносить благодушно и говорить Господу: не стою лучшего... еще мало... прибавь, прибавь томления... и подобное. Что будем делать? Человечья есмы слабые, неустойчивые... а главное сластолюбивые. Очень хочется все сладости вкушать... а чуть горчички да-

дут, так и не по нутру... Ведь все это переходчиво. Не смущайтесь и тем, что это было в день причащения. В сей день Господь делает для души, что ей более полезно... Для вас была грусть полезнее, она и оставлена. Скажите же: слава Богу о всем.

Какую индульгенцию вам прописал N.N.: *когда не хочется, и не молись?* Может быть, это ему сходит с рук; но этого нельзя сделать общим правилом. Помните сказание, как одного инока враг одолевал пред началом молитвенного правила. Его в озноб и жар бросало, разболевался, хоть умирать. Что же он сделал? Ну, говорит, душа! умирать пришло время, давай-ка в последний раз помолимся и поплачем пред Господом. Стал на молитву и нудил себя. Голова трещит, а он все свое... Кончил правило, и боль прошла... На другой день опять то же... Тогда он понял, откуда идут нападки... и уже никогда не оставлял своего правила, чем бы ни был отклоняем. Если б не было врага, можно бы

так... но как есть он, то надобно ухо держать остро.

С трудом и самопринуждением только можно привыкнуть к добру. И много надо пролить пота, пока оно сроднится с нами и сделается нам сручным, обычным, легким...

Так, Господа ради, бегайте индульгенций. Посмотрите у Макария Египетского правило: нудить себя надо на всякое доброе дело... *Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). У нас ведь смесь добра со злом, и против всякого добра есть свое зло... Надобно задушить последнее — и воскресить первое. Как же это без труда-то сделать, когда с боку на бок перевернуться и то надобно напряжение?

Лучше держаться одних речей, а то как раз запутаться можно. Ниточку потеряете... Общие беседы вести можно со всяким, — а что до дела, то уж одного слушать. А вообще о духовных вещах со всяким можно беседовать... Это хорошо — душу шевелит... и воздух ее очищает.

Сейчас развернул святого Исаака Сирианянина — сего единственного учителя трезвенной жизни. Где бы вы ни были, возите с собой эту книгу. Начал читать, и первые строки — как раз, что нужно вам. Смотрите, какая похвала зрящим выну (всегда.— *Ред.*) Господа в сердце. “У кого помышление всегда о Боге, тот прогоняет от себя демонов и искореняет семя их злобы. Кто ежечасно назирает за своею душою, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе духовную зарю. Кто возгнушался всяким парением ума, тот зрит Владыку своего внутрь сердца своего” (Слово 8).

Вот отец Серафим всю свою жизнь стоял пред Господом и горел как свечка. Так и все другие. А разве они не были люди? И предназначение их разве другое, чем наше? — *Живот ваш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 3). Это о всех сказал Апостол.— И не говорит, что должен быть сокровенен, а уже *есть*

сокровен, чтоб показать, что тот и христианин, что всем существом своим сокрылся в Боге, чрез Господа нашего Иисуса Христа. А слово Апостола: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17) к кому относится?.. К избранникам только, или ко всем без изъятия? — Да! ко всем... Стало, и исполнять надо сию заповедь...
Благослови же вас Господи!

16

Благословен еси Христе Боже наш... и прочее. *Пятидесятницу празднуем.* Духа Божия веяние и осенение да подаст вам Податель всяческих! Теплота Его да согревает сердце ваше паче и паче, — пока возгорится огонь, попопалюющий и поподающий! Буди! И будет, если приложите труд усердный и болезненное к Богу припадание. Щедр бо и милостив Господь.

Вот показались поклонники. Все ищут! Хорошо, что ищут. Только не надо думать, что Господь ближе к Киеву или Москве, Афону или Иерусалиму, нежели к другому месту. Место Его —

сердце наше! И когда увидет и возвечеряет... вот и Иерусалим, и паче Иерусалима. О сем восхлопочем. Сердце в нас; но есть путешествие до сердца,— и иногда оно длинно-длинно. Сие путешествие и многотруднее, и ценнее пред очами Господа, и многоплоднее. Кто его совершит, не захочет странствовать, а возлюбит сидеть дома один-одинехонек. Ни видеть, ни слышать, ни говорить, ни двигаться не хочет... Есть в нем видение дивное и предивное, которое поглощает все его внимание, всю любовь, всю заботу. Господь да дарует и нам сию благодать, источник всех благодатей!

17

Утешьтесь! Ведь Господь не есть *гнев наводяй на всяк день* (Пс. 7, 12). Сердце Божие широко-широко... У нас оно воробьиное. Что делать?... *Претерпевый до конца спасен будет*, сказал Господь, а не сказывает, когда и какой конец и что будет впереди,— бурька или ураган. А как стоять, не придумаешь, и как другие стоят, не догадаешься. В руке Твои,

Господи, предаем дух наш! Обаче разумеваая, да разумеваем пути Божии. Покаяние все очищает и гнев Божий утоляет. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит.*

Да утешит вас Пречистая Владычица наша! Крепитесь! Поскорбеть не мешает: человеки бо есмы; а скорбеть до изнеможения не следует. Не поможет сия скорбь; а тихое молитвенное упование — милость Божию привлекает. Ведь не вырвешь ничего из рук Божиих силою... а слезами все можно. Подай, Господи, подай, Господи! Докучать надобно!.. а права нет... все милость! Есть загородки, Богом поставленные, которых никто не ломит. Усильною молитвою надо ударять в них. Господь, сжалясь, примет их... и тогда радость спасения!.. Но упование мягкое, сокрушенное и смиренное да будет. Прав нет на милости Божии. Господь да утешит вас!

Мне вообще приходит на мысль, что люди являются не совсем хорошими так — невзначай, а на деле они хороши. Потому лучше и вернее всех считать святыми.

Последнее можно предпочесть суду даже верному. Тут есть подвиг, и не попусту; чтоб исполнить доброе правило: **выну зреть чистым лице ближняго.** У нас есть пословица: свое немыто бело; она грешна. Надобно наоборот: свое и мыто черно, а чужое немыто бело.

18

Хорошо, что вы каялись и просили у Господа прощения за помыслы присвоения себе добра... Нет злее вещи! Помысл, схваченный при входе, как разбойник, и прогнанный, еще не беда. Но когда от него отражение падет на сердце и оно усладится им, тогда крепко надо бить сие сердце — за измену. Всему же причина невнимание. Не заметит ум, как падет злая искра; а не замечает по развлечению. **Хлопотать-таки хлопчите, но Господа не выпускайте из ума и уст. И припадать к Нему не забывайте.** Пусть трудно: тем ценнее подвиг и тем скорее подается благодать. При добрых хлопотах, напряжение быть с Господом много приносит пользы.

Будем припадать и вопиять: Господи, помилуй!

Эта небольшая теснота поучительна и спасительна... Есть Господь все устрояющий. Он всякие развалины возставит... А другое дело не здесь конец... Плод жизни обнаружится за чертою жизни... Спаси нас, Господи, в тот страшный час; а здесь довольно одного слова: буди воля Твоя, Господи!

19

Какой назидательный урок от лица прачки! И сколько есть в мире сокровенных слуг Божиих и слуг истинных? А мы-то что? Фольга: вычурно, гладко... а коснись рукой — вяло, слабо, никуда негоже. Сколько таин в жизни! И как сокровен путь спасения! И как нужно внимать себе, жать сердце и выжимать всякую оттуда дрянь! Помоги, Господи!

Вот вас совсем разволокли дела. Крепитесь; это спасительно. Есть люди, которые хлопчут и не развлекаются. Но пока Бог пошлет сию благодать,

будем делать, как можем. Отчего вам грустилось? Грусть, спокойствие тихое, веселие... вещи переменчивые, которых источник угадать трудно... И смотреть на них нечего, ибо не в них сила... Погрустилось, слава Богу; и повеселилось, слава Богу... А свое,— все-таки свое.

Все немощи человеческие! Но покончим начатые дела и займемся своим главным. Есть же люди, которые так установились в Господе, что, несмотря ни на какие разволоки, все пребывают с Господом. Крепость ли духа у них выше, собранность ли более сосредоточена, или жар любви и сердечной теплоты обильнее! Будем молиться, чтоб и нам Господь даровал сию благодать. А Он любобообщителен. Усердие, труд, искание не отщетит. Сам прописал: *ищите и обрящете* (Мф. 7, 7). Поищем и обрящем.

Живя между людьми, в сношениях, нельзя, конечно, скоро; но можно. А тут и смерть недалеко. Хорошо умереть в состоянии искания, если не благословит

Господь, — в состоянии совершенства. И на том свете будет восход от низшего к высшему.

Но вот мы и забыли про тот свет, — выбили его из головы хлопоты. Покаемся, отрясем усыпление развлечений, войдем в покой трезвенности и все пойдет. Лучше бы, конечно, тянуть нить непрерывную; но что делать, когда рвется. Опять скрутим, и потянем ту же нить... Ведь жизнь-то наша вся есть прядение одного початка... Все мотается, мотается и составляется большой клубок. На том свете весь разматают... Начнут строго рассматривать достоинство нити, — по аршинам, четвертям, вершкам. А кто пряд, будет стоять и со страхом ожидать, что скажут наконец — хорошо или худо.

20

Господь да укрепит вас в усердии — молиться и молиться. Молитесь не потому, что приятно, а потому, что должно. Более всего навикайте молитве Иисусовой. Пусть так навязнет на языке, чтоб

он сознательно и бессознательно твердил ее. Это не вдруг. Вы, думаю, и не брались еще за сей труд. Он тяжел на первый раз. Но победите себя. Помогите вам, Господи!

Ваш вопрос изумил меня... Трудно объяснить его, как трудно объяснить, что есть день. У вас, кажется, есть небольшая ревность угождать Богу. А что до положения живота, то для мучеников было это самым делом, а для нас значит: не жалея себя работать Господу. В этом смысл широкий-широкий!.. Отчего, например, вам не хочется встать вдруг? Себя жаль. Отчего не хочется стать на молитву? Себя жаль. Отчего не хочется отказать себе в той или другой пище? Себя жаль... И много-много подобного. Тело начинает кричать, как будто его ведут на виселицу. Вот кто одолеет его, тот живот полагает... и это можно каждую минуту, отказывая себе, без жалости к себе.

Конечно, надо всячески хлопотать, чтоб минута смерти была минутой

блаженства; но бывает ли и будет ли она для всех такою, этого угадать нельзя... Потому со страхом и трепетом ожидать ее надобно. Благость Божия безпредельна, — и не хочет нам беды и муки; но что делать, когда мы делаемся недостойными ее? Что сделать с тем, кто говорит: отойди от меня; путей Твоих ведать не хочу? Кто лучше постигал не умом, а сердцем благость Божию, как святые подвижники? Но страх смерти и суда не отходил от них.

Слава Богу, что у вас есть любовь к Господу и желание угодить Ему. И да сохранит Он в вас сие благое чувство, сей огонек, легкий, конечно, и задуваемый многими ветрами, и да сотворит возрасти ему в пламень Серафимский. Его-то паче всего берегите. Беда, когда он погаснет. Тьма-тьмущая настанет, и холод, и всякое нестроение. Лучшая ему поддержка труд доброделания в связи с трудом молитвенным. Тут весь путь спасения. Кажется, немногосложно и нетрудно.

Труд доброделания обнимает:

1. **Добрые дела**, какие Бог пошлет и какие кому встретятся в каждый день, спросонок до засыпания.

2. **Добрые расположения**: смирение, кротость, воздержание, милосердие и прочее.

3. **Крепкую**, как смерть, решимость и усердие работать Господу всем до положения живота. Все это вместе — совокупно. Первые одни без вторых — плохо, и вторым без третьего не так хорошо.

Есть? — Слава Богу. Нет? — Надобно приобрести, устроить и вести труд доброделания во всех видах.

Труд молитвенный вот в чем состоит: умом в сердце пред Господом зреть выну Господа, ходить пред лицом Его, возносясь к Нему и падая пред Ним в самоуничижении непрестанно, и сидя, и ходя, и беседуя. Да, не легко. За то и называется сие трудом молитвенным. А иные говорят, что легко... И как услышат о сем, тотчас подумают: ах, да это ничего, я так буду делать. Не нужно ни поклонов,

ни чтения молитв, ни хождения в церковь, ни другого какого труда телесного при молитве. Ум и сердце — они в моих руках. Ими и буду молиться. Добрый час! Вот и начинают. Но ум разбегается и мечтает, сердце блажничает, — и ничего не выходит. Нет. При труде добродетельного, телесно совершаемого со вниманием, — с умом и сердцем. И Бог, видя труд сей, даст молитву сердечную, легкую, сладостную, все услаждающую. Воодушевитесь терпением и понудьте себя на труд. То, что вы говорите о разлении тела, это у Исаака Сирианна называется **покоем тела**, и ему он много зла приписывает. Оно так и есть. Видали ли вы электрическую машину? Если цепь от цилиндра проведена к земле, то сколько ни верти колесо, электричество не будет ощутительно — все будет уходить в землю. Такой же враг и покой тела.

Прогоните его. Разсердитесь на тело и помучьте его немного. Помолитесь о

сем — и Господь поможет. А зла в этом покое много.

Ваше время только то, когда вы у себя в комнате. Его потрудитесь распределить так, чтоб оно все принадлежало Господу, — утренние часы особенно... от просонок до 12 часов. — Тут поместите вашу утреннюю молитву. Лишь проснетесь, вставайте. Не жалейте тела. Если оно блажить хочет, разсердитесь и согните себя с кровати. Хорошо, если сей час же и на молитву, чтоб все думали, что вы еще спите. Вы уже знаете, что поклоны умиляют. Да, поклоны весьма важное дело. Ими надо начинать — три, пять, десять... пока посогреется сердце; ибо просонок оно всегда бывает вяло и холодно. Потом прочтите утренние молитвы не спешно, со вниманием, зря Господа пред собою, чтение сопровождайте поклонами поясными или земными, смотря по движению сердца; но чем чаще, тем лучше... Заключите чтение опять поклонами, моля Господа о том, в чем чувствуете нужду, пока насытится сердце. Число поклонов, если

нужно, определите себе сами, а то так, сколько душе угодно... хоть сотню. По совершении молитвословия, хорошо несколько времени провести в богомыслии, — или в творении молитвы Иисусовой. Сядьте — или стоя и ходя — и говорите: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...* говорите сию молитву побольше раз... уж не менее сотни. Потом и днем, сколько можно чаще, творите сию молитву. И к иконе днем-то хорошо почаще подходить и класть поклоны по усердию: пять, десять и более, с молитвою: *Господи помилуй, Боже милостив буди...* вот и все. И пред сном такой же порядок, то есть несколько поклонов вначале, молитвы на сон грядущим, несколько поклонов опять и, по крайней мере, сотню молитв Иисусовых. Как хорошо ходить в церковь для воспитания духа молитвенного! Все это знаете... Устройте же себя бывать чаще в церкви за обеднею, или вечернею, или как можете. Если б всякий день и все службы бывать в церкви, то скорее бы разверзся источник молитвы сердечной...

Бывайте, по крайней мере, по возможности. К сему молитвенному труду надобно приложить чтение слова Божия и святых отцев. Хорошо читать каждый день дневное Евангелие и дневной Апостол. И сделайте так — утром, после молитвы Иисусовой. Но читайте с размышлением, углубляясь в силу слов и, сколько можно, доводя до сердца. Хорошо, когда какое место займет всю душу. С ним можно ходить весь день, держа его в памяти.

Из святых отцев: святых Исаака Сирианяина, Ефрема, Макария Египетского, Достопамятные сказания, Лествицу, Варсонофия и Иоанна и других. Из них каждый день прочитывайте скольконибудь. Много не надо читать... Прочитавши что-нибудь, жуйте то, пока дойдет до сердца. И довольно. Вот вам признак полезного чтения! Когда какое место так займет, что все мысли и внимание сосредоточатся в нем, это хорошо. Всякое другое чтение есть праздное.

По вечеру, или после обеда, хорошо читать жития святых дневных. Для того

под руками имейте Четь-Минею. Есть ли у вас какое рукоделие? Если нет, изобретите. Без рукоделия плохо. Читать и молиться (разумею молитву и вовне выражаемую) нельзя непрестанно. А праздно сидеть, мысли блуждать начнут; так и надобно в помощь себе рукоделие изобрести. Рукоделие продавайте и на милостыню раздавайте, прося Господа о помощи в науке молиться Ему. Как распределить молитву, чтение, рукоделие, вам самим виднее. Только так распределите, чтоб не было праздного времени ни минуты. (Входя в комнату, несколько поклонов; выходя то же всякий раз.)

Кажется, все уже сказал. Господь да благословит вас и вразумит. Помните только, что все дело — сердце, к Богу горящее и непрестанно в сокрушении внутренне к Нему припадающее. Надобно поболеть, понудить себя, помучить без жалости. А враг не спит и все толкует: то не нужно, другое не надобно. Помощник ему наш ум, или наше умничанье. Господи, помилуй нас!

Скорбь от нападков Запада утихла было у меня. Теперь возобновлена и еще с большею силою. Скажу вам наскоро две, три мысли. По виду у нас с римскими католиками много сходства: догматы те же, кроме новых, изобретенных ими о происхождении Святаго Духа и — недавний — о непричастии Божией Матери первородному греху. У них также догмат — и главенство папы. Таинства одни; но они у них почти все изменены в форме и разнятся ею не только от Восточной Церкви, но и от своих древних чиноположений. У них и Вечерня, и Утреня, и Литургия, и другие молитвенные службы церковные, как и у нас. Но если рассмотреть, как все бездушно и даже бессмысленно! Когда проследить подробности, то явно всякому, как далеки они от истины. Лукавые пропагандеры смущают общим обзором, скрывая разности. Те же разности, кои слишком выдаются, они смягчают кривотолкованием. Например, у Гагарина... “У вас, — говорит он, — не определено

соборно, как веровать о происхождении Святаго Духа; потому для вас верование об исхождении Святаго Духа и от Сына есть частное мнение, которое, принимая кто-нибудь, никак не подлежит суду своей Церкви". Видите ли софизм? А разве постоянное верование Церкви, что Он не исходит от Сына, не есть голос Церкви? Когда не принят их догмат, разве этим не сказала вся Церковь, что не должно верить ему? А собор, бывший при патриархе Фотии и папе Иоанне VIII, разве не анафематствовал принимающих исхождение Святаго Духа и от Сына? Потом все писания богословские на Востоке, все катехизисы что значат, как не выражение учения Православной Церкви? По всему сему верить, что Дух Святой исходит от Бога Отца, есть догмат обязательный, а верить по-латински, что он исходит и от Сына, есть уклонение от Церкви, ересь. Утвердитесь против сего софизма.

Говорят еще: "Что мешает верить происхождению Святаго Духа и от Сына? Это не уничтожает вашего

догмата, а прибавляет к нему новую истину; знать же пять истин, конечно, лучше, нежели знать четыре”. Каковы уловки! Хорошо к истине прибавить истину, а если ложь прибавляют, то искажают ее. Горечь, подлитая к меду, губит мед. Суд написан строгий тем, кои прибавят.

Таковыми и подобными софизмами они сглаживают слишком резкие различия. Я думаю, простого смысла достаточно к тому, чтоб разобрать хитрость. Они сего и говорить не станут знающему, а так наудачу бросают мыльные пузыри на воздух, авось кто-нибудь заглядится.

Оторвали меня и надолго... Забыл, что хотел еще сказать. Да, — вот что! Дух католичества земной. Церковь у них и по-ихнему есть политическая корпорация, человеческими силами и средствами поддерживаемая, каковы: инквизиция, индульгенции, — с видимою главою. Православная Церковь есть духовный союз всех во Иисусе Христе и чрез Него взаимно между собою. Церковь

невидимо правится Господом и направляется к своему концу. У них ведет ее папа, и куда?!! Довольно пока.

Господа ради, берегитесь духов сих лестчих, и других охраняйте. Потрудитесь прочитать: “Правда вселенской Церкви”, “Слово Православного католичества” А. Н. Муравьева*. И на французском: “Question religieuse d’Orient et d’Occident”. Москва, 1857. Там все разъяснено хорошо...

Господь да сохранит вас и благословит всех всяким благословением.

22

Удивляюсь и не догадаюсь, что такое с вами было. Благодарение Господу, что прошло. Будем молиться, чтоб не повторялось. Его мрачность, князь века, добирается до вас, пробует, с какой стороны можно сбить с ног. Испытаний вокруг много. Подбегите под кров Матери Божией и святых Божиих! от испытаний никому

---

* Святитель имеет в виду книги: “Правда Вселенской Церкви о римской и прочих патриарших кафедрах” и “Слово католического Православия римскому католичеству”. — *Ред.*

не избежать; но можно избежать падений! Самому нельзя, а с Богом и помощью небесною. Она готова, окружает всякого, только надо не разделять себя от ней, не отгонять ее. Отгоняется она страстными помыслами, чувствами и желаниями. В сердце смотрит Господь, и каково оно к Нему, таков и Он к нему. Затем неизбежный закон для всех ищущих Господа: внимать себе, или вести внутренне бодренную и трезвенную жизнь. У вас есть Добротолюбие? Посмотрите там Исихия, Филофея Синаита, Феолипта и еще Диадоба, епископа Фотики, — все о трезвении. С помощью их поймете, что такое трезвение, бдение духовное и бодренность. Есть поговорка: тишина такая, что, муха пролетит, слышно... Так у трезвенного все тихо в душе; как свеча горит возношение сердца к Богу непрерывно. Чуть что стороннее, сейчас видит и прогоняет; и опять покой... и так далее...

Вот этого надобно добиваться. Делайте так. Знакомо вам место молитвы, или место сердца, тепло молящегося?

Там, где бывает тепло во время молитвы, станьте вниманием, и будьте там и не желайте выходить; но будьте не одни, а с мыслию о Господе, сущем и в вас; пекитесь при сем о едином — сохранить непотухаемою сию теплоту ко Господу. Это главное! Когда начнете сей внутренний подвиг, тогда дело научит вас само, как сие делать, — что помогает ему и что мешает. Возьмитесь за это. Только тогда, как теплота установится, начинается внутреннее очищение.

Когда отделяется чистый металл от руды? Когда раскалится руда... Так и здесь... А до того все — не то что ничто, но и не что-нибудь дельное, прочное. Так вот вам и урок! Выучите и скажите, что будет с вами и в вас! Когда будете стоять в сердце с мыслию о Господе, тогда ум постоит-постоит, и уморится и начнет вилять туда и сюда, как бы убежать. Тогда дайте ему сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа, то есть молитву Иисусову, и пусть твердит. Но помните, что страх Божий наперед должен освежать воздух сердца и во все

время освежать и очищать... Есть внутреннее благоговейное и уничиженное к Богу припадание, обращающее человека в пыль и прах пред Господом... Сие творите... И будет у нас так: утром с первого сознания страхом освежать все внутри... молитва затем согреет... молитва Иисусова с внутренним к Господу припаданием продлит сию теплоту... и слава Богу! Но добиваться надобно до сего. Не вдруг — то; не то, что вязать иглою, — посмотрел и знаешь. Весьма помощно к сохранению теплоты утреннее чтение, — и из него та мысль, которая прикует внимание и как лучом падет на сердце и осветит все внутри. Ее чаще потом поминать надо и вращать в уме. Можно и правилом положить, — коль скоро встретится такая мысль при чтении, прекращать чтение. Врагов сему делу много, сами увидите... главнейшие: глаза, уши и движение с языком, то есть многовидение, многослышание, многоглаголание, вольнодвижение. Как пронести стакан воды отстоявшейся, чтоб не

возмутилась? Чуть-чуть шагать надобно... Но все сами увидите, когда начнете дело. Только начните, а то вам беда будет. Собъетесь с толку. Искушение вас постигло от тщеславных мыслей и внутреннего самодовольства и самохвальства! Вот и возражение: как можно? Уж я ли не смиренна? — Подождите! Потрудитесь делать так, как прописано... И тогда, что окажется, то и есть... А теперь, что говорить? Пока не сядет душа умом своим в сердце, до тех пор не видит себя и не сознает, как следует. Похвалы, как я уже писал, то же, что ногу подставить бегущему... тотчас споткнется... и нос разбит... а у иного и дух вон... Боже упаси! Ну, уморил я вас! Но это урок... Уж как хотите, а трудитесь, если хотите добра себе и любите Господа... Трудитесь. Лишь чуточку окажете успех, тотчас и лень вся пройдет.

Развернул Исаака Сирианина и напал на главу, которую и вам прочитать и усвоить всю сполна не худо. Вся жизнь наша, и внутренняя и внешняя, изъяснена. Это Слово 47.

И пересмотрел ваше письмо, и дивился все: что такое было с вами? Но, когда прошло, будем молиться, чтоб не возвращалось. Очень рад, что вы попали опять на старый лад. Запомните, пожалуйста, что, кто не начинал порядка жизни духовной, для того разорение внутреннее, нехождение по нем, непотрясательно. Но кто начал и бросает, для того это очень пагубно. Зерно, не прозябшее на морозе, не гибнет, — сила жизни хранится в нем; но подмерзший цветок — семя жизни раскрывшееся, гибнет или повреждается по мере мороза. Так и здесь. У кого уже жизнь начала являться, весьма пагубно бросать. Заметьте сие. После каждого бросания силы все будут слабее и слабее. Совсем наконец разслабнут, останется одно имя, внешний порядок жизни без внутреннего соответствования ему. Боже избави от сего... Избави вас Господи легкомысленно обходиться с вещами духовными. Начали? не бросайте! Хоть понемногу, а все надо. И вот что значат слова Аввы

Дорофея, выписанные вами. Они имеют в виду внутреннее разорение. И притча Спасителя то же значит... в нечистом доме один бес... а в очищенный, но оставленный по нерадению, возвращаются уже семь бесов. Тот же вывод, что у вас, — не верен: ибо, делая что хорошее, не благодеяние оказываем Богу, а свой долг исполняем... Да на что лучше доказательства? Ваше состояние в двадцать дней — каково было, и на что оно похоже! Так вперед *бдите и молитесь, да не увидите в напасть* (Мф. 26, 41).

24

Вы что-то совсем разсеялись. Упокоясь в своей хате и среди окольных льстивых отношений, чай, забыли, что надо ухо остро держать. Враг не дремлет. Закружит немного голову и в ту пору подсунет какую-нибудь фигурку: это в его уловках.

Кажется, я прописал вам однажды нужный урок. Дошел ли он до вас? Поломайте голову и душу свою на то дело. Хорошо, куда как хорошо! А навязло ли

вам на язык имя — сладчайшее имя — Господа? Надо добиться до того, чтоб оно само читалось. Хоть и мысль забежит куда... а, опомнясь, найдет на языке то же имя... Добивайтесь до сего. И на сердце еще теплее будет. Вот и рай, — на земле, но небесный! А другого чего искать? Смерть неверная придет, и глаза закроет, и руки свяжет, и ноги подкосит, и червякам отдаст. Какая немилосердная! — А ведь и не узнаешь, как подкрадется... Но потом что! Там уже расчет короток! Душа бедная, голая, одна-одинехонька — всю насквозь видно... И сама себя видит, все другие ее видят... а спрятаться и убежать некуда. Вот нужда и теснота! Поминайте час сей и минуту сию. И Господь поможет вам подготовиться к ней и с дерзновением предстать пред Господа и сказать: подвигом добрым подвизалась. Покаяние Господь нам дал, как умывальницу небесную. Оно всю душу вычищает, как снег белу делает. Станем плакать и сокрушаться. Грехов много, добра нет. Что сотворим? Господи,

помилуй! *Всякого ответа недоумеюще, сию Ти молитву, яко Владыце, грешнии приносим, помилуй нас!* Как сладок Господу глас сей из уст и сердца грешника! Станем в ряд грешников. Небо проходит глас их сокрушенный и Господа оттуда сводит на землю. Вопль нераскаянных на суд низводит Господа, как Содом, а вопль кающихся грешников — на милость, как Ниневия. Уж куда нам в праведники? И беда нам, когда мысль попадет на самоправедность... Какая злая сия мысль! Как она убивает душу! Точно зловредная роса на нежный цветок или страшно холодный ветер, который все окостеневает. То ли дело грешнику кающемуся. Объятия Отчи отверсты ему. *Пад на выю облобыза его* (ср.: Лк. 15, 20). Сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит. Давайте так делать. Когда вкусим сладости покаяния, иной и не похочем.

25

Вот вы начинаете учиться ловить мух. Хорошо. — Разумею осуждение. Толь-

ко мало сказать, надо пожалеть, сокрушиться и со страхом, как на суде, исповедать Господу греховный помысл. Так и во всяком случае. В сем непрестанное раскаяние, которое есть главное дело внимающих себе. Когда нападают недобрые помыслы, надобно отвращать от них око ума и, обращаясь к Господу, именем Его гнать их. Но когда помысл пошевелит сердце, и сие лукавое маломало усладится им, тогда надобно бранить себя, и умолять Господа о помиловании, и бить себя до тех пор, пока в сердце родится противоположное чувство; например, вместо осуждения возвеличение другого, или, по крайней мере, сердечное чувство почтения к нему. Самохваление и осуждение две самые обычные у нас вещи. Лукавое сердце само дрянь дрянью, а все трубит: *несмь якоже прочии*. И сколько оттенков этого, что перечислить нельзя. Трудитесь усерднее над укреплением себя во внимании ума и увидите, что за сокровище наше сердце. Делайте так: с утра поглубже утвердитесь в помышлении о Господе,

станьте пред Ним умом, во время молитвы; и потом весь день напрягайтесь не отступать от него, взявши в пособие сладчайшее имя Его. Делаете ли что, говорите с кем, идете, сидите, кушаете, — ум все с Господом да будет. Забудетесь, и опять воротитесь ко Господу и себя побраните с сокрушением... и все так... в этом подвиг внимания. Тогда, при свете Господа, ни один помысл не укроется, и оценка им будет верная, разлетятся все благовидности. А между тем душа будет все крепче и крепче прилепляться к невидимому и становиться сильнее. Помните, что было с вами в монастыре. То пустяшные позывы. Вот та тревога, что была во время поста, когда серчание было, — посильнее. Бывают и еще сильнее... Куда тогда деваться? Вот и надобно загодя приготовить в сердце покойное местечко, у ног Господа. Случится тревога?... сейчас туда, и кричать и кричать, как бы отчитывать черную немочь, и Господь поможет: все стихнет. Опять буря; и опять то же делать. Вот и вся программа жизни.

Господь да поможет вам. Только не ленитесь! Увидит Господь, что вы себя нудите на внимание и память о Нем, и подаст сию благодать... А труд все-таки нужен, хоть он один не порешит дела. У вас бывает иногда при молитве, что слова говорить или читать не хочется, — и не говорите, и не читайте; а стойте так, или кладите поклоны... Как хорошо не разорять сего состояния и продолжать его сколько можно долее. Но лукавый хитр. Сейчас подсунет какое-нибудь дело, чтоб занять им, и все улетит. Внимайте и не поддавайтесь. Но общим правилом молитву без слов и чтения поставить нельзя, и никто никогда не ставил. Правило свое все же надо исправлять, как следует... и если во время его припадет теплота и свяжет язык, оставить чтение... Но когда есть теплота легкая, которая поддерживается только чтением, тогда надобно все читать не останавливаясь. Также чтение подвижнических книг, для укрепления себя во внимании, есть необходимое условие; но только чтение книг о трезвении,

вниманию и молитве. Другие книги развлекают.

Будем продолжать нашу беседу. Вы думаете, что напрасно трудитесь над молитвою Иисусовою, приходят такие мысли. Но не думаете ли вы, что в словах вся сила? Слова — пособия немощному уму, который неохотно стоит на одном месте и на одном предмете. А существо сего дела: умное стояние пред лицом Господа, — со страхом и трепетом, непрестанное, неотходное, сопровождаемое теплотою сердца, стягивающею воедино все мысли, и чувства, и расположения. Когда у вас тепло на сердце, есть благоговение, ум зрит Господа, это и есть существо дела... облечите в форму слова это состояние и будет: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* И обратно, когда нет того состояния, сия молитва будет воспроизводить его; только со вниманием, с мыслию и сознанием надобно произносить ее. Читать без сознания какая польза? Ведь это не заговор какой. Вам приятнее молитва Богородице, читайте ее...

или *Отче наш*... или другой стишок, который держит ум в порядке. И отцы так делали, не все одну молитву творили. У Иоанникия Великого было: *Упокоение мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый*... А потом всеми признана молитва Иисусова, — по чину Марии, у ног Спасителя приседяще, в чем единое на потребу.

Вы видели в себе раздвоение, и дивитесь, как оно возможно. Оно должно быть. Сначала человек был единичен в себе. По падении пришел другой человек, противоположный первому совершенно. До обращения человека на путь правды страстный — весь составленный из страстей — человек одолевает, заглушает безстрастного, чистого человека, но не уничтожает. Когда с помощью Божиею пробудится человек от усыпления, то начнет бороться, вырываться из когтей страстного человека, или вырывать себя по частям; один стоит на одной стороне, другой — на другой, и страшная у них пальба. Но сознание у человека одно, хотя внутренние

движения раздвоены. Вот и непонятно, что такое: из одного сердца два противоположные голоса. Внимайте себе. И злое отрезайте, а к доброму прилегайте. Посмотрите (да вы, чай, читали) у Макария Египетского прекрасно изображено сие раздвоение. Прочитайте и еще... Что писано у Апостола Павла: *вижду ин закон во удох моих, противу воюще закону ума моего и пленяющ мя законом греховным* (Рим. 7, 23), это и есть наше двоесоставие. Человек, сознанием и сердцем сущий на стороне страстного, страстен весь и Богу противен. Человек, сущий на стороне безстрастного, хотя в нем есть и борют его страсти, не противен Богу, ради нелюбления страстей и желания делать не по ним, а по воле Божией. Этим благим предложением сердца и решимостию угождать Богу он считается невиновным в тех страстях, кои искушают его, ибо он не хочет их. Пока смолкнут, к Богу вопиять сильно нужно. На помочах ходим, а под ногами вулкан готов взорваться... Мати Божия! покрой нас честным Твоим омофором.

Читать ли вам другие статьи в Добротолюбии? Довольно и тех, которые указаны. Не смущайтесь тем, что в них прописываются некоторые телесные делания, например, стеснение дыхания, сидение на стульце, примрачность места и прочее. Все это бывает многим нужно, — и не есть существо дела, а обстановка, приспособление внешнего к внутреннему — не бесполезное. Когда встретите что неудобопонятное, пропускайте и давайте знать. Стеснение дыхания не есть прекращение его, а только сжатие гортани. Вы делаете то же, только не замечаете. Когда в скорби умоляете о помощи, речь идет из стесненной гортани и с дыханием сдерживаемым. Так ли?.. Вот это и есть, о чем там говорится. Берется следствие средством к причине. В статье Ксенофонта и Игнатия и, кажется, Никифора много есть о сем, и у Григория Синаита. Попадет на глаза, не смущайтесь. Это обстановка; средство, пособие, а не существо дела.

Р. S. Посылаю вам при сем тетрадку — об исправлении сердца и борьбе

со грехом. Прочитайте со вниманием. Эти статьи пояснят вам, что бывает внутри нас, ради живущего в нас греха (см.: Приложения. Б, В).

26

Славу Богу! — Вот вы начали понимать, что нужен страх — верная ограда. Молитесь Господу и Пречистой Владычице, — чтобы он пришел и преисполнил сердце. В нем нет ничего болезненного, — а благоговейное, трезвенное и отрезвляющее и освежающее чувство — как утренний ветерок, — он не отнимает теплоты, а дает ей истинную температуру. Одна любовь смягчит и разблажает. Но есть блажная теплота — от инуды (от иного. — *Ред.*) — состояние, похожее на состояние любви, где, однако ж, на деле нет сей последней, а только кажущийся призрак ее. Сия последняя вещь делает душу дерзкою хозяйкою, и тогда она дает себе вольности и льготы, как бы по какому-то праву, ни во что их считая и не чая давать в них ответа. Хорошо, если это сходит с рук, и Ангел

Хранитель как за руку держит, и все беды отводит, а то может кончиться тем, что послабление за послаблением и — и прощай все. Вот ради сей-то беды — страх великий сопутствовал святым, до самого исхода и по исходе — до решения Божия. Он отрывает (отвергает. — *Ред.*) всякую чуждую блажь, — и ставит душу в струнку. И надобно молиться! Страх твой, Господи, всади в сердца нас поющих Тя.

Вот каков ваш пост был — в Великую Пятницу! — Только напрасно вы нападаете на пост, — и так разсерчали на него, что уж никогда не будете так поститься. Как Бог даст. Может быть, и неделю пропуститесь, и ничего такого не случится.

Это Господь хотел вам показать, — что вы такое одни — без осеняющей и покрывающей Его благодати. В это время Господь отступил немного от вас, — не бросил, а отступил; вы остались одни — с своими силами, и со всем тем, что есть в вас. Такой закон у премудрой благодати Божией. Сначала обливает

душу всякими утешениями, и все легко; и как одеждою какою одеяно сердце теплотою, и ум светлостию созерцания. Но тут близко искусительное помышление: ну, слава Богу... теперь, кажется, уж мы установились (у вас есть в письме это выражение), — не то что прежде... дело идет хорошо... сердце не худо, да и ум нешто... Что прежде было хорошо, — это совсем не от ваших сил и трудов, а от Господа, по Его единой благодати; вы же верно помечтали, или понадеялись на себя, или восчувствовали себя крепкими и безопасными. Господь снял с вас одежду благодати Своей, — вы остались одни... все стало сухо, жестко и примрачно... то есть Господь дал ответ на ваше помышление: “На — посмотри, что твое сердце и что твой ум!” — сердце злится, и ум не знает, о чем думает, — и воля потеряла всякое усердие. Так вот вам урок Божий. Заучите его — и иначе себя не знайте, как такую, каковы вы были в тот день. Если бываете лучше, все то воздавайте Господу, — и благодарите Его и со стра-

хом вопийте: Господи, не отыми от меня покровы благодати Твоей; а себя все зрите такую, какою были в тот день. Благодать носит душу, как мать дитя свое. Когда дитя зашалится, — и вместо матери начнет засматриваться на другие вещи, тогда мать оставляет дитя одно, — и скрывается. Заметив себя одно, дитя начинает кричать и звать мать... Мать опять приходит, берет дитя... и дитя еще крепче прижимается к груди матерней. Так делает и благодать. Когда душа зазнается и забудет думать, что носится и держится благодатию, благодать отступает... и оставляет душу одну... Зачем? — затем, чтобы образумилась душа, почувствовала беду отступления благодати, и начала крепче льнуть к ней и искать ее. — Такое отступление — есть действие не гнева, а любви Божией вразумляющей и называется отступлением поучительным. У Макария Великого и у других есть много о сем... и у Диодоха, кажется, на конце.

Как хорошо, что это с вами было. Учитесь. А поста не чуждайтесь. Он

вещь прелюбезная. Только помалу... Обычно так, чтоб после еды все в душе оставалось по-прежнему, то есть и та же теплота сердца и та же светлость мысли. Это мерка. Это определит и количество. Особый пост принимать надо тогда, когда есть внутренняя потребность, — душа требует, — совесть обязует... тогда и сила большая будет, ибо тогда душа бывает сердита на свое тело и хочет его умучить.

Я очень поразсеялась... Да и то сказать, какое самовластие! ведь человек; а тут отклонишься немного, и пойдет в душе суд... надо-едает это — прежде было мирнее и веселее Какое страшное слово вырвалось у вас. Это то же что: отойди, — путей твоих ведать не хочу. Покайтесь и крепко поплачьте пред Господом, чтобы не разгневался за каприз и не сказал: когда не хочешь — убирайся... Есть внутренний невидимый Божий суд и Божие отвержение. Ах! избави нас, Господи, от него. Конечно, мы люди, как и все люди, и не можем от всего вдруг оторваться, но послабление сие давать себе

надобно вынужденно, с самоосуждением, — а не по праву. По праву мы грешники, недостойные никакого утешения... Если Господь оставил еще на земле и внешние и внутренние утешения, то затем только, чтобы мы не пали в отчаяние, то есть чтоб показать нам, что Он готов нас миловать, а не потому, чтоб мы право имели на утешение. Темничному заключеннику дается льгота иногда — не по праву его, а по милости царя, — это мы.

Прежде было мирнее и веселее Что прежде было, было не то, чему следует быть. То призраки мира и веселия, в самозабвении, как в опьянении. Если потрудитесь, то Господь подаст прочный и истинный мир. Но потрудиться надобно. *Отклонишься — суд и тревога* Слава Богу, что есть суд и тревога, и беда, когда стихнет остепеняющий голос. Неужели вам хочется пуститься во вся, без всякой задержки и обуздания?.. *Какое самовластие!* Кому же это вы говорите? Ведь это Господь хочет властвовать над вами, или хочет, чтобы вы Ему

воздавали Его право над вами. Да вы разве госпожа какая? Вы раба, купленная ценою крови, вопиющей паче крови Авелевой, — или в оправдание вам, если будете покорны Искупившему, или в осуждение, если будете бунтовать. Заучите это и слушайтесь того голоса, который говорит вам: это нехорошо, оставь; а это хорошо, делай (прочтите 6-ю главу послания к Римлянам). Господа ради со страхом спасение свое содевайте. Не позволяйте себе легкомысленно давать волю своей душе. Ее всегда надобно держать на привязи и в мыслях, и в чувствах, и в хотениях, потому именно, что они нехороши, недоброжелательны нам, они в заговоре с князем века против Господа, за нас распявшегося. Я прежде вас просил и теперь умоляю, слушайтесь того, что говорит вам внутренний голос; и сейчас удовлетворяйте его требованиям. Не давайте свободы душе. О чем же у нас теперь и толк? И что будет проку, когда одною рукою создаем и другою разоряем? Вы позволяете свободу мыслям, речам, делам,

в той мысли, что вынуждают другие. О чем теперь мы и хлопочем, как не о том, чтоб сохранить трезвенный ум, несмотря на все внешние развлечения? Если вы остаетесь собранными, когда одни сидите, когда читаете, разсуждаете, молитесь, то в этом нет никакого подвига. Это само собою. Уж ни на что бы не было похоже, если б ум и при этом бродил. Но то подвиг истинный — стоять умом пред Господом, несмотря на то, что его все тянет от Него. Вникните в сие дело и сего ищите. Как? Когда начнете, увидите как. Празднословия, шуток, смехов не позволяйте. Надо связать язык. Ибо это колесо, которое большею частию вращается адскими парами (см.: Иак. 3, 6). Говорите, когда вынуждены. У вас одна должна быть речь: *Господи, помилуй мя*, — молитва, сладчайшим именем Господа освященная. Это закон неотложный, а не такое дело, которое можно делать и не делать. Не сердитесь, что написал грубо, но так есть, иначе нельзя. Господь да умудрит вас.

Слово не мерять себя вам понравилось. Хорошо ли вы поняли, что это значит? Не мерять себя значит не думать, что вот уже с аршин выросла, десять сажень, а вот тот — всего на пол-аршина, а у этого и четверти нет и подобное; а думать, что мы ничто, не останавливаясь, однако же, а паче и паче ревнуя преуспевать, по Апостолу, *задняя забывая, в предняя простираясь, дондеже достигнем в меру возраста исполнения Христова* (ср.: Еф. 4, 13; Флп. 3, 13). Господа ради, не поймите сих слов так: довольно и того, что есть, — что себя нудить? Нет. *Подобни мне бывайте*, говорит Апостол, *яко же аз Христу* (1 Кор. 4, 16). Эти образцы преднапишите в мысли и ревнуйте отобразить их в себе; а то, кажется, вы подумали, что вам подушечка подложена мягкая, чтоб спокойнее спать. Боже сохрани! Ретивость да имейте.

Не диво ли, скажите? Что всего известнее нам, кажется, сердца, а вот не знаем, где оно и не умеем обрести места его. А надобно. Благослови вас, Господи! Трудитесь, но без особенных напряжений

и усилий. Молитесь, чтоб Господь помог и Матерь Божия Пречистая. Помнится мне, что вы писали, что от внимания даже голова болит. Да, если головою только работать, а когда сойдете в сердце, никакого труда не будет, голова опустеет, и помыслам конец. Они все в голове, и один за другим гонятся, и управиться с ними нет возможности. Если же найдете сердце и сумеете стоять в нем, то всякий раз, как начнут смущать помыслы, стоит только низойти в сердце — и помыслы разбегутся. Это будет уютный уголок, безопасное пристанище. Не поленитесь низойти... В сердце жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет. Это дело всех начинающих искать Господа. Тогда только и начало жизни, когда в сердце покажется сосредоточенная неугасаемая теплота; а теплота легонькая, весьма непрочна. Сначала Бог сотворил свет разлитый; а в четвертый день сосредоточил его около солнца. Так и в духовной жизни — и при чтении, и при богомыслии, и при молитве, и в

церкви, и при беседе бывает в сердце теплота; но какая-то легкая, наваянная, а не привитая. Надобно, чтоб она сосредоточилась в сердце, привилась к нему, затлела и горела. Тогда любо. Се есть огонь, который Господь пришел вверши на землю. Благослови вас, Господи. Трудитесь; но не думайте, что сами что можете, а с сокрушением взывайте: Господи, помоги, Господи, зажги! — Один старец, Максим Капсокаливит, два года умолял Пречистую Богородицу; и дала ему огонь, и стало, говорит, хорошо. — И вы молитесь и трудитесь, то есть ищите, как установиться в сердце. И Господь, видя труд ваш и то, что вы искренно желаете сего блага, подаст вам благодать горения сердечного. Это ведь значит — в сердце-то стоять. Тогда только и можно стоять, когда оно загорится, а дотоле труд. Не робейте. Воображений разных бегайте. Ничего во всем этом нет особенного. Это общий путь. Крепитесь. Матерь Божия вам помощница... Батюшка отец Серафим научит. Помните, как он однажды во время

обедни обнят был огнем сердечным. Вот блаженное состояние! — Оно возможно и в нас. — И небольшого труда требует, — только постоянного. Вот и рай! — *Ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7).

Господа ради внимайте сердцу своему в отношении к делам других. У вас достанет соображения, как извинить их. В сердце у вас бывает сильная тревога. Оставляя в стороне — право или неправо, обращаюсь к одному сердцу, — и вижу там пожар, язву, боль. Обратитесь и вы туда, — и пожалейте себя. Что нам за нужда до других, когда дома пожар?.. Поспешим в свой дом и начнем тушить. Вперед приготовляйтесь к брани, именно — сообразите всевозможные случаи, обсудите их и положите себе, какими мыслями отражать худое в том и другом случае. Такой прием много помогает; ибо не будете застигнуты врасплох. А другое дело время и опыт научит. Только благого намерения очищать себя и поправлять никогда не оставляйте. В решительном намерении — работать

Господу до положения живота — корень жизни. Когда это есть — значит, есть жизнь, а когда нет, жизни нет. При нем могут быть ошибки, уклонения, даже падения крепкие; но когда оно цело, — все не беда еще. Упал кто — поднимется; зашибся — вылечится. Оно нить, на которую нанизываются все доброты; но оно же и нож, которым отрезывается все недоброе. Храните сию сердечную ревность, посвящая себя Господу поминутно. А то, что по обстоятельствам иногда невольно бывают опущения, отступления, даже кривые шаги... что делать? — Только не оправдывайте себя в них. Осудите себя перед Господом, сокрушитесь и исповедайтесь Ему. И еще — никогда не допускайте себя до чего-либо произвольно, сознательно. Терпите Господа при всех разволочках, при всех помехах и неудобствах. Он видит все и правою мерою смерит — что вы? А нам, грешным, где догадаться, что мы? Земля и пепел. В молитве укрепляйтесь мало-помалу. Царствие Божие не приходит с усмотрением. —

Как дождь на руно сойдет оно в час ночи неподмечаемый. И не вдруг, а надобно трудиться. По труду и покой, мир Божий, превосходящий всякий ум. У батюшки отца Серафима это названо — мирным устройением сердца. Да сохранит вас Господь! Благодать вам и мир от Господа. Молите Бога о мне.

27

Спаси вас, Господи, и помилуй! Неделя трудов наших прошла, далее будут полутруды. Вот и я попал — в чин исповедующих. — *Аз точно свидетель есмь.* Но как осязательно дается знать, сколько широки объятия премилосердного Спасителя, приемлющего всякого грешника. Пять ран Господа распятого невелики; но за ними лежат необъятные вместилища. С какою кучею грехов ни приди и сколько лиц ни приди, все там упрятается.

Пишите все, что у вас бывает на душе, только не думайте, что вы, или я, или другой кто хорошо может понять силу и значение бывающего. Один Бог

то знает. С нашей стороны только требуется совершенная преданность в волю Божию и глубокое вопияние: *илиже веси судьбами спаси мя.*

Вы боитесь придти к эгоизму от внимания к себе. Я прошлый раз писал вам о практике сего внимания. Примитесь делать так и не бойтесь. Эгоизм образуется от внешних подвигов без внимания к помыслам. Кто же начнет внимать себе истинно и установится в сем внимании, тот начнет поминутно получать от себя самого самые убедительные уроки в смирении. Ибо тогда раскроется, сколько нечистоты лежит на дне сердца. Поминутно выходящие из сердца мысли, движения, желанья — не всегда правые — дадут знать, что сердце есть не что иное, как гнойный струп, издающий отвратительный смрад. Ощущение сие глубоко западет в душу, — и где тут до эгоизма? Путь внимания к себе есть путь истинного смирения — и единственный к тому путь. Вот вы сами пишете: *возникает противное добру.* Откуда оно? Из души же. Стало, внутри души

есть запас противного добру. Какою же надобно считать эту душу? Уж, конечно, не святою. Кто же делает одни внешние подвиги, а себе не внимает, тот как раз попадет в эгоизм. Положит сколько-нибудь поклонов, сидит и мечтает: ну, ныне мы потрудились. Видите, одолжили Бога. Или не поест досыта — и думает: так и все святые; то есть хоть в святцы пиши... и прочее сему подобное.

Существенно необходимы внешние подвиги; но останавливаться на них одних — беда! Встречали ли вы у святых отцев выражение: деяние и разум, в которых они совмещают весь труд о спасении души? Это то же, что сказать: подвиг и внимание.

Простите! Желаю вам всего доброго. Господь да сохранит вас!

28

Спасайтесь! Воздадим благодарение Богу за все бывшее с вами и за текущие дела! Всякое даяние благо от Него — Отца светов! Но какие это около вас начались

призраки? Меня страх берет из-за них. Потрудитесь погашать память о них. Сколько подобным образом попались в сети врагии и из подвижников всеми уважаемых! Беда. — Долго ли запутаться? Одному нужно было что-то найти в келлии, а темно было, — явился огонек и указал вещь. С этого началось, а дошло до вознесения себя выше Господа Иисуса Христа и кончилось сумасшествием. Посмотрите в Лавсаике, сколько примеров! Затем, у отцев прописано строгое правило: не верь чудесностям, — какому-либо свету и прочему. Греха не будет, если из опасения не поверим истинному явлению; но беды много, если поверим ложному. Ибо тогда уже враг вцепится и потянет все кверху и кверху — и оттуда сбросит. Помолитесь, чтоб никаких около вас чудесностей не было. Для вас они не нужны. Они нужны там, где нет веры. А вам на что они? Молитесь Господу, чтоб отвел память о том. А сказывайте всегда. — Избави вас, Господи! Все внешнее в жизни духовной весьма не-

важно. В сердце — все дело. — Что касается до урока о памяти Божией, — надобно потрудиться. Вы говорите — уж начинать ли? Разве это на произвол оставляется? Нет. — Это дело неизбежное. Бог везде, и душа наша вся пред Ним насквозь. Надобно и сознанием своим стоять пред Ним. Как все Ангелы и святые зрят Его и очей своих от Него не отрывают, так и нам, в теле еще сущим, надобно зреть Его. Как солнце держит планеты и водит их за собою, так весь духовный мир, стало, и наши души, должны держаться Бога и водиться Им. И это не час или два, а непрестанно, с минуты пробуждения до samozабвения во сне. Вдруг поставить себя в это состояние нельзя. Нужен подвиг. — Вот он-то и требуется теперь. — Возьмитесь! Бояться нечего. — Для пояснения дела, читайте в Добротолубии статьи о трезвении. Вниманием надо стать над сердцем. Надобно из головы сойти в сердце. Теперь у вас помышления о Боге в голове, а сам Бог как бы вне, — и выходит, что это работа

внешняя. Пока вы в голове, мысли не улягутся покойно и все будут мястись, как снег или толкашки комарей летние. По мере вхождения вниманием в сердце, мысли начнут улегаться, а потом и совсем улягутся, — и станет атмосфера души чистая-чистая. Тогда и муха пролетит, заметите, а до того все тьма-тьмушая. Начало плода — сосредоточенная и непрестанная теплота в сердце. И все тут. Только фамилиарность с Господом надо оставить. Страх великий потребен. Как пред царем в струнку стоят великие вельможи, так пусть и душа будет пред Богом. Что неприличное положение тела пред лицом царя, то неисправные мысли души пред Богом; а забвение о Боге, хоть на минуту — то же, что стать спиною к царю.

Вы когда-то сказали, что ревнивость есть в духовных подвигах. Есть, — и великая! Узрите сами. — Страхом пропитайте душу вашу. Он не болезнен, а освежителен. Он есть начало; но и во всю дорогу не оставляет, только все чище и чище становится. Уединение да чте-

ние — два крыла в сем занятии. Но начинайте — и узрите сами все. Что помогает и что разоряет, откроется сейчас. Но надо уже и строго исполнять узнанное. Совесть вступит в свои права — и начнет журить. Слушайтесь. Сколько придирок будет! Исполняйте. После все уравнивается и пойдет гладко. Помогите вам, Господи! Ангел Хранитель да осенит вас! Покров Владычицы буди на вас!

29

Жу, слава Богу, что вы начали учить урок. Благослови, Господи, славы ради имени Его святого. Трудно вначале, и кажется какою-то нелепостию, вычурностию и сколько невыгодных мыслей о сем деле! — Главное — надо стать умом в сердце пред Господом и стоять пред Ним неотходно и день и ночь до конца жизни. Употребите небольшой труд. Длительность изучения урока и долга и коротка, смотря по вере и усердию. Не ослабевайте. — Будет и подозрение к советуемому, и неблаговоление к

самому делу молитвы, — хула на нее, изнеможение, желание бросить — именно потому, что мудрено. Опасно! Не слушайте, держите свое дело. Враг паче всего всевает хулы на сию молитву. Ибо тогда огонь палит его и отгоняет. Ему приступа нет к тому лицу, в сердце которого внедрена молитва Иисусова. Сладчайшее имя Господа, непрестанно звучащее и глаголющееся в сердце, даже без вашего ведома, будет бить его. Ибо бывает так, что душа — по небрежению и неразумию — забудется и замечтается, — но, опомнясь и возвратясь к себе, находит, что в сердце поется одно и то же: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!* — Ваша мысль о повержении себя в прах пред Господом есть сердцевина сего делания. Будьте так непрестанно, и все тут. На молитве надо стоять, как на Страшном суде. — Так! — В струнку! Это и есть не допускать вольнодвижений и покоя телу не давать. Всякий покой телу ущерб для души. После все сами узнаете... Только положите мерою — теплое припадание

к Богу. В сем блаженство. Все, что мешает, считайте врагом.

Завтра Лазарева суббота, вы будете читать сии строки, верно, на Пасхе. — Христос воскрес! Повторите сие от меня и всем знаемым. — Но прежде страсти пройдем и углубимся в них и поучимся любви у Господа, всего Себя истощившего ради нас, — и тому, как себя приносить Ему в жертву всесожжения! — Благослови, Господи! Мира вам от Господа желаю.

Р. С. Давно я собирался переслать вам одну тетрадку. Посылаю наконец. Прочитайте (см.: Приложения. Г).

30

Зончился чин страстей! Нужен был Крест Господень, чтоб сдержал все наши немощи, грехи и беззакония. Господи, помилуй и привлеки нас ко Кресту Твоему! — Иногда Господь оставляет нас ходить в волях сердца до времени. Гуляйте себе — гуляйте. Но, Господи, даруй же и благодать сокрушения. Стукни в голову, чтоб опомнился и отрезвился

ум немного. Но что и говорить? Тесный путь никому не нравится. — Придут утеснения совне? — Ропот. — А самим себя утеснить не хочется. — Приволья ищем. Сколько Господь страдал, и что осталось в Нем не страждущим, и что не предано ради нас, — весь истощен, — любовь неудержима... *тако подобаше*. Вот точность сообразности с волею Троицы Божества. И нам заповедь, делом данная. На все надо говорить: так подобает. И конец всем помышлениям и всем возражениям. Сказано: *отвергнись себя* (Мф. 16, 24), так и подобает. Сказано: *Бога бойся* (1 Пет. 2, 17), так и подобает. Сказано: *живот наш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 3), так и подобает. Сказано: *препоиашьте чресла помышлений, трезвитесь, бодрствуйте* (ср.: 1 Пет. 1, 13; 5, 8), так и подобает. — А главное, что подобает? — Уж братья за дело так братья, а урывочками ничего не будет. Когда запружают пруд, — как делают? Вдруг спешат завалить проход. А если положить ком земли и бросить дело, то вода разнесет его. Опять положить

ком и оставить, — опять вода разнесет. И так — труд без конца, — а пруд все-таки не состроим. Примените это к душе. Ток помышлений, как река, быстро льется из головы и сердца. Вдруг надобно зажать проходы, — и уж не отпускать. А если немного подержать и отпустить, — ничего проку не будет. Это то же, что строить да разорять. — Припомните, что, кажется, я уже писал вам: что, коль скоро заметите что-нибудь такое, что разоряет ваше доброе начинание, никак не позволяйте себе поддаваться тому. Таков закон. — Господа ради, преодолевайте себя во многом. Многоглаго- лания, слышания шуток и смехов бегайте: в них самое большое зло. Вы сами сие видите. Разве можно смеяться и пустословить пред лицом Господа? — Забыли, что вы пред Ним, и пошло все не так. У ног Господа повергаться — самое существенное дело. Храните сие доброе чувство или делание души. Верую, что ради сего Господь не оставит вас вляяться (колебаться, носиться. — *Ред.*) всяким ветром помышлений

и испустит из себя силу в вас, — и станет ток помыслов. А тогда и свет узрится. Ясно станет, как в Светлое Христово Воскресение. — Ибо, то и есть воскресение души, или зародыш сего воскресения. Всюду нужно терпение. — Ибо без него что сделаем? Всякая малость требует его. Но и Господь многомилостивый терпеливому и постоянно добросовестному труду благословение дает; а от лености и нерадения отвращает очи Свои. Напряжение сил, даже малое, во славу Божию производимое, плодovито; по крайней мере, следы навыка полагает, а навык в добром великое дело. Передам вам как бы слова Господа со Креста. Он говорит: “Я так истощаю Себя, а вы спите”. — Да возмет же и нас утробоязвительная ревность.

Молите Бога о мне. Желая вам всего доброго!

31

Видите, как Господь щедр! Он дал вам ощутить то, чего вы должны искать и

что постоянно должно быть у нас на сердце. Это теплота, горение сердца при мысли о Господе вездесущем и всевидящем, сопровождаемой страхом. — Попекитесь добиться сего. Но не мечтайте достигнуть вдруг. Говорят святые старцы: что скоро приобретается, то скоро и теряется. Чего достигнете с трудом, потом и с частыми лишениями, то будете дорого ценить и усерднее беречь. — Только не робейте, а все свое, да свое. Будут мысли приходить разного рода. Не принимайте их, гоните именем Господа. Вот так, как делали, к Господу обращаясь детски. Не останавливайтесь на них и не желайте беседовать с ними. Кажется, у Исихия все объяснено: прилог — это помысл, первая ступень; затем внимание, вторая ступень, — держание помысла в душе и разговор с ним. Это уже плохо: ибо тут есть разговор и с тем, кто подсовывает помысл. Далее услаждение помыслом. Это еще хуже. Далее сложение или склонение воли: тут недалеко уже и до дела, которым решается падение. Кто отсечет помысл, всему

конец положит; а кто займется им, есть опасность, что все далее и далее пойдет. Но что писать? Читайте в Добротолубии и все увидите. Прочитали Исихия? Читайте Филофея, Феолипта, Никифора. Но не все в Добротолубии читайте. И тех довольно, что указаны. Взглянул на стену, и батюшка отец Серафим смотрит. — Вот кстати и припомнил. Читали ли вы наставления его? Читайте, и увидите, что и он все про то же говорит. Вот и портрет Преосвященного Иннокентия Пензенского... Прочитайте его письма, и увидите, что и он то же. К кому ни обратитесь, все то же.

Так, стало, нечего и отказываться. А просто взяться за дело и трудиться над ним, пока достигнете конца.

Мир свой да пошлет вам Господь наш!

Рад, что теперь вы в монастыре. — Там Матерь Божия научит вас всему доброму. Как я испугался, когда прочитал о противлении молитве. Самый злой

из всех духов — дух упорства. Это настоящий сатанинский дух. Он сгубил и губит всех бесов. Они его и нам передают, или влагают и разжигают в нас, чтобы сгубить нас. Но потом очень обрадовался, что вы скоро опомнились и исправились. Слава Богу! Внимайте себе, Господа ради! Прежде, когда вы не брались за дело, все сходило. Теперь весьма вредно всякое отступление и всякий неправый сгиб мыслей и сердца. Да избавит вас Царица Небесная! Что приходят помыслы, еще не беда, но беда, когда сложится с ними сердце и воля. Трудно поправиться. Вот вы немного побыли в этом состоянии упорства сознательного — и смотрите, как трудно было умягчить сердце. И учитесь теперь опытом. Сами видите, как выходить из затруднения. Так, как вы делали. Тереть себя всячески, как трут онемелую часть тела... молитвою, поклонами, церковью, трудом, милостынею.

Скажу вам наперед: может быть, придут еще страшнейшие помыслы, так называемые хульные, — будет идти из

сердца хула на Бога и все христианские Таинства... Стойте тогда, и не страшитесь, браня влагающего их. Читайте о сем у святителя Димитрия Ростовского.

Что это вам вздумалось так хлопотать о нарядах. Вот дух мира повеял и наваял по роду своему. Избави вас, Господи, от всякого уклонения. Наряды вещь невеликая, и беды еще нет. Но видали ли вы, как играют в биллиард? Поставлен шар, взят кий, намечено... только что толкнуть и — покатится вон в левую лузу. Точь-в-точь в такое положение могут поставлять наряды. — Внемлите убо себе. Думаю, монастырь все это уже растолковал вам!

Господь да устроит путь ваш.

33

Не бойтесь! Все, что приходит на мысль вам, пустой набег — искусительный. Сердце, как видите, совершенно чуждо всяких сомнений. Мысли навеваемые не ваши: плюньте на них. Так советует святитель Димитрий Ростовский. Причина вот такая! Слышали вы

пустые речи, о них осталась память. Враг берет эти черты памяти и плетет из них сеть пред очами ума вашего, чтоб запутать его. Сходите тогда в сердце, отведя очи от призрачных образов вражеских и взывайте ко Господу. Что не видите успехов, это не худо, а хорошо. Беда, когда увидите. Только, не видя успехов, прилагайте ревнование и молитву об успехе, а беспечности не предавайтесь. Как же можно все вдруг? Хорошее пришло вам помышление уехать в монастырь, поезжайте поскорее. Вы слышали пустые речи и смутились.— Сравните то состояние, когда вы пребываете в невозмутимой вере и в своем порядке, с тем состоянием, в какое поставляют вас эти пустые речи,— и смотрите, где истина и где ложь. Ведь это то же, что рай и ад. Неужели врагом себе захотите быть, оставя первое и склоняясь на второе. Скажете: “Как же другие-то покойны?” Это призрак покоя. У них дух мертв: жизнь душевная и плотская — есть жизнь мутная — безотрадная. Если б они очнулись хоть

немного, тогда пошли бы другие речи. Так, пожалуйста, не колеблитесь ради их. Разве мало вам свидетельств? А внутренние утешения, а близость Матери Божией, а помощь скорая и внезапная и другое многое! Чего же еще? Хотите вдруг на небо! Подождите. Все-му свой срок.

А что неровно прядется нить жизни, это у всех так. Так не робейте, пожалуйста. Смятение пройдет. Начнете читать, молиться — и все установится. Между тем пишите, — пишите все... Как напишете, так все и разлетится.

34

Бог в помощь! Спасайтесь! Так вы в безопасном пристанище. Слава Богу! Даруй, Господи, чтоб вам не помешали имеющие наехать. Умудритесь — сидеть дома. Хорошо бы проститься со всем миром и закатиться куда-нибудь так далеко, чтоб и звук мирской не заходил в ваши уши. Вы избрали теперь эту благу часть. Даруй, Господи, чтоб это время не прошло для вас даром.

Оно и не пройдет даром — само собою. Но мне хочется, чтоб вы были позавистнее и не позволяли бы и минутки потратить без чего-нибудь прочно-полезного душе. Кто-то когда-то сказал: сделай, чтоб мысли твои не заходили за стены монастыря, и скоро обрящешь сладкий покой монастырского уединения. Это блаженнейшая часть Марии — устроиться так, чтоб и в мысли ничего не было, кроме церкви и келлии. Куда как хорошо! — Я думаю, что блаженство этого состояния и описать нельзя.

Соприкосновение с миром крепко пятнает душу нашу. Сиди, да счищай! — се весь труд! А тут смерть! — И не оглянись, как пожелает. Будем, по крайней мере, трудиться, сколько можем. Покаяния отверсты двери. Потрудитесь сплакнуть пред Господом, да так — поглубже-поглубже. А другое, что дадим? Если и слез нет, скажем: ничего нет, Господи. Имиже веси судьбами спаси, только спаси.

Для чтения вам святой Исаак... Хорошо, что вы его взяли, там все есть.

Только внимайте! Собирайте, собирайте. Это вам запасец. Ведь вы в гостях у Матери Божией. А Она гостеприимна — очень, очень. Как хорошо, что вы упрятались! Помоги вам, Господи, во всем. Всех благ вам от Господа!

35

Да благословит Господь ваше пребывание в обители. Матерь Божия да согреет вас и отреет все, навеянное толкотным порядком жизни мира. Отдохнете, успокоитесь, соберетесь в себя, — и потом с новыми силами на новый подвиг, или новую растрату сил. Но, Бог вещь, может быть, откроется возможность и новому порядку. Как хорошо будет. Мир в себе и покой совне две ограды потаенному в сердце человеку. Теперь у вас все теребят его, и он не имеет сил установиться. Господь буди вам помощник во всем! Не вдруг; с терпением сеется, терпеливо ожидается прозябение, возрастание и плодоносие, — терпением и хранится все. В этом и мудрость. Хорошо, что взяли с собой приятелей ваших —

писания святых подвижников. Под влиянием монастырской тишины и молитвенного настроения, наставления их поближе будут к сердцу и яснее сознаны будут. Вот и собирайте, как пчелка, медок с цветов. Будущее даст место и случаи приложить все к делу. Запасец не мешает. Есть пословица: береги денежку про черный день.— В жизни много расходов. Собирайте же, не утомляясь. Все пригодится.

Всякого вам благословения от Господа!

36

Спасайтесь! Вы у Матери Божией! Слава Богу! Прочитав письма ваши, только говорил: слава Богу!

В начатом вами деле попятиться назад весьма пагубно. Это начинается с самых невинных будто мелочей, льгот, на какие предъявляет права душа, немало потрудившаяся. Уповал и уповаю, что Матерь Божия всегда оградит вас.

В терпении вашем стяжите душу вашу. Не смущайтесь безуспешностью. Наше дело — трудиться, искать и

гнаться; а когда дело придет, про то один Господь знает. Один старец Афонский (о нем есть в Добротолюбии) два года докучал Матери Божией даровать ему огонь в сердце, и был услышан. Не назначайте сроков, — а делайте и просите, чтоб дающий молитву молящемуся даровал и вам ее. Ищите и обрящете. Видите сами, что некое действие есть. И слава Богу! Но дело еще далеко! — Не изнемогайте. Вот побудете в монастыре, поуспокойтесь. Только хорошо бы вам более уединяться, сколько найдете возможности.

Господь да благословит вас обильным благословением.

37

Вы говорите, что к вам обращаются с вопросами о некоторых пунктах прибавочных статей, особенно статьи о борьбе со грехом. Собирайте сии вопросы и присылайте ко мне: я буду составлять на них ответы*, если сие окажется нужным.

---

* Ответы сии, писанные в разное время, напечатаны вместе, с 79-го письма.

Лучше бы, конечно, было, если б каждый начал борьбу сию самым делом. Тогда тотчас прояснились бы все пункты. А умствования что суть? Конечно, они не худое дело, но и не слишком важны.

38

Зто это так докучал вам вопросом, как спастись? — будто он не решен, и нам первым приходится приступить к сему делу! Христианство что есть? Образ спасения падшего. Господь Иисус Христос *прииде в мир грешныя спасти...* (1 Тим. 1, 15). Дело ясное. Что ж и задумываться? Сколько уж знаем мы спасенных? А как они спаслись? В Церкви Христовой. Пусть живет, как велит Церковь, и спасется. Да верует только всему в простоте невзыскательного сердца, а изыскательность и совопросничество пусть бросит и не возмущает ими тихой области веры. Кому не совсем ясно, чем и как совершается в Церкви Божией спасение, тому вот что надо сказать:

“Веруй во все, во что веровать повелевает Святая Церковь, и, приемля благодатные силы чрез Таинства и возгревая их чрез участие во всех других священнодействиях и чрез исполнение всех других постановлений Святой Церкви, иди неуклонно путем заповедей, Господом Иисусом Христом нам прописанных, под руководством законных пастырей, и спасешься”. — Если осмотримся кругом, то увидим, что все сие уже действует окрест нас! Смиренно убо да уповаем на принесенную нам благодать откровением Иисус-Христовым, не колеблясь недоумениями и сомнениями.

39

Уже когда в монастырь, то на одиночество. Плохо жить в монастыре тому, кто в общении со многими хочет жить там, как бы в обществе. И там одного только знать надо, — настоятеля или духовного отца и старца; а относительно прочих должно быть так расположенным, как будто их нет. Тогда все пойдет хорошо; а без сего сумятица такая, что хуже петер-

бургских балов. Образование, полуобразование для желающих вступить в монастырь суть вещи сторонние. Главное — середка, то есть доброе настроение сердца и благая цель. Светлые о всем понятия придут после сами собою, придет и благородство сердца и даже благородство приемов, как это показал не один пример. Правда, что жизнь монастырская нынешняя, как говорят, не походит на старинную, но когда Бог устроит путь, то приведет туда, где будет хорошо и спасительно. Веруйте сему.

40

Зы напомнили об одном совете, который кто-то дал вам во время последней нашей войны: не ездить в театр только во время той войны. Очень милостиво. Нельзя ли прибавить? Как война призывается забвением Бога во время мира, то во время мира всячески надо бегать всего, что ведет к богозабвению. Не такого ли свойства театры? Припомните, что бывает с душою в театре и что после? У турок нет театра, его заменяют

они опиумом. Опиум и театр — одно и то же. Театр есть вещь вовсе не христианская, и умен человек, который не бывает в нем. Мы его переняли у Запада. Западом и наказывал и накажет нас Господь, а нам в толк не берется. Другая злая у нас вещь — наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но все нейдет. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим; и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Пошли свет Твой и истину Твою!

Что у вас за боязливость? она не натуральна. Молитесь против нее к милостивому Господу, и Он даст бодрость. Дерзайте убо, дерзайте, людие Божии, ибо Той победит! В монастыре, что на Бородинском поле, в церкви читается непрерывно псалтырь по убиенным воинам. По ночам читают его сестры по очереди. Одна из них сказывала мне, что, когда ей приходила очередь, едва в обморок не падала и часто выбегала из церкви. Но потом отец духовный велел

ей молиться именно против страха. Она помолилась с постом, и страх отошел.

41

Заких вы сокровищ себе накупили! В Триоди постной вся сетующая о грехах душа! А Ефрем Сирианин! С ним и самый неплаксивый заплачет. Исаака Сирианина уж вы знаете. Там поглубже все дело прописано, и весь путь Божий выяснен, как на ладони. Он говорит, что коротенькая, малословная и даже безсловная молитва придет сама, когда очистится сердце.

Вы спрашивали о святом причащении. Нисколько не помешает часто причащаться с приготовлением истинным. Хорошо бы — каждый пост, а в Великий и предрождественский и по дважды. Впрочем, как Господь по сердцу положит; только хорошо причащаться. Где же и живот!

Бывают минуты, когда очень нужно слово. Скучность слова есть наказание Божие. Господи, помилуй нас!

Что встретили вы в Петербурге, или как он вас встретил? Чудной этот город! Истинный образ падшего человечества!

Иерусалимянку N.N. помню. Не думает ли опять махнуть туда? Довольно. Надо дома строить свой Иерусалим; а тому обречено быть *попираемому языки, дондеже скончаются времена языков* (Лк. 21, 24).

42

Что это вы сказали, что разбиты и душою и телом? У вас там Матерь Божия, потому не верится, что вы разстроены, а может быть, только не замечаете созидания внутреннего в одно время с разорением внешним. Пыль от последнего не дает заметить первого. Господь да укрепит вас! Благодарствую за книгу (иностранная, против Православной Церкви). Вот и нам приходит срок вступать в открытую полемику с Западом. Латины выну высят гордое око свое. Самообольщенная уверенность не дает им внимать истине. Простой смысл видит ложь и главенства их, и мнения о происхождении Святаго Духа, и нового

их догмата, и прочего всего. Все сии новизны, по сознанию самих латин, сформировались с XI века. И в книге это значит, только с кривотолком. Всего, впрочем, не перескажешь.

В тихой обители вам только молиться. Вы помянули, что отрезаны от мирских уз. Поспешите же связать себя духовными, чтоб не вышло: от одного берега отстали, а к другому не пристали.

43

Не умею объяснить, что у вас за позыв в театр. Толку в театре никакого нет. Вы это знаете. Зачем же хотеть ехать? А мысли приходят, пусть их! Гоните их и боритесь! Другим посылаются искушения посильнее, а вам легонькое, мысленное. Покажите верность Господу в этом малом. Лукавый чем-нибудь да хочет отрывать душу от Господа, — не прямым злом, так пустяками. Другие, как себе хотят. Всякий за себя даст ответ Богу. Театры правительством придуманы для тех, кои не ищут спасения, чтобы они не предались злейшему какому

пороку; для ищущих спасения есть Церковь, где не представительно, а самым делом Господь, Ангелы и все святые общаются с нами! Деньги же, которые надо на театр истратить, не лучше ли отдать нуждающимся. Боюсь, как бы вы не поддались внушениям вражиим. Враг ловок. Сначала маленькую уступочку требует, потом поболее, там еще более, и так без конца. Чем дальше в лес, тем больше дров. Хоть бы батюшка отец Серафим погрозил вам! Кто же от молитвы оттягивает, а в театр влечет? Сами видите, кто это? Плакать о грехах и быть в театре, как это не вяжется? Плакать же надобно денно и ночно.

Не помню, что было со мной и где я был, когда вы служили молебен. Это Господь послал вам утешение за вашу заботу о ближнем. Молитесь почаще о моем окаянстве, чтоб Господь дал мне дух покаяния. Как хорошо с ним и как худо без него! Дыхание христианина должно состоять из покаянных воздыханий, и, когда нет их, это значит, что он задохнулся. Господи помилуй!

Всяких вам благословений от Господа
желаю.

44

Вас хвалят. Что ж тут дивного? На безрыбье и рак рыба, как говаривал батюшка отец Парфений. Это, однако ж, очень рекомендует наше общество, что в нем есть сочувствие даже к тени добра... Между тем для вас это очень невыгодно. Капля пробивает камень частым падением. По частичке от каждой похвалы падает на червяка самолюбия и тщеславия и питает его; он растет незаметно для вас, позволяет быть и смиренным чувствам, пока не окреп. А когда созреет, все подьест зараз. Опасно! И еще что? Похвала щекочет сердце, останавливает ревность и расслабляет. Это то же, что бегущему подставить ногу. Остановка в духовной жизни есть уже движение назад. И это худо! Что же делать? Смирятье сами себя и подавляйте возношение мысли и сердца всякими смиренными о себе чувствами. Тогда же, как в уши бьют камнями сладких речей, сходите в сердце и уничтожайте

себя всячески пред Господом и святыми Его. Какие подъяли они подвиги, чтобы угодить Господу! А у нас что? Сходим однажды в церковь, положим дома пять поклонов, прочитаем страницу спасительной книжки — и попали в святые. Куда как верно! Уничужденный труд телесный много помогает. Слуги также хорошие учителя смирения. Желайте оскорблений и паче — неправых; по крайней мере, встречайте их, как спасительный пластырь, Господом прилагаемый на рану тщеславия. Но не думайте сами собою что-нибудь сделать. Прибегайте к Господу, смирившему Себя до рабья зрака. Он научит. Не нерадите только о сем состоянии. Похвалы заморозят вас, и выйдет из вас мраморное изваяние, не некрасивое наружно, но безжизненное. Избави вас, Матерь Божия, от сего! Лучше валяться в грязи и быть попираему всеми, нежели быть так.

Пишете: *Во сне молюсь усердно и горячо, а наяву лениво.* Слава Тебе, Господи! Хорошо, что душа молится во сне, когда не даем ей свободы молиться вдоволь

днем. Однако же — это доброе напоминание! Дается знать, чтоб вы прилежали к молитве и молились, не ленясь... Хорошо вам было во сне, когда молились, и днем, когда встали... Сим опытом вам как бы говорится: “Смотри, вот где сладость и блаженство, вот плод молитвы! Так не ленись”. Послушаетесь? — благо вам. Не послушаетесь? — еще, может быть, повторится и еще, а потом и бросят. “С нею, — скажут, — ничего не сделаешь. Ясно дается ощутить, как хорошо молиться, и не хочет. Пусть же ее, как знает”. Право так. Бог поругаем не бывает. К немощам нашим весьма снисходителен, а непокорства терпеть не может. Но за все слава Богу. О всем благодарите! Господь вам помощник.

45

Все слава Богу! Вам желательно разгадать, чего ради Господь столько времени позволяет иноверцам угнетать православных. Где нам досягать до высоких и зреть глубокие помышления Божии!

Нестъ наше разумети времена и лета (Деян. 1, 7). Видите, какво наше разумение? Пророчат (в календаре) 15 градусов тепла, а выходит 20 градусов мороза. И это в обычных вещах... А до путей Божиих куда нам? *Егоже любит Господь, наказует; бьет же всякаго сына, егоже приемлет* (Евр. 12, 6). Не довольно ли этого для нас? Страдания — знак не отвержения, а милости.

Ваш сон был нужен вам. Напечатайте в сердце слова, которые некто сказал вам: “Слов нет изобразить то блаженство, которое там”... (см.: 1 Кор. 2, 9). О сем заботы все приложим, да достигнем туда, или хоть на ракушках (на четвереньках. — *Ред.*) доползем. Помоги, Господи!

Еще повторю: остерегайтесь же похвал. Что делать? — Укоряйте сами себя более, а паче Господу молитесь, чтоб поселил глубокое смирение в сердце. Поверьте теперь опытно, что сказал святой Исаак Сирианин в первом Слове: “Едва ли найдется человек, который мог бы вынести честь, без изменения

внутреннего". Вот какую вещь выдумал лукавый! А что это он, поверьте свидетельству святого Иоанна Лествичника (Слово 26, п. 8). Потерпите. Это, как видится, последняя уловка, но опасная и долго длаящаяся. Помогите вам, Господи, устоять!

Р. С. Вот вам еще две статьи: Маргариты и поучительное слово старца. Чего вы здесь не найдете! И внутренний, и внешний порядок жизни весь растолкован, и притом с разных сторон и в разных оборотах. Питайтесь сим хлебом и с другими при случае поделитесь! Это затем, чтоб в случае, если самим не придется выполнить прочитанного, Господь помиловал вас за то, что то выполняют другие, которым вы читаете. Пересмотрю, перечищу и скоро пришлю вам и остальное, что есть.

46

Господь да утешит вас! По-моему, лучше все оставить на волю Божию. Он знает един, что кому нужно и как что устроить. Потому не загадывайте об

устроении своей участи ничего. Время и обстоятельства все укажут. Ваша приятельница болит душою и скорбит. Да утешит ее Господь! Мучеников очищали и приготавливали в Царствие Божие огнем, строганием, да резанием... А нам другая очистка. Всякому своя: одному большая, другому маленькая. Господи, помилуй нас и вразуми!

Вот и год на исходе! Как скоро течет жизнь, час за часом, день за днем. Глядишь, и дверь гроба пред глазами. Что делать с душою? Великая хитрость нужна, чтоб владеть собою. Старцы Божии одолевали себя, но и то не всегда. Вот тут и толкуй о силе воли и самовластии души! Где она, укажите, философы? Только тому, кто Господу отдаст себя со всем, дается сила владеть собою, или вливается в него такая сила. И уж как начнет он ворочать душою, только держись. Кряхтит бедная, да делать нечего. Слушайся!

47

Спасайтесь! Мир вам! Чудак N.N. запутался в лютеранской мысли об оправ-

дании (то есть только веруй и спасешься. Дела не помогут). У лютеран большая в отношении к сему пункту путаница. Кто куда! Вот как надо веровать: человек по природе обязан исполнять волю Божию, должен любить Бога и ближних и показывать то делами, но он пал и сделался безсилен. Пришел Господь и учредил на земле путь спасения во Святой Своей Церкви. Здесь снимаются грехи и дается сила творить волю Божию. Зачем же это дается сила, если не на дела? Апостол Павел крещеным заповедует ходить в *обновлении жизни* (Рим. 6, 4). В другом месте говорит, что мы избраны и призваны быть святыми и непорочными пред Господом в любви (см.: Еф. 1, 4). У Апостола Петра: все силы Божественные даны зачем? *К животу и благочестию* (2 Пет. 1, 3). Как человек очистит свое сердце? Трудом в исполнении заповедей, противоположных страстям. Проси помощи, но и сам трудись. Без своего труда и помощь не придет. Но и из труда, если не придет помощь, ничего не выйдет. И то и

другое нужно. В нравственном смысле, предложению N.N. можно дать вес. Так: делай, делай, но не опирайся на дела и не засматривайся на них; а, по Апостолу, *задняя забывая, в предняя простирайся* (Флп. 3, 13). Желаю вам всех благ от Господа.

48

Думал, что N.N. разсердится на меня, а она другое сделала; верно, добрая и смиренная! Спаси, Господи! Без страха Божия ничего сделать нельзя. Вразсыпную жить худо. Двум господам работать — что есть? Так уж одно что-нибудь. Кто туда и сюда, — толку не будет. Свет и тьма вместе не уживутся. Мира вам от Господа желаю.

Знаете ли, какие у меня безотрадные есть мысли? И не без основания. Встречаю людей, числящихся православными, кои по духу волтериане, натуралисты, лютеране и всякого рода вольнодумцы. Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы, и не злы, но относительно к вере и Церкви никуда

негожи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Заключая отсюда, что чрез поколение, много чрез два, изсякнет наше Православие. Что ж? сидеть, поджавши руки? Нет, надо что-нибудь делать!

Злые начала вошли в науки и в жизнь; у нас нет книг, читая которые, можно бы образумиться тем, кои еще способны к образумлению... Нужно жаркие книги защитительные против всех злостей. Следует нарядить писак и обязать их писать.

49

Что-то теперь у вас творится? — Учитесь класть земные поклоны. Посмотрели бы, как в благоустроенном монастыре все чинно выступают из своих мест и начинают класть поклоны или стоять,

наклонно крестясь. А вы что-то полени-
ваетесь. Восхвалим Господа! Горе нам!
запутал нас сатана и не можем выпу-
таться. Прописал такие тиранские зако-
ны, что мочи нет, а следуем им и испол-
няем их рачительно. Сколько яду! Вы,
думаю, все сие знаете. Достается вам от
всего этого. Терпите и молитесь. Господь
всесилен. Не заметите, как вышвырнет
из сего омута. Только оглянетесь и поди-
витесь, как все это устроится. Но опять
это будет, если только будет нужно. Мы
с своими желаниями, рождаемыми са-
молюбием и саможалением, ничего доб-
рого себе сделать не можем и не умеем.
Красно! и берем уголек вместо золота.
Уа! какие по временам безотрадные при-
ходят мысли! К чему доведет нас наш
образ мыслей, наша литература, наши
обычаи! Буди воля Твоя, Господи, на
нас. Всесильною десницею Твоею развеи
облегающий нас облак вольномыслия, не-
верия, равнодушия и самоуслаждения
всестороннего. Мир Свой да пошлет вам
Господь Бог наш!

Вот и гадалщица к вам подоспела, карандашом пишет. Мудрена. Это что-то вроде вертящихся столов. Только не думаю, чтобы это был Божий дар. Чрезвычайные Божии дары трудно достаются, а так, ни с того, ни с сего ничего и не выйдет. Языческие жрицы тоже гадали о многом удачно... а не были истинные пророчицы. Сколько есть духовлестчих! В Киево-Печерской Лавре был один старец, который, не уча, знал Ветхий Завет на память. Что ни спросят, все знает и прочитает. Но знал он только один Ветхий Завет и ничего из Нового. Оподозрили его, помолились о нем старцы, и все забыл. То же и здесь. Хорошо бы прочитать над нею заклинательные молитвы и потом спросить. Думаю даже, что, и стоя при ней в крепком молитвенном духе, можно связать ее пророческую сноровку. Не лучше ли, однако ж, держать себя подальше от таковых? Все нужное Господь сказал нам Сам устно. Чего еще хотеть? Спаси нас, Господи!

Вознесся еси во славе, Христе, Боже наш. С праздником, мир вам! Но идеже есть Господь одесную Бога сидя... там умом просидеть (посидеть некоторое время.— *Ред.*) потребно и нам. Сейчас невзначай развернул жизнь отца Серафима в том месте, где помещена “Душе-спасительная повесть”, а пред сею статьею и “О молитве Иисусовой”. Как хорошо то и другое! Потрудитесь прочитать и читать. Тут весь курс, все указано. Господь да благословит труд ваш, пока вещественный, чтоб перейти к умному; навывайте же считать узелки в четках, только с приговором! Матерь Божия буди вам помощница. Мира вам глубокого желаю. Огонь оный, что Господь пришел вовеци на землю, да внедрится в земле сердца вашего. О сем молитесь и сего ищите! Благослови вас, Господи!

Р. С. При сем еще шесть статей, от 4-й до 9-й включительно. Не успел всего кончить.

Разсеялись вы, пора остепениться, бросить все и сесть у себя при сердце. Припомните пост и сравните его с теперешним состоянием; куда какая большая разница! Но вы, верно, будете в Ивере, когда дойдет до вас письмо это, а там все иное. Возьмитесь за чтение да уклонение от всех. Как губит вас ваша обстановка! Устройте как-нибудь, чтоб молитва, чтение, рукоделие шли невозмутимою чередою. Сношения сократите. Един Бог да вы, как хорошо! Но когда сему быть, предоставим решить Господу. Дело делается лучше, когда делается само собою, ибо тогда оно устрояется не человеческим умом, но Божиим изволением. А то вон уж куда! Вы сами начали завязывать знакомства и развлечения. Что шутить-то? Ныне, завтра — смерть. А там не по картам будут раскладывать, какова должна быть участь наша.

Кто же это так нелепо говорил о Таинстве Тела и Крови Христовой. Мысль эта кальвинская. А по-православному вот как надо веровать: кто не вкусит Тела Господня и не пьет Крови Его, живота не имать в себе. Кто в Господе пребывает? Ядый плоть Его и пияй кровь Его (см.: Ин. 6, 53, 56). Тут нет ничего неясного и никакого иносказания. Так веровали все спасшиеся о Господе, так веровать подобает и нам. Мало ли чего не наговорят непонимающие и нехотящие вникнуть! И еще толкуют про какое-то утешение! Откуда же оно зайдет к ним? Господь не взойдет в сердце неверующее, хоть стоит у дверей и толчет, а вне Господа какие утешения? Бедные, бедные!

Но не молчите! нет нужды горячиться; но кратко и просто сказать истину, подать за нее голос есть долг наш. И голос за нее — не малое дело. С ним Господь, а где Господь, там и сила Божия, стало быть, и действие. Говорите ее от

сердца. Это будет тогда самая доказательная истина.

Вот вы читали повествование о мучениках. Где найдете что подобное? И сладостно, и назидательно. В Четвертинях вся почти церковная история и вся она такого свойства. Отрезвляет, умиляет и к Богу обращает.

54

Бог в помощь, спасайтесь! Со страхом и трепетом подобает нам проходить дело свое и житие свое, и служение свое, то, что кому положено, и где и как положено. Как райскую птичку, надо беречь сей страх, чтобы не улетел. Улетит,— трудно поймать. Чтобы не улетел, надо двери клетки затворить: собрать мысли и связать чувства вниманием; в помощь к тому надо устроить домоседство и единоседство. То и другое у вас есть. Стало быть, только беречься надобно, как бы не увлекла какая старая знакомка сначала на беседу, а потом и на гулянье. Уж вы довольно отстали от других. Где догнать их! Не лучше ли же совсем отстать

от них и не заглядывать к живущим по духу мира сего? Думается, что лучше. Если затем придется стать с миром лицом к лицу, то всячески подобает держать голову и сердце как должно христианам, не поддаваясь. Великий убыток, что у вас нет того, чем обладают миролюбцы! — и будто это новость для вас! На то уж пошли. И кажется, надо бы несколько воодушевления возыметь от того, что уже так заметен контраст вашего направления с стремлениями мирскими, ибо это означает, что есть успех в начатом. Да откуда у вас помышление, что отстали? Идет ли это слово к тому, о чем речь? Один ушел вперед, а другой отстал. Это можно сказать о тех, которые идут одною дорогою. А о тех, кои идут разными и даже противоположными путями, сего сказать нельзя. Мирюлюбцы бегут на Запад, чуждающиеся духа мира идут на Восток; стало быть, всякий своею дорогою. О тех, кои зрят на Восток, даже если б они не шли, а стояли на одном месте, надо сказать, что

они успешнее миролюбцев, кои точно стремятся без устали, но во дно адово... Ведь все это истина! Зачем же колебания? Не соблазняйтесь мнимой добротой светских. Прислушайтесь чутьем своим, есть ли у них, то есть у сердца их, какое-либо отношение ко Господу, и увидите, что никакого нет, а изящество их что есть, как не прикраса гроба? Воистину так. Избави же вас, Господи, склоняться как-нибудь на мысль, будто миролюбцы имеют какие преимущества пред желающими жить по духу Евангелия. Ведь не первые мы! День явит, кто в выигрыше, и день сей не далек для каждого из нас: ныне, завтра. Мужайтесь же, и да крепится сердце ваше. Даруй вам, Господи, всякое утешение!

55

Что же это с вами? Крепитесь и воодушевляйтесь! Обаче (однако.— *Ред.*) не думайте, что вы найдете себе помощь в развлечениях. Развлечения и без того тоску наводят, а при тоске от них еще тоскливее. Да, так. В минуты веселости

внешней забывается болезнь сердца, но зато, когда по миновании увеселений и развлечений душа останется одна, дает же она знать о себе своему хозяину удвоенным, утроенным и даже удесятеренным гореванием и тоскованием. Ведь это весь свет знает, да не слушает, что ни говори. Вот и вы себе за всеми... Взяло горе, и ну развлечений искать! Бросьте, лучше у Господа просите милости, утешения, и у Пречистой Владычицы. Вот если Они дадут, то уж дадут, как следует, прочные утешения. К Ним и обращайтесь! Для этого, конечно, надо более сидеть дома и молиться, или ходить в церковь и то же творить; и поразмыслить немного, и почитать — хорошо. Вам внятно читается святой Исаак Сирианин, и не бросайте его. Он всему научит. Утешения всякого вам от Господа желаю. Молитесь, и Господь, целитель всяких немощей, уврачует вас.

56

Вы пишете о N.N. Ну что же это у ней за душа, что она речами своими

наводит примрачную тень на всех и на все. На всех степенях бывают грешники, и милость Божия покрывает их, ожидая обращения. Частностей обобщать нельзя, то есть от одного случая заключать к характеру человека и от одного человека к целому классу людей. Пора бы перестать верить ей, шуткою покрывая все. Да и всегда, при речах осуждающих, держите правило: не верить. Один старец, когда к нему пришел кто-то и начал говорить худо о другом, спросил его: “Откуда знаешь о том”? Тот сказал: “Один добрый человек рассказывал”. “Ну, нет, не добрый,— отвечал ему старец.— Если бы был добрый, не стал бы худо говорить о другом”. Так и нам надо. От видения дел да избавит Господь, а слуху не верить, и будет душа чиста. А с грехом-то осуждения как быть? Ведь, коль скоро суждение о поступках других соединяется с презорством к ним, а не со скорбью о них братскою и с сохранением чести лица их, это будет осуждение — грех великий! Внимайте же себе!

Много согрешили вы, соблазнив N.N. доро́гою, в среду, есть молоко. Ведь не умирали с голоду! Другое дело, если бы встретили вы такую нужду, что смерть, а нечего достать, кроме молока. Тогда ничего: кушайте на здоровье. А так, как вы сделали, грех. Возрастает сей грех от того, что N.N. ехали в Петербург, где бездна соблазнов. Теперь вы на дороге пошатнули их правила и рассеяли страх нарушать их под каким-нибудь предлогом. От сего малого они могут перенести поблажку и на другое, от другого на третье и так далее, все в возрастающем порядке. Ответ за все весь на вас. Это не натяжка суда, а истинное дело. Да и сами вы разве татарской веры, что не в должное время ели скоромное? Уж не поймешь, что такое!.. Закон-то о пище от вас, что ли, произошел, что вы можете им располагать, как хотите, а другие не смеют? Диво! И еще больше диво, что это вам кажется делом сторонним... А я думаю иначе, — что в этом деле вы о себе-то и

скорбеть более должны. Ведь те N.N. вам поручены были не затем, чтобы вы научили их нарушать пост. Они смотрят на вас, как на добрую христианку, которой должно подражать, и, может быть, решились вкусить ради вас, чтобы вам не совестно было одним так немилосердно бить в лицо мать свою — Церковь. Бить в лицо мать! Видите, как дело-то есть? А вы очень легко рассуждали о сем. Вы хотите разрешения. Прощаю и разрешаю от сего греха вас и всех властью мне данной, хотя и сам многогрешен есмь. Только что же вам от сего пользы! Заочное разрешение сильно ли? Идите к духовнику своему и пред ним себя осудите и попросите себе епитимии. Господа ради не брезгуйте этим делом... Жернов-то на шею, да в воду — кому это? Тому, кто вводит в соблазн. И так поскорбите, поболите и побейте поклончики, и умилолюбите всемилолюбивого Господа. Милосерд есть, обаче кающимся.

Благодарю за дерево и камешек. Не худо, конечно, все сие, но нужнее

камешек в середке, тот, на коем подобает твердо стоять ножками ума, не вляясь туда и сюда. Помоги, Господи!

Зачем это вы разсвирепели? Ведь вся вина не на людей падает, а на лукавого — соблазнителя людей. Право так. И не грешите, помышляя и чувствуя иначе.

58

И пусть будет все, как придется. Наше дело — уступать нужде и удовлетворять пользе, а блажь-то что распускать? Владыками нужно быть над самими собою. На то мы созданы, на то и возсозданы Господом! Есть у нас две стороны: неопределенное течение желаний и помышлений и сознательно свободная и разумная деятельность. Последняя должна рассеивать мрак первой. Та, как туман какой, налегает на душу, и если душа не образумится и не станет в свой чин, то может быть увлечена к пустым, бесполезным, а иногда вредным делам и занятиям. Закон-то у нас один: добиваться, сколько можно, того состояния, в

кoем из души исчезает все, и oстается Бог един. О, когда бы помог Господь! помолимся: Он любoобщителен. Отверзем Емy дверь сердца и ума. Связывать Он не связывает. Всякий твори и сам нечто, понудь себя. Сии понуждения не внешних только дел касаются, например, встать, пойти в церковь и прочее; но паче внутренних, именно: к одному себя расположить, а от другого отвлечь, все по указанию заповеди и требованию начатой жизни. Ведь и она учит. На сие только понуждение приходит потом и помощь Божия и упорядочивает и внутреннюю деятельность, и внешнее поведение. Помогите вам, Господи! В церковь ходите, — хорошо; и дома по чину всегда будет: когда почитать, когда помолиться, когда поработать. Но развлечений, а паче шумных, всячески бегать надoбно: они губят покой души и засеменяют худые желания. Вот то, что вы встретили у N.N., было хорошо. Побольше бы таких случаев! Там вы увидели, что никуда негожи, и были заброшены. Сие чувство надо согреть и

возвысить в себе, чтобы воистину соделаться странниками и пришельцами на земле. Как? Вот подобными случаями. Ибо сами-то мы все трубим пред собою и являемся себе в слишком радужном сиянии. А тут поразвеют туманец-то сей!

Так это хорошо; а то, что какая-то философка и какой-то философ познакомились, не знаю, хорошо ли. Теперь не видно, после сами увидите. Если они захотят знать истину, со смирением скажите им, что знаете, а если хотят быть с вами только так, ради приятного препровождения времени, то лучше оставить их. Астрономия — вещь немудреная: можно и посредством чтения узнать доступное для всех. Поищите книгу Наума о мире Божием. Там все написано, — и мужичок поймет. В выходящих в настоящее время книгах такого рода можно запутаться. То беда, что астрономы наши к фактам приплетают свои теории и большею частию путают и попадают в ложь, противную слову Божию. Сего надобно опасаться.

Дело уже решенное, что заводить знакомство надо только по уверенности в единомыслии и единонамерении, а без этого умножение знакомств есть только разорение. Сколько у вас! N.N. N.N. и прочих, да таких хоть сотню, хоть счету не будь. Тут число ничего не значит: все, как один, и хоть пальца негде поставить, а всем просторно. Не испытавши, в приятели помещать не приходится.

Но это не совсем еще важная вещь; есть поважнее. Пишете: “Молюсь едва только; так, по совести, с нерадением, читаю, книга валится из рук”. Что ж это вы заснули? Ведь не надо же сих случаев пропускать небрежно. Страху себе надобно поддать немножко, память пошевелить. Хорошо, что после умягчилась немного душа в церкви, а то до беды недалеко. Со страхом и трепетом соделывайте свое спасение. Конечно, что такого рода состояние, то есть некоторая оголтелость души, и не совсем в вашей власти; всячески, однако ж, не следует

оставаться при нем равнодушною, а, по крайней мере, вопиять Господу и Владычице. Но о сем, кажется, уже была не раз речь!

59

Что у вас там за сумятица в доме? Как прочитал письмо, так и ощущаю, что ветер как бы по комнатам ходит. Это не совсем-то ловко. Конечно, тут не все в вашей воле, но иное и в вашей. Например: держать себя при посещениях собранною, с памятью о Господе и со страхом Божиим, лишнего не говорить, в осуждения не вдаваться и не строить пустых планов; все сие и многое другое в нашей власти. А когда в нашей власти, стало быть, и ответ за то на нас лежит. Когда проводили и остались одни, тут поскорее надо взяться за душу и поспешить вычистить все насеянное, возставить ее опять пред Господа в благоговейное положение и воспринять опять порядок прежних обычных занятий — чтением ли, рукодельем или другим чем.

Об отдавании визитов нечего заботиться; пришлось, — хорошо, а не пришлось, — не беда. Так и сотворите. В церковь только летите, как на крыльях, и собирайте там ароматы молитв и богомыслия. Благослови вас, Господи!

Удивляетесь вы тоске или чувству неудовлетворимости N.N. Это в порядке вещей! Дух ее требует своего — духовного, небесного. А она дает ему не то. Вот он и теребит ее. Пусть переменит жизнь, отбросит суету. Много ли нужно? Переменить только намерения и отбросить некоторые обычаи, ибо жизнь ее незазорна... Но вот не хочет и не хочет; за то и страдает. Кто же виноват?

Вот и вы туда же! О посте по-басурмански стали рассуждать! Посмотрите-ка, как в уставе написано! Там написано: есть помалу, сухоядение или отвар какой постный, и есть поздно. Что тут одно количество берется во внимание или еще что? Не количество только, но и качество. А все метите попасть в православные! Куда годитесь с такою головою?

Что у вас там за чтения? И что из сего читаемого вы находите полезным и приложимым к жизни? Последний признак должен быть пробою доброты исследования Писаний. Но есть и другое исследование, никуда негожее — бесплодная пытливость ума. Вот как разбирайте. Если, слушая, видите, что все мысли, как мыльные пузыри, хоть и красны, да пусты и скоро от легкого движения воздуха здравого разсуждения трескаются; знайте, что слышанное есть дело пытливости праздно́й. А если, слушая, найдёте, что слышанное садится на сердце и втесняется в него, и давит его, сокрушая, или расширяет, возвеселя неземными надеждами; то знайте, что слышанное не есть дело праздно́й пытливости, а есть опытом дознанная истина. Для иных испытание писаний может быть великим искушением. Вы подивитесь? А так есть. Помните, как авва Серида прибил Досифея за то, что сей последний начал без всякой нужды пытаться, что то значит и что это, отчего так

написано, а не иначе? Вот и другой пример. В Филиппах была отроковица, имевшая дух пытлив, и Апостол Павел изгнал его (см.: Деян. 16, 16-18). Посмотрите еще у Филофея и у Диадоба (в Добротолубии). Там не добрым делом сочтено, когда от внимания и молитвы отвлекает желание или позыв побогословствовать. Да и много найдете подобных советов относительно питания Писаний. Разбирали ли вы, как произошли еретики? Все до единого от питания Писаний. Так выходит, — это меч обоюдоострый! И стало быть, надо с ним осторожно обходиться.

Вот что вам скажу для распознавания духа истинного от духа лестча в сем отношении.

Православный христианин читает слово Божие; истины, прямо в нем содержащиеся, печатлеет в своем сердце, не двигая своей мысли за пределы содержимого и не возвышая над ним господственно и самоуправно своего ума, а ему смиренно подчиняя его. Например, *повинуйтесь наставникам вашим... всяка душа*

властем предержащим да повинуется (Евр. 13, 17; Рим. 13, 11). Дело ясное! Тут нечего и толковать. Печатлей только на сердце, да и все тут... Если встретится что неудобопонятное, православный ищет разрешения не в своем уме, не в своих догадках, а в общей хранильнице всякой истины — Церкви, то есть ищет решения готового, всеми признаваемого и всем предлагаемого в Церкви; например, *ты еси Петр, и на сем камени* и прочее (Мф. 16, 18). Непонятно, как Церковь может быть основана на Петре, когда основание ее есть Господь и притом так, что другого основания быть не может. Не мудрствуя для решения сего недоумения, обратитесь к Церкви и возьмите существующее решение, что здесь слово — **Петр** не означает лица Апостола Петра, а означает твердое исповедание веры в Господа нашего Иисуса Христа. Эта твердость каждого мученика делала камнем. Колотят, колотят и не расколотят. А вот католики стали искать решения в своей голове и попали на

Папу. Как ни нелепо, а вот и доселе упорствуют.

Если какое-либо место Писания расшевелит мысль, и сия начнет делать выводы, неотразимо теснящиеся в голову, — ничего: православный и от сего не прочь, только обходится с ними выводами, порождениями своими, не как с родными чадами, а как с пасынками, подвергает их немилосердной пытке, именно: вставляет их во всю совокупность истин святой веры (это все истины, в катихизисе содержащиеся) и смотрит, вяжутся ли они с ними, и, если не вяжутся или противоречат им, гонит вон из головы, как незаконнорожденных чад! Если не сможет сделать сие сличение сам, то снова обращается к живым или прежним учителям и их вопрошает. Вот все, как творит православный и как подобает творить.

Неправославный не так делает. Родятся у него в голове какие-нибудь думы (хорошие или худые, ему нужды нет, лишь бы нравились); он начинает рыться в Писании и искать им подтверждения.

При таком настроении, конечно, каждая строка и даже речения, чуть-чуть указывающие на мечты искателя, берутся как доказательство. Вот собрано несколько текстов, к ним преданы произвольные толкования, и затем сделан вывод, то есть та мысль, какая родилась в голове прежде чтения Писания, а наконец и возглас: “Так учит все Писание”.

Так образовались все ереси, так протестантство, так папство, с тою разницею от первых, что сии еще роются у святых отцев и их насиуют (как недавно в новом догмате). Такого рода и то, что вам читал N.N.

61

Вы больны; а я понимал состояние ваше иначе; потому собирался грянуть на вас самую грозною, укорною речью за вспышку великой самости, в серчании на N.N. и еще в чем-то, — забыл: уж прошлое дело. Теперь вижу, что все сие есть следствие раздражительности нер-

вов от болезни! Да укрепит вас Матерь Божия! К сведению только примите, что подобные вспышки — вещь довольно недобродетельная. Вот воистину сатана в виде Ангела светлого. По виду, кроме чувства правды, тут ничего нет. Сердце так и кипит — и готово на нож за правду, на языке только и речи, что правда, забытая, нарушенная другим. А уж этот другой, дерзнувший нарушить ее, куда как нелепым представляется нам и даже злонамеренным. И такой суд в очах наших так прав, что, если бы весь свет был присущ при нем, непременно одобрил бы его. Видите, как все светло и законно! Но так ли в существе дела? В существе дела всегда оказывается, что в основе подобного чувства нарушенной правды всегда лежит чувство оскорбленного самолюбия, унижения нашего достоинства, или неотдание ему должного почтения или должной цены. Жар ревности по правде совсем не оттого, что дорога правда, а оттого, что кто-нибудь дерзнул нарушить сию

правду в отношении к нам. Будь это в отношении к другим, еще бы сносно, то есть, может быть, сквозь зубы сказали бы: да, это неловко, и конец; а пожалуй, извинили бы. Замечаете ли, что крик за правду только снаружи, а в середине — война за себя?! Ну вот и видно, кто в ангельской-то одежде! Все сие напомнил я вам про всякий случай! душа ваша — вещь мудреная. В хорошем ли она состоянии или в худом, это свидетельствуется миром или смятением. Когда есть смущение на душе, чего бы оно ни касалось, не верьте душе в ту пору: все врет, что ни говорит. В ту пору ее надоумливает сатана и уж, конечно, не во спасение ей; а она-то, бедная, из всех сил рвется. *Гнев мужа правды Божией не соделоват* (Иак. 1, 20). Божие же все мирно, тихо, сладостно и в душе сию сладость оставляет, и вокруг разливает ее обильно, несмотря на то, что иногда и бранится будто. И в этом случае есть теплота и даже жар, только совсем другого рода: умиленный, нетрескучий. Разобрали ль теперь?

Дела свои делайте понемножку, с усердием, а о плодах очевидных менее помышляйте. Окаявать себя должно во всем, во всем. Мысли хорошо беречь, и берегите. Что блуждать по распутиям? Как же солнце-то увидеть, когда пыль столбом и туман вокруг? Разные мечтания заслоняют Господа. Что слаще Его и краше? Зачем же отрываться от Него и смотреть на ничтожность?

Как же это? Заехали вы в монастырь, а не знать — что делаете! То смехи, то гулянья, то болтовня. Читать не читаете, в церковь ходите с ленью. Выходит, что поехали туда на потехи. То, что пред отъездом туда было немного крутова-то, — не оправдание. Ну те-ка, поскорее за дело. Надо немного сокрушиться, всплакнуть и поболеть пред Господом. В этом сокращение всего дела. Исправляющиеся плачут оттого, что неисправны, а исправные плачут оттого, что не так еще исправны, как бы следовало и

как бы хотелось. Так все плачь. Господи, помилуй!

64

Спасайтесь! Мира вам от Господа желаю. Буря, сушая в вас, не беда страшная, а обычный почти порядок. Стоять надобно твердо. Все так, как делаете, вопия ко Господу, Пречистой Владычице и всем святым. Пройдет. Отчего это? Не догадаешься, и нужды нет догадываться. Все, идущие путем сим, то испытывают. Верно только, что Господь не бросает, а тут же присутствует и смотрит, как душа будет бороться в допущенной брани. Искуситися паче, нежели можем, не допускает Он. Стойте же. Господь да умирит вас!

65

Отчего это N.N. считала меня угрюмым? Ну, вот теперь разуверилась. Но все же, когда речь коснется дела, поблажек нельзя прописывать. Обычная речь туда и сюда, а правдой Божией нельзя кривить. Она не наша, — нам дана. Ее

исповедать и всем передавать чистою, как она низошла к нам из уст Божиих, есть наш долг. Жить, плохо живем; хоть правду Божию будем проповедывать без примеси, и то хорошо. Ныне всех сбивает с толку распутие помышлений и правил. Трудные времена! Господь блюдет, однако ж, своих и дает им осязательно видеть и ощущать святую правду.

66

Бог в помощь! Благослови вас, Господи, на доброе дело говения. Но вот что! В какую хотите церковь, ходите, только в одну. А мыкаться по разным церквам, как вам предлагают, нелепо. Разве говение есть время развлечений? Плакать подобает.

Про икону чудотворную я слышал, только мне не так рассказывали начало. Ну, все одно. Дело в том, что близ нас есть Царица Небесная. Ныне крайне нужны явления силы Божией в нас. Благодарение Господу! Стало быть, Он не хочет бросать нас, а хочет держать в истине Своей.

Хорошо, что вы раздумали ехать к Сергию. Чесать слух — не время. У нас в церкви читают хорошо, и слава Богу. Чего еще? Если б и этого не было, можно самим понемножку привыкать молиться в молчанку. Благослови вас, Господи!

67

Вчера N.N. заезжал. Он говеет украдкою. В иных местах в церковь не пойдешь — беда; а у нас за то, что пойдешь, ожидай неприятности. Вот прогресс! Но ведь есть прогресс и во дно адово! Печальное направление умов!

Что у вас за страхи были? С нами крестная сила! Укрепясь упованием и верою, что болий есть, иже в нас, нежели — иже в мире, ограждайтесь крестным знамением. Но, может быть, это так что-нибудь: прошло и не воротится. Там у вас Матерь Божия.

Что вам сказать о молитве? Не молиться ведь нельзя. Потрудите себя на молитве, сколько сможете. Можно остаться с одними поклонами, без чтения

молитв, и, сидя, в молитве пребывать можно, когда есть слабость, да и всегда от Господа не отступать умом должно. Помогите вам, Господи! Делайте, как сможете, только без труда молитвенного не позволяйте себе быть. Для чтения вам святой Исаак Сирианин. Хорошо, что он есть у вас. Там все есть, только внимайте! Да благословит вас Господь!

68

Спасайтесь! Вы уже по опыту знаете, что все, что говорила вам N.N., есть чистая ложь. И поклоны не пустое, и акафисты не мало значат. Расскажу вам один случай. Покойный Феофан, настоятель Кирилловский, едучи из Петербурга, остановился ночевать. Там собирались его уколотить. Послушник заметил то и сказал старцу, и старец видел признаки, что так есть. Несмотря, однако ж, на то, благонадежно зажег он свечку и начал читать акафист Божией Матери, всегдашнее его правило. И половины не прочитал, как начали стучаться в окно какие-то проезжие — обоз будто,

и кричать: “Отец архимандрит! поедем вместе, веселее будет. Запрягай, мы подождем”. Наскоро запрягли, выехали и поехали. Когда проехали за черту опасности, обоз пропал, и отец архимандрит доехал благополучно до своей обители. Так вот, акафист-то не напрасно читан.

Мудрствовать станем — на всякой малости станем в тупик, а в простоте сердца принимать все правила — спасительно. Все святые Божии, Богу угодившие, как много били поклонов, — и числа им не было, и сколько молитв читали? Они все пребывали в молитвенном труде и спаслись тем. Что ж N.N., разиня рот, хочет принять благодать, как квакеры и молокане, кои говорят: Церковь в ребрах, а не в бревнах? Ведь без сего чина молитвенного и подвижнического, человек, как на ветре, будет стоять, или, еще больше, как голый на морозе. А ходя в сем чине, он как одет в теплую и безопасную одежду. Вы все это знаете. Стало быть, нечего колебаться пустыми речами. Касательно того, что было, не могу ничего сказать;

примите это, как указание от Матери Божией, что путь, коим идете, верен. Подобные знамения или указания даются не святым, а тем, кои ищут спасения и имеют нужду во вразумлении. Сами видите, что это весьма благовременно. И возблагодарите Пречистую Владычицу, столько снисшедшую к вашей немощи, чтобы разсеять ваше сомнение. Так и думайте, что вам, немощным и колеблемым, нужно было вразумление, — оно и дано, а выситься тут нечем. Возблагодарим Пречистую Попечительницу нашу и восплачем, что делаем Ей труд своими колебаниями до того, что Ей нужно то и то делать для нас.

А путь начатый — не пустое, и дело ваше не безуспешно. Враг заволакивает все и шумит. Стойте, мужайтесь, крепитесь!

Ваша холодность и сухость — отчего и давно ли? Терпите и с терпением нудьте себя то на молитву, то на чтение, а лучше на плач, что ничего нет и никуда негожи.

Тревога души вашей, думаю, от рассеяния. Соберитесь — успокойтесь. Ко Господу взывайте, сидя дома. Господь да дарует вам хорошо перенести настоящее ваше положение. Твердо уповайте! Помоги вам, Матерь Божия!

Р. С. Вот вам, наконец, и остальные статьи, от 10-й до 17-й. Обратите внимание особенно на последние, где говорится о трезвении к молитве и вообще о настроении ума в его обращении к Богу! Сопровождаю все сии статьи одним желанием, чтоб они служили вам в нужный час к отрезвлению ума... и освежали ваше внутреннее, как освежается воздух утреннею прохладой. Есть и еще несколько подобных статей; но их думаю поместить в большой отечник, в виде прибавления, или внести под статьи соответственного содержания.

69

Хорошо, что вы находите приятность в домоседстве; чем более, тем лучше. Внешние приятности, даже невинные, редко ведут к добру; а ко злу они — первая

дверь. Они душу расслабляют, выводят из своей ограды внутренней. После них человек бывает весь не свой, как разбитый. Когда ненарочно кто упадет и расшибется, жалеют о нем; а когда кто по неосторожности грянется оземь и разобьет себе все кости, то не только не жалеют о нем, но и бранят его. Что же за нужда нам самим на себя наветовать? Великое ли дело было съесть яблочко — красивое, приятное? А после Сыну Божию надлежало быть распяту, чтоб поправить дело.

Какую это музыку собираетесь слушать? Наши музыкальные пиесы большею частию дрянь: щекочут ухо, ничего не давая. Я не вяжу вас, но жаль, если поедете, потому что только рассеетесь и тосковать будете. Внешнюю музыку послушаете, внутренняя на время разстроится. Не любите мира, ни яже в мире. Можете ли вы там быть с Господом? Едва ли, ибо кое общение? Мир искусств есть душевный и даже чувственный мир, а не духовный. Трудно отказаться! — верю; но ведь с Господом

пребывание есть самораспирание истинное, а не метафорическое. Когда-то оно совершится? О сем поревнуйте. Ибо тогда из сердца начнет бить источник утешений, которые погасят всякую жажду к утешениям иного рода.

Слава Богу! вот и успокоились. Помоги вам, Господи, никогда не разоряться. Но воля Божия да будет. Тлетворное дыхание духа лестча, действующего в сынах противления, хоть кого смутит.

Леность ваша к духовным занятиям происходит от увлечения, с каким взялись за работу. Не увлекайтесь слишком работою, а то в голове станет мутно. После же мутности в голове и в сердце станет мутно.

70

Великое ли дело, что встретили неприятность! Все это в порядке вещей. Стало быть, нечего смущаться. Подумайте лучше вот о чем: как перенести ударение в ланиту и еще более, как после сего удара подставить другую? А ведь это заповедь Господня! Если случившееся

есть удар в ланиту, то подставляйте другую. А вы утекать хотите. Хорошая ученица Христова! Ведь это еще азбука, то есть в начале Евангелия написано, на первых его страницах. Потерпите же! Но, думаю, теперь уже все улеглось; и не разбужайте. Вот и батюшка показал вам внимание, зачем? Затем, чтоб вы благодумствовали. Благодумствуйте же. По-моему, это преничтожный случай, а что он так растревожил вас, это от тогдашнего состояния вашего духа — временного. Мира вам желаю!

Да и во всякое время в тревожном состоянии ничего предпринимать не должно, ибо это состояние неразумное, тем паче — предпринимать что-либо решительное. Умиритесь!

71

Бог в помощь! Играть в карты и ездить в театр не следует. Что говорят, то поговорят и перестанут, а потом и бросят вас. Если сделаете так, то и к вам с картами поедут и непрестанно будут

зазывать вас в театр. Лукавый многое повергнет тогда к вашим услугам, только бы голову разбить вам. Так не следует. Откажитесь! Ведь это будет разлад с собою. Почему не сказать всякому: “Я действую по убеждению. Карты вещь пустая; театр — вредная. Христианину и то и другое неприлично. Так убеждена, так и действую; а вы как хотите!” И пусть себе идут своею дорогою. Ну, если вы так сделаете, будет срам и стыд.

72

Благослови вас, Господи, потрудиться; только с умом надо. Помышление, будто надобно где-нибудь бывать вам и будто нужно, чтоб кто-нибудь бывал у вас, не будет давать вам покоя. Потрудитесь так устроиться, чтобы неохотно выходить к кому и неохотно видеть кого у себя. У старцев пишется: пока есть охота давать и брать, не жди покоя. Эта фраза: **давать и брать**, обнимает все, всякого рода сношения с другими. Не вдруг-то можно достигнуть сего; но

начало надо положить сейчас же. Сладость пребывания с Господом да дарствует вам Его благодать!

73

Спасайтесь! Благодарение Господу, что у вас мирно на душе и что так все стерпели. Храните всегда такой покой при неудовольствиях, в преданности в волю Божию, и не шевелитесь. Молитесь, чтоб с вами все было по Богу, и довольно.

Законом положите ничего не предпринимать в тревожном состоянии духа, равно и не говорить. Как ни благовидна бывает вспышка и как ни правым кажется то, что бы хотелось сказать и сделать в ту пору, все же в сие время душа не может соблюсти меры должной, тем более — чистоты, ибо сие состояние само по себе бывает всегда с примесью самости. Бог вам помощник!

74

Взяли ль вы в толк, что писано в статье: “Начало христианской жизни”?

Тут программа целой жизни, хотя изображено только начало. Ибо, по простому закону, доброе начало — половина дела; а в христианстве доброе начало — все дело, ибо там семя будущего целого древа с листьями, цветами и плодами. Потому и начавшему не бесполезно просматривать сию статейку. К проповедям многие не благоволят. Напрасно. Проповедь, излившаяся из души, великое дело. Ищите и найдете!

75

Господа ради не забывают прочитывать святого Златоустого, какая бы книжка его к вам ни попалась. Он писал просто, без приготовлений, так, как вещи зрелись его духом и мысли о том слагались в сердце. Много у него с первого раза кажется ничтожным, но продолжайте далее и найдете сокровище, которому нет цены. Иные говорят, что святой Златоуст изображал порядок общей жизни христианской. Большею частию это верно, но не вообще. В каждой

почти беседе найдутся изречения, изображающие сокровеннейшую жизнь духа. Сие и изучайте и держите то в сердце на случай беды и нужды.

76

Святой Макарий есть преддверие святого Исаака Сирианина. Когда мысль несобранная потеряет все пути вхождения во внутреннее святилище, развертывайте сию книгу и читайте. Как по ступеням, поведет она вас в царское жилище и представит светлому лику Царя.

Есть искусство различать помыслы. Ему научитесь здесь в тонко-частном распределении их по родам и по взаимном подчинении. Есть высшая сокровенная область духа. Здесь начато изображение ее в выразительных картинах. Хотите ли узнать корни греха, льстивые изменения страстей? — здесь узнаете.

77

Нреподобный отче Исаакие! моли Бога о нас и молитвою своею озари ум наш

разумети высокие созерцания, коими преисполнены словеса твои, и паче возведи или введи в тайники молитвы, которой производство, степени и силу так изображают поучения твои; да, ею окривляемые, возможем свободно теши путем заповедей Господних неуклонно, минуя препятствия, встречаемые на пути, и преодолевая врагов, вооружающихся на нас.

78

В Евангелии каждый день положено прочитывать одно зачало. Это урок Святой Церкви чадам своим. Надо изучать... Утром, когда душа свободна от сторонних впечатлений, с молитвою о вразумлении приникайте вниманием в сию таинницу судов Божиих и смотрите, что речет чрез сие мертвое будто слово выну живой Господь...

Есть люди, кои мысли, выбиваемые словом Божиим из сердца, как искры выбиваются огнем из кремня, записывают на память, в той вере, что это

суть наставления, предлагаемые Ангелом Хранителем. И действительно так. В час нужный такие мысли будут настоящим хлебом для души. И тот, кто не опускает их, делает то же, что тот, кто заберегает денежку про черный день. У одного старца были исписаны все стены такими мыслями. В монастыре святого Саввы близ Иерусалима есть много рукописных сборников отеческих изречений. Все они, можно сказать, такого происхождения. Вы уже знакомы с ними. Посмотрите, например, вторую статью Маргариты. Если б и не было надписи, вы могли бы догадаться, что все сии изречения родились в душе при чтении писаний отеческих, откуда взяты иногда слово в слово, иногда выражены своею речью. В статье одиннадцатой, иерея Божия Леонтия, собраны мысли, возбуждаемые в душе при чтении слова Божия преимущественно. Так поступать ведь всякому можно. За чем же дело? Положить только правилом надо, и пойдет.

У всех ли истинно христианская жизнь начинается таким болезненным переломом, как изображено в “Борьбе со грехом”? И неужели, кто не испытал такого перелома, еще не начинал жить по-христиански?

Нет, не у всех. Те, кои сохранили благодать крещения во всей чистоте, не испытывают такого перелома. Но и для них должен быть ведом момент, когда они сознательно начинают христианскую жизнь. Это именно тот момент, когда они сознательно начинают считать для себя обязательным тот чин жизни, в котором они из детства пребывали по повелению воспитателей, по подражанию и навыку. При сем не может быть никогда болезненного перелома потому, что, дошедши до убеждения, что им для блага своего необходимо быть христианами, и решившись на сие, они находят уже подготовленным и вне и внутри себя все, что требуется к тому, чтобы

---

* Отселе начинаются ответы на предложенные недомыслия.

жить по-христиански; то есть их понятия, чувства и расположения, а равно и внешний порядок жизни, нрав и правила все и дотоле образовались по духу Христову. Ничего нового у них при сем не прибавляется, кроме того, что с сей поры они по сознанию долга начинают делать все, что дотоле делали по обычаю и подражанию. Блаженны сии души! Но как они редки! Большею частию люди, пришедши к мысли, что надобно спасаться, находят в себе и в порядке своей жизни очень много такого, что ведет не ко спасению, а к пагубе, то есть или понятия неправые, или чувства и расположения недобрые, или привычки страстные, или связи скверные, и прочее и прочее. Таковым, при решимости жить по-христиански, нельзя миновать болезненного перелома потому, что нельзя им не чувствовать гнева Божия, за произвольное оскорбление Его величия, и потому, что им надобно отрывать сердце свое от того, чем оно услаждалось дотоле, и склонять к тому, что совсем ему кажется неприятным. Чем более кто

имеет страстных привычек и чувств и чем долее он жил в них, тем более болезненности и трудности встречает душа при обращении к Богу. В “Борьбе со грехом” изображено обращение большого грешника.

Есть еще третий класс людей, которые по внешнему порядку жизни совершенные христиане, а внутри у них не знать — что. Таковые не думают, что надо им что-либо переменять в себе, и остаются так. Между тем состояние их плохо. Это девы юродивые! Снаружи и у них тоже светильники, как следует быть, но внутри пусто: ни масла, ни светильни. Боже, избави от сего! Вот и эти, не испытав болезненного перелома, считают себя в ряду христиан, Богу угождающих! Но с первыми у них большая разница. Те имели и помнят момент, когда сознательно возложили на себя благое иго Христово, или сочли обязательным для себя то, что прежде содержали по навыку, и ради знаменательности сего времени в их жизни, и ради того особенно блаженного состоя-

ния, какое испытывает тогда душа. А сии не имели сего и не помнят, но как привыкли жить, так и живут по привычке. И это бы еще ничего; но то беда, что, остановившись на одной внешней форме спасительного христианского жития, они не входят внутрь посмотреть, что в сердце и уме, и позволяют там произрастать всякого рода нечистотам и непотребствам; они как бы застывают вовне. Но главное: считая себя праведными, всех других ставят в ряд грешников, особенно тех, кои не отдают должной справедливости их святости; оттого подозрительность и пересуды, пересыпаемые самовосхвалением, составляют главный их недуг. Боже, избави попасть в сию колею!

80

Если благодать начинает и без нее ничего сделать над собою нельзя, то что и заботиться? Живи, как хочешь, пока придет возбуждательная сила. Да разве, если кто сам вздумает искать и начнет искать и искать, не сжалится над ним и не подаст благодати Своей сему

просящему Тот, Кто сказал: просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцуйте, и отверзется вам (Мф. 7, 7)? Но если сие так, то как же благодать не приходит с усмотрением?

Надобно строго различать две вещи: простое помышление о том, что надобно спасти свою душу или исправлять свою жизнь, и самое начатие дела спасения и самоисправления. До первого еще возможно и самому собою доходить, потому что слово о сем разсеяно всюду окрест нас. Чтение книг и слушание речей спасительных, встреча с человеком, ревнующим о спасении, взор на священные вещи, простая надпись книги и много другого могут наводить на мысль о спасении, заставить даже довольно серьезно подумать о том и речи заводить о самоисправлении. Но все сие не то, что приступ к делу. Пока не пришла благодать — возбудительница от сна греховного, то, как бы сладко и широко ни разглагольствовала душа сама с собою и с другим, коль скоро коснется до самого дела, она сей час отступит назад, ибо связана по рукам и ногам. Она

походит на ленивца, который сидит на покойном месте. Охотно и сам с собою разсуждает он и другим говорит, что то и то ему необходимо надо сделать; но, коль скоро до движения, все отлагает до другого времени. Такова и душа одна. Кто ж, видя в себе грех или страсть какую злую, и зная, что она погубит его, не подумает, что надо наконец отстать от ней? Но то беда, что силы недостает, руки опускаются и ноги подламываются. Что же делать? “Да вопиет душа всею силою ко Господу, яко да чрез благодать Духа своего достойну сотворит свободитися от страстей”, — говорит Макарий Великий*. И дома молиться, и в церковь ходить, и всех освятительных действий не чуждаться, читать и беседовать, словом, держать себя под осенением благодатных орудий, не канет ли откуда-нибудь искра Божия и не зажжет ли в сердце ревности все подающей, крепкой и мощной свидетельницы о присещении Божией

---

* Слово 6. О любви, гл. 16.

благодати... Видя такой труд и вопияние души, Господь сжалятся над душою и пошлет ей благодать. Только в какой час, в каком месте и при каком действии, сказать сего никто не может. Приходит не с усмотрением... почти всегда не тогда и не там, где и когда чают. Видите ли теперь, чего нельзя самому-то сделать! Посмотрите в "Борьбе со грехом" — стр. 339 и далее (см.: Приложения). Там эти две вещи, кажется, достаточно очерчены.

Одного можно бы бояться: не забыла бы кого Божия благодать! Но это напрасное беспокойство! Мы, можно сказать, облиты ею... Ни от кого не отступает она до самого гроба: все тревожит и будит... Расскажу вам видение одного старца. Видел он поле широкое-широкое. По нему ходило множество людей разного рода. Ходили они по грязи, иной по колено и более, а думали, что ходят по цветам, сами были в лохмотьях, испачканные и уродливые, а думали, что они красавцы и в нарядах. Ни одного из них не было покойного, все в

тревоге и хлопотах, в ладах или спорах и ссорах друг с другом... К востоку от них лежала поляна несколько возвышенная, покрытая травой и цветами, а им казавшаяся сухою, песчаною и каменистою. За сею поляною поднималась гора, прерываемая хребтами в разных направлениях, все выше и выше... Из-за горы виднелся необыкновенной красоты свет, ослепляющий и слепые очи открывающий. Лучи от сего света шли во множестве в шумную толпу, блуждавшую по грязному полю. В каждую голову упирал свой луч. Что же люди? Смотреть на свет из-за горы самим им и в голову не приходило. А что касается до лучей, то одни совсем не чуяли прикосновения их; иные, почувствовав беспокойный удар их, потирали только себе голову и, не поднимая головы, продолжали делать, что делали; иные поднимали голову и обращали взор назад, но тотчас опять закрывали очи и возвращались на прежнее. Некоторые, устремив очи свои по направлению луча, долго стояли в наблюдательном разсматривании света

и любовались красотой его; но все стояли неподвижно на одном месте и наконец, то от утомления, то будучи столкнуты другими, опять начинали шагать по той же дороге, по которой шли прежде. Редкие-редкие, покоряясь возбуждению луча и указанию его, оставляли все, направляли шаги к цветистой поляне и шли потом все далее и далее к горе и по горе к свету, осиявшему их из-за горы. Смысл видения понятен сам собою!.. Видите ли, что никого не оставляет возбуждающая благодать; только сами люди пусть не упорничают.

81

Как различить, что есть действие благодати и что собственное желание пребывать в добре?

Нет нужды и различать. Жизнь истинно христианская устроится взаимно — благодатию и своим желанием и свободой, так что благодать, без свободного склонения воли, ничего не делает с нами, ни свое желание, без укрепления благодатию, не можем иметь ни в чем успеха. Обе они сходятся в одном

деле устройства христианского жития; а что в каждом деле принадлежит благодати и что своему желанию, это до тонкости различить трудно, да и нужды нет. Ведайте, что благодать никогда не насилует свободного произволения и никогда не оставляет его одного, без своей помощи, когда оно того достойно, имеет в том нужду и просит о том. Господь близ! Молитесь! Есть жизнь безблагодатная, похожая на благодатную. Различие их — во внутреннем настроении сердца и крепости нравственной. Где та или другая, распознает одно око Божие. А нам на себя смотреть должно и болезненно ко Господу взывать: о Господи, спаси же, о Господи, благопоспеши же!.. Пустое любопытство лучше прочь гнать.

82

У вас написано: иной сам собою начинает отсекать пороки, но продолжает несколько труд сей и оставляет его опять. Это исправление самодельное, без внутреннего духа жизни. Как же это? Ужели неправда у Бога? Все же

человек желал и трудился. Зачем же оставляется без поддержки?

Не беспокойтесь! Господь никого не обидит. Стакан воды не забывается, а не только большой труд. Лишь бы то, что делается, делается было для Него и Ему посвящается сердцем. А то часто бывает так, что на вид делается будто дело Божие, а в существе это совсем другое. Сколько лукавства скрывается в развращенной воле человека! И кто в силах разгадать все его уклонения и распутия! Расскажу вам один случай, бывший в Москве в 1812 году, как мне рассказывали. Был в Москве один благочестивый человек, постник, богомолец, милостивец. Все его чтили и все были уверены в твердости его добродетели. Но когда русские оставили Москву и, по вступлении в нее французов, все наши порядки там разстроились и всякому было возможно жить, как хочет, то сей человек, оставшийся в Москве по каким-то причинам, предался пьянству и нечистой жизни с такою неудержимостью и безстыдством, какие редко

встречали у постоянных грешников. Единому Господу известно, что сие значит! Но я не в осуждение сему человеку (ибо многи козни у врага, и велики немощи наши), а только в пояснение той мысли, какую намерен предложить вам, вот что думаю. Могло случиться, что в сердце он всегда имел позыв на такие дела и никогда сердцем не отрицался от них. Внешняя обстановка, в какой он находился прежде, удерживала его в исправном поведении. Но когда сей преграды не стало, тогда скрывавшиеся в сердце расположения выступили наружу и явили себя в соответственных делах. Сколько, может быть, есть на свете такого рода лиц! До времени все исправно, а потом все падает и является никуда негожим. Почему? Потому, что все делалось по внешним причинам, и с устранением их прекратились самые дела. У кого есть такой порядок жизни, сего никто, кроме Господа, не ведает. Всякий сам про себя разумеет, не на таком ли непрочном основании строится его исправное поведение? Но если у кого есть

такого рода исправность и она потом падет, какой урон от сего благодати, когда здесь ничего не было сделано для Господа, и какая вина на пути спасенном, когда он совсем не имелся при сем в виду?

83

Что значит! стеснить область греховных движений?

Это то же, что перестроить порядок своей внешней жизни и своих занятий по духу новой жизни. Когда человек бывает предан греху, тогда все силы души и все отправления тела работают сему греху, равно, образ домашней жизни и внешних отношений бывает пропитан тем же духом. Теперь, если по обращении, грешник не оставит прежних своих занятий и прежнего порядка жизни, то они легко увлекут его на старое. Надобно все перестроить и всюду ввести новые порядки. Так — глаз привык смотреть на то, что питало грех, ухо слышать то, что льстило страсти, и прочие чувства тоже были орудиями пороч-

ных склонностей. Теперь надо, наоборот, сделать их орудиями правды. Пусть глаз видит вместо дурных картин, изображение Страшного суда, или какой образ... Пусть ухо слушает церковное пение, вместо соблазнительных песней и прочего. Бывали тоже дружеские беседы, гулянья и прочее тому подобное... надо все то оставить и заменить другими способами взаимных отношений, например, хождением в церковь, беседами с людьми духовной жизни и прочее. Была привычка ложиться и вставать тогда-то, стол держать такой-то, потому что тогда другие были нужды. Теперь всему надо дать другое время и другое содержание... Прежде охотно читались такие и такие книги. Теперь надо бросить их и взять в руки слово Божие и писания отеческие... Таким образом надо пройти по всему своему поведению и всем занятиям и везде положить правило делать то, чего требует дух новой жизни. Что пластырь на раны, то такого рода новые занятия для души, израненной грехами и ищущей врачевания!.. Кто, оставаясь в

прежних порядках, хочет очиститься от страстей, тот напрасною льстит себя надеждою. Отчего Мария Египетская не воротилась в Египет, чтоб поселиться в пустынях тамошних, а ушла в пустыню за-Иорданскую? Оттого, что прежде, чем дошла бы она до пустыни Египетской, должна была бы встретиться с прежними предметами и едва ли устояла бы против имевших произойти от того возбуждений греха... Так надо поступить и всякому. Положив доброе намерение исправиться, надо отбросить все прежнее и назначить себе новые порядки и правила. Этим порочные склонности и страсти стесняются или положатся как бы под гнет.

84

Записано у вас: два бдительных стража должен иметь воин Христов: трезвение и благоразсмотрение. Трезвение — понятно. Но относительно благоразсмотрения, — как узнать, что встретится в продолжении дня, и какие потому движения могут породиться

в душе в продолжении дня, при разных встречах?

Всего, конечно, предугадать нельзя, но многое можно предвидеть, особенно тем, у которых дела дня идут более или менее определенным порядком. Идучи в какой-либо дом, можно наперед представлять, кого там придется встретить, о чем может быть речь и прочее, и потому наверное полагать, тщеславие, или гнев, или другая какая страсть будет там возбуждаема, и в следствие этого готовиться к отпору. Пусть ничто предполагавшееся и не встретится; и одно предположение нападения будет держать душу в бдительной осторожности, а это много значит. Иной может подумать, что тогда и придумает, как поступить, когда встретится то или другое. Конечно, так: но может случиться и то, что прежде, чем возьмется за соображение, сердце уже загорится страстию и одолеть ее, может быть, уже не будет возможности. Последнее обстоятельство более всего и делает необходимым предварительное приготовление себя ко

встрече разного рода случаев. Много испытавшие и во многих случаях оставшиеся победителями легко выдерживают себя, что бы ни встретилось, потому что по многоопытности они на все готовы; а начинающим лучше приготовляться наперед. Для встречи непредвиденных случаев, выходящих из круга обычных дел, хорошо упражняться в намеренной мысленной брани. Именно, при спокойном состоянии души представлять себя под влиянием тех или других чувств и сердечных движений и тут же соображать, какой дать им отпор, или как повернуть душу на добрый лад. Например, в таком-то случае может подняться гнев от речей, взора, суждений и прочего. Его укрощать надо такими и такими представлениями. Там-то может возбудиться зависть; ее прогнать надо так и так... и так далее. Если провесть сквозь такого рода упражнения все неправые чувства и движения, то едва ли какая вспышка страсти может застать нас врасплох или неготовыми. Упражнение такого рода приучает душу к изворот-

ливости, или к сгибам, противоположным порочным наклонностям сердца, так что, приобретши к сему навык, можно без особенных затруднений переходить из страстного состояния в безстрастное. А в этом и победа или избегание брани.

85

Когда именно надо действовать наступательно и когда оборонительно?

Опыт научит. Иным лучше действовать первым, другим — последним способом или то тем, то другим. Но вообще известно, что на первых порах лучше действовать оборонительно или убежательно... то есть когда придет искусительная мысль или какое недоброе чувство, не братья прибирать мысли или действия, коими можно прогнать их, а, отстранив от них внимание, обратиться ко Господу и, прилепив к Нему взор ума, умолять Его усердно избавить от нападших врагов, подобно тому, как бессильные дети, при виде какой-либо

опасности от людей или зверей, не вступают в бой с ними, а с криком бегут к отцу или матери, надеясь, что они избавят их от беды. Иные во всю жизнь остаются с одним этим орудием. Вы, кажется, знаете о сем из глав Исихия пресвитера. Если забыли, прочитайте снова. Держитесь сего последнего и никогда не будете в проигрыше.

86

Что значит, что во время самой брани не должно предпринимать средств к будущему предотвращению ее?

Кажется, это очень понятно и не требует объяснений. Возжелавшая чистоты и тем более вкусившая уже сладости внутреннего покоя душа не может не досадовать, когда возбуждаются нечистые страсти или чем-нибудь нарушается внутренний покой. Она недовольна бывает тогда собою и гневается на причину неприятного состояния своего. Желая оградить себя на будущее время от подобного случая, конечно, должно поло-

жить на себя известные правила, в отвращение причин его. Но делать сие, в сем состоянии недовольства, досады и гнева на себя, не должно; ибо гнев меры не знает и побудит нас наложить на себя такие строгие правила, каких исполнить в точности мы будем не в состоянии и, следовательно, должны будем изменить их. А это изменение есть новое поражение — не безвредное. Поясним это простым примером. Вы проспали лишней час; от того чувствуете расслабление, и холодность, и неустойчивость мыслей. Вам досадно это тем более, что вы проспали час молитвы, или какую-либо церковную службу. Причиною излишнего сна было то, что вы приняли пищи больше против обыкновенного, а это от того, что пред столом кто-то приходил и развлекал ваше внимание, после чего вы кушали, сколько хотели, в рассеянности. Разобрав все сие, в досаде вы полагаете: никого не принимать, к столу подавать одно кушанье, или назначаете сухоядение, спать не на постели, а сидя в креслах... Отданы приказы, и постель вынесена.

На следующий день кто-то приходил, и отказано. Вам сказывают, что это такой-то или такая-то, лицо нужное, с которым непременно надо было видеться. Досадно, но не воротишь. Пришел час садиться за стол. Покушали. Чувствуете, что очень скудно, и жалеете, что кухарка не нарушила вашей воли и не приготовила лишнего блюда... Наконец, надо спать... Садитесь в кресла... дремлете, но не спите... так проходит долго... Заснули наконец, но скоро проснулись. До разсвета еще далеко, но не спится, хотя нужно бы соснуть еще. Так час-другой. Надобно ж и вставать. Встаете... в голове мутно, поясница болит, ноги едва ходят, руки не служат. Вам кажется, что вы больны. Приказываете принести постель и, заказав вкусный обед, ложитесь спать. Наспавшись вдоволь, обедаете сытно в поздний час; вечером принимаете всех и не наговоритесь, о чем ни попало. Вот до чего дошло! А причина в чем? В том, что не вовремя начали себя предостерегать от падений.

Все статьи, присланные вами, содержат наставления почти исключительно монашеские. К мирянам они нейдут. Передаю вам мнение лиц, которым мне приходилось прочитывать некоторые из сих статей.

Напрасно так думают. По-моему, наставления те могут идти ко всякому ревнующему о спасении. Сия ревность научит их, как воспользоваться всем, как даже прямо монашеские правила применить к себе. А у кого нет сей заботы, к тому никакое назидательное писание нейдет. Говорят: сердце сердцу весть подает. Те, кои давали наставления, давали их от души, так как они сложились у них в сердце собственным разсуждением и опытом. Это отзвук их сердечного настроения. Общий же дух, воодушевлявший их и все расположения их, был дух ревности о спасении себя и всякого человека. Тот же дух отражается и в слове их и проникает всякое их писание. Теперь всякий ревнующий о спасении, читая их наставления, сквозь внешнюю букву пройдет до духа их и,

по духу ревности, его снедающей, войдет в подобонастроение с писавшими их и в сочувствие ко всем расположениям, которые исполняли сердце их, от него проникли в писания их и составляют главное почти содержание их. Расположения же ищущих спасения, или те расположения, с коими неизбежно освоиться на пути к спасению, одинаковы у всех, монах ли кто или не монах. Разница только во внешних делах, коими выражаются сии расположения. Вот почему полагаю, что всякое наставление, составленное отшельником и для отшельников, есть сладостное духовное брашно и для всякого ревнителя о спасении. Там найдет он нужное себе и сумеет приложить то к своему быту, если назначены для выражения его дела, несовместные с порядком его жизни.

Монахи-то ведь христиане, и вступающие в монашество не о другом чем заботятся и поднимают труды, как о том, чтобы быть истинными христианами. И миряне тоже христиане и должны

ревновать о том, чтобы быть истинными христианами. Стало быть, монахи с мирянами сходятся в главном деле. Как же теперь наставления монахам могут не идти к мирянам? Есть часть у монахов, не идущая к мирянам, но она касается только внешнего порядка жизни и отношений, а не внутренних расположений и духа. Последние должны быть одинаковы у всех, ибо *един Господь, едина вера, едино крещение* (Еф. 4, 5). И вот почему добрые миряне, ревнующие о спасении души, читать не начитаются аскетических отеческих писаний Макария Великого, Исаака Сирианина, Лествичника, святого Дорофея, Ефрема Сирианина, Добротолубия и прочего. А о тех, кои чуждаются наставлений, что в статейках, сами видите, что надо сказать: “Духа Христова не имеют”. Жестоко слово сие, да что делать-то!

Пусть сами разсудят... О чем пишется в тех статьях? О том, как победить страсти, как очищать сердце, как насаждать в нем добрые расположения, как молиться и преуспевать в молитве,

как благоустроить свои мысли и хранить постоянно внимание свое неразсеянным и прочее. А это разве не должно быть предметом заботы всякого христианина? Разве не даны о всем этом заповеди Господом и Апостолами? Так Господь говорит: *бдите и молитесь* (Мф. 26, 41); *бдите, на всяко время молящися* (Лк. 21, 36). Это заповедь о внимании к себе, одном из главных подвигов духовных, который иначе именуется также трезвением, со слов Апостола, который говорит: *трезвитесь и бодрствуйте* (1 Пет. 5, 8). Но чтоб кто не подумал, что это обязательно только для одних Апостолов или только для христиан совершенных, подобно им, — Господь присовокупил: *а яже вам глаголю, всем глаголю: бдите* (Мк. 13, 37). По какому же это праву все наставления о внимании, трезвении и бодрствовании духовном — преимущественный предмет писаний аскетических и статей, вам пересланных, будем мы почитать относящимися только к монахам, а не к мирянам! По сему судите и о прочем.

Так, когда говорится, что *узкая врата, и тесный путь ведут в живот* (Мф. 7, 14), то дается знать, что они узки и тесны не для одних монахов, а для всех вообще, заботящихся о том, чтоб внити в живот, и что, следовательно, широко живущим не будет там места, монахи ли они или миряне. Пишется также, что *подвизающийся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25), что надо *умертвить удо, суще на земли* (ср.: Кол. 3, 5), надо *вышних искать, горняя мудрствовать, а не земная* (ср.: Кол. 3, 1-2), *непрестанно молиться* (ср.: 1 Сол. 5, 17) и сделать, чтоб *живот наш сокровен был со Христом в Боге* (ср.: Кол. 3, 3), — и тем вмменяются в обязанность всем без изъятия подвижничество, умерщвление плоти, отрешение от всего земного, непрестанная молитва, исчезновение в Боге. Но об этом только и говорится в монашеских статьях!

Вот сейчас и слышится: к сим кто доволен? Кто про то не знает и кто того не говорит? Но не о том у нас речь. Ведь не закон Божий надо подклонять под наши склонности, именуемые обычно

немощами, а нашу выю под иго святого и неизменного закона Божия! Не ведомо разве, что Господь, щедрый и милостивый, как ига не налагает выше сил, так и поблажки никакой не допускает? Так что об этом и говорить! Разве не принадлежат ли ваши возражатели к числу тех, кои обычно говорят: “Разве я духовный, разве я монах?” или: “Ведь я мирянин”, отговариваясь тем от строгого исполнения Евангельских заповедей? Но понимают ли они как следует, что говорят? Отговариваясь не только исполнять некоторые правила, но и слушать об них, по своему качеству мирян, не причисляют ли они себя к области мира, противоположного Евангелию? А это страшно. Мир есть область пагубы. О христианах говорит Господь в лице Апостолов: *аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: но якоже от мира несте, но аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир* (Ин. 15, 19). Так, истинные христиане, хотя и миряне, не принадлежат к этой страшной области христоненавистного и Богом отверженного мира и не считают

для себя чуждым ни единого слова, исшедшего из уст Господа Иисуса Христа и святых Его Апостолов, не чуждаются никакого учения, содержаемого Святою Православною Церковию, не брезгуют им и не уклоняются от него.

Но довольно о сем. Горько, что подобный образ мыслей все более и более распространяется. Истине Божией от этого, конечно, беды никакой нет. Она останется вовек неизменною; но то горько, что удаляющие себя от нее погибнут. Они походят на тех, кои ударом кулака хотят притупить лезвие острого меча. Будет ли успех? Нет. Меч слова Божия несокрушим. И трудно нам противу рожна прати.

88

Да вот что еще безпрестанно говорят у нас: "Господь, сотворив человека, ввел его в рай и наделил всем, чтоб наслаждался вдоволь. По падении хотя человек и был изгнан из рая, но способность наслаждаться и способы к наслаждениям оставлены ему: цветы — услада обоняния, плоды — вкуса, звездное небо —

зрения, пение птиц — слуха; далее, по сим мотивам человек изобрел музыку. Да и все в природе говорит о благодати Мироздателя! Но являются люди, которые, вопреки благой воле Его, все хотят стеснить и всему положить преграды. Они насилуют природу и представляют Бога не тем, что Он есть!”

Так вот оно куда пошло! А я, написавши вам прошлый раз о том, что не следует отказываться от строгостей монашеских и мирянам, если они не хотят быть настоящими христианами, думал, что всех уже убедил и все недоумения порешил. Какая тут путаница понятий! Да вы-то что ж стали в тупик, будто уж на их стороне и правда! Сказали бы им: ну, и гуляйте, други! отворяйте настежь все ворота утех и наслаждений! И ликуйте на пиру жизненном... Никто вас не стесняет и никаких преград вам не полагает! Живите, как хотите. Вам только говорят словом Господним, что есть два пути, коими ходят сыны человеческие — путь тесный и путь широкий, и что первый ведет в живот, а последний ведет в пагубу. Не угодно ли самим

прочитать, как сказано о сем в Евангелии: *Внидите узкими вратами*, говорит Господь, *яко пространная врата и широкий путь вводяи в пагубу, и мнози суть входящи им; что узкая врата, и тесный путь вводяи в живот, и мало их есть, иже обретают его* (Мф. 7, 13-14)! Хотите послушать, послушайте, а не хотите, как хотите... Ведь это не человеческая выдумка, а заповедь Господня. Да еще как! *Подвизайтесь внити сквозе тесная врата*, говорит Господь в другой раз: *яко мнози, глаголю вам, възыщут внити, и не возмогут* (Лк. 13, 24). Подвизайтесь... то есть спешите, как бы наперегонки, споря с другими за сей путь тесный и узкие врата, добиваясь их наперекор другим, отбивая его у других: пустите меня, пустите меня! как бы опасаясь, чтобы не затворились эти двери... А почему это так, не наше дело рассуждать! Так Господь повелел, вот и все!.. Да и какой Господь?! Такой, Который для спасения нашего Сам впереди нас прошел по сему тесному пути и, после всесторонних страданий, со Креста предал дух Свой Господу, сказав распятому же разбойнику:

днесь со мною будещи в раи (Лк. 23, 43). Ведь Он Спаситель наш!.. И все хотящие быть спасенными должны идти вслед Его... Идти же вслед Его иначе нельзя, как со крестом: *иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8, 34). И вот все возжелавшие спасения потекли вслед Его тесным и прискорбным путем: Апостолы, мученики, святители, преподобные и все спасенные, населяющие теперь град Божий, Иерусалим небесный. Ну, что ж делать-то! Верно, нельзя спастись иначе, когда между спасенными нет ни одного, который бы достиг места вечно-го упокоения не тесным путем. Не лучше ли покориться сей необходимости, хоть она и не так сладка? Вечно-то мучиться ведь хуже. Уж как-нибудь пусть понудят себя желающие спасения, не отговариваясь. Трудно, да что ж делать! Затем ведь жизнь такая и называется подвигом, как говорит о себе Апостол: *подвигом добрым подвизахся* (2 Тим. 4, 7). А те, кои не хотят, как хотят... Только пусть ведают, что разные

стеснения не суть выдумка человеческая, а заповедь Божия.

Можно бы приложить какое-нибудь пояснение, почему то или другое стеснение нужно... почему, например, нужен пост, уединение, молитвенный труд и прочее. Но оставляю сие... Идущие путем спасительным знают, как сие и другое все необходимо, а удаляющимся от него хоть не говори! Что до прописанных вами кривотолкований, то, чай, я вам об этом уже писал. В раю, точно, много было предметов, могущих доставлять удовольствие человеку, но оные составляли прикрасу жизни райской внешнюю, стороннюю, а не цель человека. Цель была другая; пребывание в общении с Богом чрез свободное исполнение воли Божией. Если б рай остался навсегда жилищем человека, то все люди, точно, наслаждались бы и внешне, но никто и думать бы не думал и заботы никакой не имел бы о том: это была бы неизбежная тень богоугодной жизни. Так видите, и в раю не толковали бы и не хлопотали бы об удовольствиях; а у

нас, потерявши рай, хотят поставить наслаждение главною целию жизни. Ведь, если б наслаждения законно могли быть уделом падшего человечества, не стал бы Господь изгонять из рая падших прародителей. А когда изгнал, то тем показал, что утешная жизнь не к лицу падшему. Ведь падением изменился весь порядок! К жизни человека прибавлен краткий срок настоящей жизни, полной скорбей и бед, с целию вразумлять, исправлять и очищать человека, чтоб соделывать его достойным наслаждаться вечно в другом, вечном раю. Истинная жизнь человека за гробом или, вернее, по воскресении, а настоящая жизнь есть только преддверие ее или приготовление к ней. В порядок ее и вложены Господом разные скорби и беды внешние и предписаны для нее разные стеснительные правила, как меры очищения. Мучеников когтями железными строга́ли и тем приготовляли их в рай. Это образ настоящей жизни человека, в коей всякий очистительными теснотами, как бы строга́ниями, готовится к блажен-

ной вечности! Отсюда вот что следует: дайте человеку хорошо понять и приложить к сердцу мысль, как коротка настоящая жизнь и как много плода от ее теснот и узкостей для жизни будущей — нескончаемой, и он не только не станет чуждаться их, напротив, будет просить их и домогаться, как какого блага. Так и делают все, надлежащим образом понимающие значение настоящей жизни...

Из того, что и по изгнании из рая оставлены еще некоторые приятные предметы, коими можно наслаждаться, не следует, что уж никакое стеснение неуместно в порядке настоящей жизни. В объяснение на это припомнились мне слова дорогого нашего наставника Я. К. Амфитеатрова. Случилось мне ходить с ним по роще. Я будто мимоходом спросил: “Зачем это есть такие неровности между предметами природы и воздушными явлениями, и неровности неприятные. Вот приятный цвет, а сбоку крапива или дурман... и на небе то светло, то пасмурно?” “Экой ты чудак! — отвечал он. — Эти неровности — великое

дело в экономии промышленности Божия о нашем спасении. Милосердый Бог говорит тебе сим: следовало бы, чтобы пот никогда не стирался с лица твоего, изможденного и утомленного, но Я даю тебе иногда вкусить радость жизни, позволяю просветлиться очам твоим, открыту быть челу твоему и являться улыбке на устах твоих, чтоб не потерял ты надежды и не пал в отчаяние; следовало бы, чтоб земля только терния и волчцы произращала тебе, но вот Я повелеваю иногда земле давать тебе все обильно в наслаждение, чтоб ты не потерял уверенности, что есть еще возможность возвратить потерянное блаженство; следовало бы в воздухе над главою твоею и вокруг тебя быть только бурям с громами и молниями, но вот ты нередко видишь ясное солнце с приятною прохладою утра и с восхитительною тишиною вечера, чтоб ты помнил, что небо не совсем заключено для тебя, что объятия Мои простерты к тебе и Я готов принять тебя в небесные обители". Так вот зачем оставлены и вне рая неко-

торые приятности в природе, а не затем, чтоб из сих крупиц составлять веселый пир на всю жизнь, или из сих обломков строить на земле храм счастья! А наши утешники и удовольственники иначе все это понимают. По их мнению, всякое стеснение и всякая преграда утехам есть насилие природе человека и противно воле Божией. Что воле Божией оно не противно, я сказал вначале, ибо Господь заповедал идти тесным путем, а что в этом нет стеснения природе человека, уразумеете из следующего. Когда человек пал, то не только стал ниже своего назначения, но и принял в себя некоторые чуждые его природе начала, как бы семена всякого исходящего зла. Стало быть, в человеке падшем надо различать то, что свойственно его природе, от того, что несвойственно ей, хотя тоже есть в человеке. Все стеснительные правила и меры, предписываемые и устрояемые Господом, направляются исключительно против сих пришлых злых семян, чтоб подавить их, заглушить и тем дать свободу истинной человеческой природе.

Так, стеснение — не насилие природы, а благодетельное пособие ей. Они то же, что операция для отрезания вредного члена, или пластырь, вытягивающий вредную материю. Природа наша в плену. Господь стеснением пленивших хочет высвободить ее, а мы кричим: не трогай, не тесни! и таким образом, вместо того, чтоб за себя стоять, наветуем на себя. Утешники-то ведь жалкие люди — пропащие! Не то, чтоб уж никакое утешение не было уместно в жизни; да приемлем все с благодарением от руки Господней; но то, что гоняться за ними не следует, тем менее поставлять их главною целию жизни и еще менее возставать против всякого стеснительного предписания, и знать не хотя того, что оно предписано Самим Господом. В последнем, кроме непонимания дела, видно даже богоборство. Вот оно куда зашло, дело-то! А они все легко думают. Да теперь пока еще ничего. Что на том свете будет?! Будет же там теснота и, против воли, теснота горькая и безот-

радная, ибо бесполезная. Господи, помилуй и спаси нас!

Как много толков о посте, как возстают на него и говорят: “Почему же пост и — такой строгий, когда Господь Сам говорит, что не входящее в человека сквернит, но исходящее из сердца (см.: Мф. 15, 11), и Апостол учит: *не ядый ядущаго да не осуждает* (ср.: Рим. 14, 3), и святой Златоуст в день Святой Пасхи призывает к веселию всех, и постившихся и не постившихся?”

Думаю, что после того, что писал прежде, настоящее мудрование не затрудняет уже вас. Бедный пост! Сколько он терпит укоров, наветов, гонений! Но вот все, по милости Божией, стоит. Да и как иначе-то? Подпора крепка! Господь постился, Апостолы постились, и притом — не мало, но как говорит о себе Апостол Павел: *в пощениих многаши* (2 Кор. 11, 27); и все святые Божии держали строгий пост, так что если б дано было

нам обозреть обители райские, мы не нашли бы там ни одного, кто бы чуждался поста. Так и следует. Нарушением поста потерян рай, — подъятие строгого поста должно стоять в числе средств к возвращению потерянного рая. Мать наша, Святая Церковь, сердобольная, разве мачеха нам? Стала ли бы она налагать на нас такое бремя тяжкое и ненужное? А вот налагает! Верно, нельзя иначе. Покоримся же... Да и все, хотящие спастися, покоряются... Посмотрите вокруг. Мало-мальски у кого упадет забота о душе, сейчас начинает поститься, и, чем сильнее у него забота, тем строже он постится. Отчего бы это? Оттого, что при посте успешнее идет дело и легче совладать с душою. Кто же отговаривается от поста, верно, тому не дорого спасение. Уж где чрево пишет законы, там Бог — чрево. Кому Бог — чрево, тот враг Креста Христова. Кто враг Креста, тот враг Христа, Спасителя нашего и Бога. Вы вот как вперед поступайте: когда кто станет возставать на какое-нибудь подвижническое уста-

новление Божие, начинайте его спрашивать, какое же принимает он кроме этого отвергаемого? например, кто пост отвергает, спросите: ну, а в Церковь нужно ли ходить? нужно ли домашнее держать молитвенное правило? нужно ли исповедаться? и прочее... и уж наверно найдете, что он откажется от всего. И ясно будет вам, что не о посте у него толк, а о всякой вообще тесноте... Ему хочется жить широко... Ну, и пусть живет! Только уже непременно прочитайте ему определение суда Божия на широкий путь! Это долг всякого, ведущего сие определение! Ведь, когда все разспросите, окажется, что такого рода мудрец совсем другой будто веры. И скажите ему то; скажите, что у тебя, брат, другой бог, другие законы, другие надежды!.. А у нас Бог — Господь Иисус Христос постившийся, мать у нас — Святая Церковь, уставами требующая поста. Споручники наши — святые Апостолы, пастыри и учителя вселенных, все постники и законоположники поста! Так нам иначе нельзя. А ты себе

иди своею дорогою. Не думаете ли вы убедить таких?.. Куда нам? Лоб у них медян и выяз железа! Что вы с ними сделаете? Не думайте, что у них есть резоны какие основательные. Нет. У них только упорство сильно. Вот те криво-толкования, что вы слышали, верно, считаются у них высокими идеями. А посмотрите, что тут есть? Говорят: не входящее в уста сквернит... Кто против этого спорит? Разве постящиеся воздерживаются от пищи потому, что боятся оскверниться ею? Помилуй Бог! Никто так не думает. А это хитрецы мирские сплетают ложь, чтоб как-нибудь прикрыть себя благовидностию. Нарушающие пост сквернят себя, только не пищею, а нарушением заповеди Божией, непокоривостию и упорством. И те, кои постятся, а не хранят сердца своего чистым, не считаются чистыми. Надобно то и другое: и пост телесный и пост душевный. Так в поучениях говорится, так и в Церкви поется. Кто не исполняет сего, — не пост виноват! Зачем же от поста-то отказываться под сим предло-

гом? Спросить бы тех, кои не хотят поститься, хранят ли они свое сердце чистым? Дело невероятное! Если при посте и других подвигах едва-едва можно управляться с нашим любезным сердцем, то без поста — уж и говорить нечего. Помните, как один старец встретил молодого монаха, выходявшего из харчевни, и сказал ему: “Э, брат! не доброе дело сюда ходить!” Тот отвечал ему: “Поди! лишь бы сердце было чисто...” Тогда старец с изумлением сказал: “Сколько лет живу я в пустыне и пощусь, и молюсь, и редко куда выхожу, но еще не приобрел чистого сердца; а ты, юный, ходя по харчевням, успел приобрести чистое сердце. Диво!” Вот то же надо сказать и всякому, отказывающемуся от поста! А то, что там дальше говорится: *не ядый ядущаго да не осуждает*, ни к чему не ведет. Ведь это наставление! Поставляя себя в число постящихся, поблагодарим за совет, или напоминание. Но непостящийся чрез это не освобождается от обязанности поститься и от ответственности за непощение. Кто

осуждает непостящегося, тот грешит, но непостящийся чрез это не становится праведным. И не будем осуждать. Пусть всякий себе как знает. А за правило или закон поста стоять надо и не давать вольникам коварно сплетать ложь. Наконец, снисхождение Златоуста к непостившимся означает только доброту его сердца и желание, чтоб в Светлое Христово Воскресенье все радовались и не было печального лица ни одного. Таково желание святого отца, а сбывается ли оно на деле, Бог весть! Говорите больному: будь здоров, будь здоров... Поздоровится ли ему от сего? То же и там. Всех приглашают радоваться, а все ли истинно радуются? Совесть-то куда девать? Шум да гам не есть радость. Радость бывает на сердце, которое не всегда радуется при внешних увеселениях. Вот святой Златоуст, предполагая, что иного тревожит совесть за непощение, сию самую тревогу принимает за раскаяние и епитимию и всех разрешает на радость и веселие... Так вот эта частичка сокрушающихся о не-

пощении действительно вкусит духовного утешения, или умиления сердечного, а прочие едва ли! Да пусть и так; законность и обязательность поста для всех от этого нисколько не умаляется!

90

Спасайтесь! Смотрите, не попасть бы в беду. Захлопотались вы. Пора остепениться и стать в должный чин, а то расколыхаются все составы. Прочности не будет в делах.

Что вы о промышленности Божиим думали (движения ропота), за то подлежите епитимии. Как можно допускать такие мысли? Тут просто хула и — прямо Господу в глаза. Добро бы вы и аза в глаза не знали, другое дело; а то, кажется, уж и по складам разбираете, между тем такие нелепости пускаете в голову! Шутить ведь этим нельзя. Помышления о Боге — великое дело, ибо они все совершаются пред Его очами. Как тут легкомысленничать! Ну, а это что такое — N.N.? Доброго настроения сердца в ней не предполагаю. Когда

навела мрак речами своими, значит, то, что было говорено, исходило не из хорошего источника. Бросьте ее... или ведите с нею речи, никогда не касаясь личности других. Что за скаредное занятие — пересуды сплетать? Вы же заготовьте себе булавку и всегда носите ее с собою. Как только и ваш язык начнет пересуды, колите его нещадно.

91

Спасайтесь! Ну, совсем, кажется, вы разорились! Или вас разволокли другие, или вы сами себя разбиваете. Пора сесть и усесться. Поспешите установить порядок и устроиться, да и конец делу. А тут подоспела к вам N.N. Начнет теперь собирать странников и странниц!

Спросите ее, разве есть спасение в том, чтоб липнуть к встречному и поперечному? И еще: может ли такое дело быть добрым, когда оно соединено с беспокойством других? Кто нужен, того Бог пошлет, а самим-то что навязываться? Настоящего странника или странницу не дозовешься, да и редко встре-

тишь... Впрочем, у всякого свой склад ума и сердца. Все только надо принести Богу в жертву.

Вот те хлопоты, что ныне предстоят вам, те позначительнее. Тут самостного ничего нет. Только надо, чтоб все шло законным порядком: не употреблять хитростей и задних обходов. Устроит Господь, пусть так; не устроит, буди Его святая воля. Какая это там у вас прогрессистка! Она уверена, что действует по началам христианства. Пусть возьмет в толк, что по-христиански прогресс совсем другое дело, нежели, что она думает. Прогресс по духу мира — мечта. То несомненно, что всяк сад, его же не насади Отец Небесный, искоренится, и что тот, кто не во Христе, изсыхает, как ветвь, и бросаем бывает в огонь. Господи, помилуй нас! Сколько ложных призраков, увлекающих нас, вместо истины... Сколько тружеников и тружениц, водотолчением занятых! Да будет над ними воля Божия!

Благослови, Господи, всем нам пройти путь жизни в мире и взаимном

утешении, назидая друг друга, а не разоряя.

92

Что это вы все оправдываетесь? Письмо ваше все о том. Верно, на вашу долю достались все брани и свары. Виноват! Другое дело, — так следует. Теперь вы, верно, уже поправились. Что ж, улеглась ли душа? Надо и пора немного успокоиться. Помогите вам, Господи! Долго ли заостенеть? На ветре стоять худо. Укройте немного. Можно денек-другой и совсем никого не принимать, чтоб только усесться. А между тем — то почитать, то помолиться да подумать. Вот и сойдет мир, как дождь на руно.

Вам Бог послал нового знакомого. Чувства его достойны уважения. Но заключение его, что, если исполненному необыкновенной доброты N.N. случится какая беда или горе, он усомнится тогда в промыслении Божиим, не верно; ибо нигде Бог не сказал, что добродетели вся награда здесь, на земле. Это было бы унижительно для самой добро-

детели. Неправду Бог попускает иногда здесь затем, чтоб возвысить терпящего в будущем веке.

Начали ли вы что-нибудь читать? Пора. Начните с Макария Великого и переходите к Исааку Сирианину или еще к кому. А так оставаться не должно. Задохнетесь, ибо без чтения душно, и душа голодает. Но, думаю, теперь наедине, верно, занимаетесь тем. Мира вам желаю.

93

Рад, что вы начинаете входить в свою колею. Поспешите. Да смотрите, не приглубливайте самомнительной мечтательности и не гоните прочь помышлений самоуничижения. Это самая приличная нам одежда. Почаще бейте душу свою, чтоб не вознеслась чем-либо, ибо нечем. Станьте-ка, да разсчитайте, что сделано и из сделанного выходит ли какой прок, или все мишура? Господи, помилуй! Все же одно: надо становиться когда-либо на суд, где все будет разсчитано, и слово, и дело, и взгляд, и мысль. Если

будете делать сие, как должно, много встречать будете побуждений к плачу и сокрушению, а не к самомнению. Куда как многозначительно окружен человек такую обстановкою, которая возводит до рая и низводит до ада! И это всякий! Стало быть, ухо-то надо держать остро. Бдите на всякое время!

С вами с доверием беседует N.N. Учите его. Хитрости большой не нужно. Говорите ему истину просто, как содержите ее сердцем. Если начнет умствовать, скажите, чтоб шел к философам за умствованиями. В делах веры и спасения не философия требуется, а простое, покорное приятие преподанного. Пусть все, молча, принимает. Умишко надо под ноги стоптать, вот как на картине Михаил Архангел топчет сатану. Михаил Архангел, это — ум, покорный истине Божией, а сатана, это — ум возмутительный, суемудренный, от которого все революции и в семействах, и в Церкви... Пусть не думает, что в области веры нет философии... нет, совокупность истин веры есть самая стройная, возвышенная,

утешительная и воодушевительная философия, система настоящая, какой не представляет ни одна система философии. Только до созерцания сей системы нельзя взойти вдруг. Надо принимать истину за истинною чисто, как преподается, без суемудрия, и слагать их в сердце... Когда соберутся все истины, тогда сознание, молитвою изощренное, узрит строй их и будет ими наслаждаться. Эта премудрость — от века сокровенная! Какие-нибудь бредни, например хоть Гегелевские, ведь слушают же с терпением до конца, хотя ничего не понимают в них. Пусть так поступит в отношении к истинам Божиим. Разница будет та, что здесь всякая истина понятна, а в конце возсияет в душе свет великий, которому нет подобного. А там и в продолжении, и в конце — все тьма пребезотрадная.

94

Вы опять разсеялись! Поостепенитесь; смотрите, хитры уловки врага... Замечайте, — первый шаг или удар его есть присвоение себе прав на льготы. Когда

есть сие, надо все бросить и всех и, уединясь, осмотреть и стать в свой чин. При повседневных разволоках долго ли совсем растеряться? И не заметно, как можно разсеяться и остыть. После хватитесь, да трудно будет воротить. Вот видите, что у вас пошло: чтения пустые и с беседами пустыми... две вещи весьма злые! Смотрите, что читает вам совесть после таких чтений, — и дело. Однажды позволено, и довольно, надо прекратить. Бросьте и оградите себя страхом Божиим. Шутить с сердцем нельзя, оно глупо. И не увидишь, как покривится. Молитесь! *Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине. Волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит и спасет я...* (Пс. 144, 18-19). Как знать, а может быть, и смерть близка. Надо готовым быть, чтоб предстать пред Господа. Наскучило жить, поскорее бы на покой, пишете вы. Правда, жизнь тяжка и многотрудна. А покой? Да будет ли он? Надо прежде трудиться... Без труда какой покой? Потрудимся убо в вертограде Божиим. Хоть за час, да все

заплатит под вечер Домовладыка. Милосерд бо есть. Внимайте себе. Много козней и много обходов у врага... Уж он ловок, знает, какими дорогами провесть.

95

Ваше серчание на N.N. плохой означает прогресс! Ведь и без сердца можно сказать дело. Прямо судя, вещи на свете нет, за которую следовало бы сердиться. Что дороже души и покоя ее? А серчание отнимает сей покой. Тут себе наветником бывает человек. И сам еще раздувает, увеличивая в душе неправды другого. Все от того, что внимания нет к себе: вот и прорвется. В сердце глубоко лежит присвоение себе прав судить и наказывать за грехи других, вместо себя. Тут все... Когда бы себя грешником видел человек, с чувством всех последствий греха, не стал бы серчать. Хорошо, что от гнева вы перешли к мысли о смерти. Это дело. И не выходите мыслию из гроба. Стойте там и умоляйте Господа о помиловании.

Берусь поскорее сказать что-нибудь об N.N. Удивительно, как он хвалится очищенной верою, не имея веры, а только мудрствуя. Да и все подобные берут на себя высокий тон здравомыслия, страдая на деле отступничеством от образа здравых словес, указанного нам святыми Апостолами.

Не думаю, чтоб для вас нужно было писать опровержение всех высказанных пред вами мыслей. Вы знаете ложь их, опытом дознали спасительность всего учреждения в Божией Церкви, во всех подробностях, до ладана кадильницы и простого приношения ко храму Божию. Если все это и выдумка, как говорят они, то спасительная выдумка. Как оградю ограждены и как латами прикрыты мы нашею церковностию. Эти господа-сумудры хотят сделать из нас открытую цель для стрел врага. Положите, что в вас кто-нибудь пускает стрелы. Вы ограждаетесь каким-нибудь щитом. Подходит N.N. и говорит: “Бросьте, это дело рук человеческих”. Поди прочь!

Суемудрый! Тут некогда умничать, когда враг пред глазами и получается против него помощь от того, что обращаешь ты суемудренные вопросы. Если б не было опытного дознания спасительности всего, что мы содержим, умствования имели бы еще смысл; а как есть такое дознание, то к чему умствовать? Всякому можно сказать: *прииди и виждь*. Было поверье: *от Назарета может ли что добро быти?* и все так думали, и Нафанаил (см.: Ин. 1, 46). А дело показало иное. Вот и умники наши держатся поверья, что ничего нет доброго в Церкви Божией или в том, что они называют самоделием иерархии. А поставил ли хоть один из них себе в долг испытать делом? Если б испытали, перестали бы суемудрствовать. А испытать не хотят, потому что это требует труда и перемены жизни.

Те вопросы, что вы слышали, суть только верхушки. Глубже лежит целая система заблуждений, самых опасных и губительных для человека и человечества. Тут в споре состоит своеволие ума с

непререкаемую власть Бога над умами, выражаемую определяющим образом мыслей в исповедании веры. Умники наши не хотят никого слушать, кроме своего ума. Но как есть сознание, что Божиих повелений нельзя не слушать, то они твердят: “Бога слушать готовы, но людей ни за что. Повеления Божии содержатся в слове Божиим”. Вот и есть у них поговорка: слушать только слова Божии, то есть то, что писано, и кроме того — ничего. Но как они слушают сего слова? Так, как понимают. А как понимают? Так, как хотят понимать по своему соображению. И вышло, что и в сем случае они уважают только свой ум и его произвольные соображения. Слово Божие у них только предлог, прикрышка своеволия... а дело — необузданное умничанье. Смотрите, что подобные люди произвели в Германии? Отчего? Оттого, что никому покориться не хотят, кроме Евангелия. А Евангелие не хотят иначе понимать, как так, как находят сличным по своим соображениям. Конец сего какой? Конец их —

Страус*... иначе, отвержение христианства полное, и следственно — пагуба, — ибо без Христа Спасителя нет спасения. Германия все сие оправдала делом.

Во Святой Божией Церкви невозможно такое шатание и колебание мыслей и умничаний. Тут определена однажды навсегда норма умствований во святом Символе, от Апостолов еще преданная и содержимая Святою Православною Церковью. У нас есть вот какой закон: слушай, что все говорят, от святых Апостолов до нас на всем пространстве Христовой истинной Церкви, и покоряйся тому. Видите, какая крепость? Весь сонм спасенных и спасаемых так содержит. Что тут значат единицы, говорящие в противность истине? Каждый из нас крепок, как крепка вся Церковь Божия. И благодарение Господу!

Отсюда уже можете догадываться, как бессмысленна фраза: самодельщина

---

* Штраус Давид Фридрих (1808-1874) — немецкий теолог и философ, который отрицал историческую достоверность Евангельских притчей.— *Ред.*

иерархии. Спрашивается, какой? Уж верно не настоящей. Ибо настоящая, — мы — берем то, что было прежде, и обязанными себя считаем хранить все, что приняли. Если б живы были предшественники наши, и они то же бы сказали на вопрос сей, и так далее... Да что касается до нас — русских, то мы ничего не придумывали. Мы действуем так, как в уставе написано, а устав взят у греков. Стало быть, если было самодельничанье, о коем говорят они, то его надо отнести за IX век. Идите далее и спрашивайте греков: откуда вы взяли такие церковные порядки? Ответ один: тоже от предшественников. Посмотрите на соборы, как они решали свои дела? — последующе святым отцам, прежде нас бывшим... И это, начиная с седьмого собора и восходя до первого, все говорят “последующе святым отцам”, то есть ни один собор ничего не придумывал, а определял в закон и обнародывал как закон то, что было всегда всеми содержимо. Надо положить потому, что и греческая иерархия времени соборов

ничего не самодельничала, а только принимала и хранила... Восходите далее от первого собора до Апостолов. Тут два века Церковь гонима и преследуема с ожесточением. Было ли тут время самодельничать? Куда тут! Хоть бы сохранить вверенное. Так сообразив все в спокойном духе, надо положить, что ни наша, ни греческая иерархия не самодельничали. Во всякое время наличные иерархи принимали переданное и хранили то, как зеницу ока, страшась хоть мало изменить что в заповеданном. Все иерархи — послушные рабы узаконенного порядка. Таким образом, проследя всю цепь событий, яснее узрите, что источник всех церковных учреждений в святых Апостолах... Ведь они не все написали, чему учили и что заводили в Церкви. Многие, очень многие остались не записанным, а введенным в практику. В практике это сохранилось и дошло до нас. Стало быть, кто похвалится покорностью Апостолам, тот должен принимать все содержимое Святою Церковию.

Но довольно. Это я вам кое-что написал, зная, что для вас достаточно и малого... Вы смутились! Нельзя не смутиться. Ведь, что адские пары... вонь и изгарь... Обаче мужайтесь. Болий есть иже в нас, нежели — иже в мире.

97

Ирошлый раз писал я вам, что у господ умников дело не о тех частностях, на которые они указывают, а поболее: о свободе ума от всякой связи авторитетом, даже Божеским, ибо Писание они все толкуют по-своему. Мало этого. Они ищут еще свободы от всякого обязательства действовать по духу и устройению веры и от труда вести себя, как следует православному.

Смотрите: наша вера вся и догматами, и заповедями введена в практику; например, вы кладете на себя крестное знамение с словами: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа; тут исповедуется таинство Пресвятой Троицы и таинство искупления и воплощения... Говеете: тут догмат о падении, о необходимости

очищения себя исповеданием и причащением Святых Таин. Так и все... А этим господам хочется спастись, но та, чтоб и лба не было нужды перекрестить. Вот они и виляют, крича, что вся практика Церкви есть самоделие человеческое, наросты, рутина. А мы-де хотим очищенно веровать!.. Вот и веруют так чисто, что голо. Чего бы ради так? Того ради, что не хотят Господу отдать ни минуты времени, ни малого напряжения сил. Поди там — вставай к заутрени, иди в Церковь, постись, говей. Жить хотят в свое удовольствие, считаясь вместе и Богу угождающими, внутренно-де, без всякого, впрочем, обращения сердца к Богу. Ибо, коль скоро сие внутреннее есть, то есть и внешнее. Видите, куда они метят?.. Чтоб основать на земле царство лицедеев, мнящих службу приносить Богу и отчужденных от Него сердцем.

То, что они говорят, будто строго держатся Евангелия и Апостолов, пустая отговорка... Читали ль? — Едва ли! Например, то, что надо в Церковь

ходить, по их мнению, есть самоделие иерархов... А по нашему — заповедь Апостола, который велел не оставлять собраний (см.: Евр. 10, 25). По их мнению, молитвы церковные суть самоделие, а на деле — тоже заповедь Апостола, который говорит: *исполняйтесь духом, глаголюще себе во псалмах и пениих и песнях духовных* (Еф. 5, 18-19), ибо все наши службы из чего состоят, как не из псалмов и песней?

А об общении со святыми разве не учили Апостолы? Смотрите, что говорится: *...приступисте к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов, торжеству, и церкви первородных на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных...* (Евр. 12, 22-23).

Верующий состоит в живом общении со всем невидимым миром. В чем выражается сие общение? Кроме многого, и в том, в чем общение сие состояло на земле, — в молитве. Апостолы о себе просили молиться и всем заповедали

молиться друг за друга. Это же должно быть соблюдаемо и в отношении к отшедшим православным и вообще ко всему невидимому миру, с коим союз так же действителен, как и с видимым. Вот мы и просим святых Божиих молиться за нас... а о ком не уверены, что они сильны у Бога, о тех молимся сами... Во всем этом, как видите, мы действуем не по духу только, но и по букве учения апостольского, а не в угодность самоделиям иерархов. Так ли? От сего и о прочем разумевайте. Видите теперь, что эти господа, с очищенною верою, хвалясь, что держатся Апостолов, отступают от Апостолов и слишком усердно чистят веру — куда зря, как говорится.

Пишите, ежели что-либо осталось в вас от речей N.N.: надо изгнать и след их. Вот, он ноет и тужит! Скажите ему, что это от неудовлетворенности сердца и духа. А удовлетворение им одно — в Господе, Который для нас все. Пока не уверует всем сердцем и не предастся вседушно образу учения приемлемому Церквию, покоя не будет иметь. Душа

голодает, просит питательной веры, а он ее стучает в голову долбнею суемудрия. Пусть не думает, что настроение его ума — совопросничество — есть совершенство, и он высок, что дошел до сих вопросов. Это просто задорность. Попросите его подумать о себе, да не как-нибудь, а посерьезнее. Ведь есть смерть и суд... На суде будет Господь судить, но не по молоканскому смышлению, а по церковному уставу. Теперь-то мы широки... Пусть поставит себя пред лице неумытного Судии и порешит... может ли там отделаться вопросами? Он не может сказать: я не знал; ибо видел все действующим пред глазами. Как жаль его!.. Знает ли он, что духовно, за образ мыслей, он уже не член Церкви и сам себя отсек от нее, хотя гласно она не отсекает его, ожидая его исправления.

Господь да вразумит его! А вас да предохранит от всех колебаний по случаю таких встреч. Что ж делать? В мире живете. Терпите. А может быть, это на пользу и вам, и ему. Мир вам!

Хочу вам пояснить немного, с какими расположениями и чувствами мы должны быть обращены к храму Божию. Ведомо вам, что всемилостивый Господь особенным образом благоволит присутствовать в храмах, освященных молитвенным призыванием благодати Его... Потому таковые храмы справедливо именуется скиниею Божиею с человеки, местом особенного вселения Бога между людьми, как Сам Он удостоверяет: *вселюся, говорит, в них и похожду и буду им в Бога, и тии будут Мне в людие* (ср.: Лев. 26, 12). У древнего Израиля это свидетельствовалося видимым для всех образом. Облак осенял скинию, и слово было из облака. Потом, во все время странствования израильтян по пустыне, столп облачный над скиниею, воздвизаясь и останавливаясь, был руководителем их в их шествии к Ханаану обетованному. Над христианскими храмами не видно чувственного облака, но тем не менее в них истинно присуще благодатное

осенение Божие. Не воздвизаются и не движутся храмы сии подобно скинии; но тем не менее они суть верные указатели пути для шествующих в Ханаан небесный.

Это последнее свойство храмов наших приводит на память устройство путевого шествия израильтян и наводит на мысль, что, верно, и мы должны окружать храмы свои какими-либо соответственными тому чувствами и расположениями, чтоб они могли быть для нас руководителями на нашем пути жизненном туда, где обитать нам вечно определил Бог.

Когда была устроена и освящена скиния, то Бог повелел Моисею с того времени так расположить шествие, чтоб три колена израильтян шли впереди скинии, три позади, три — по правую и три — по левую сторону, в середине двигалась сама скиния, несомая коленом Левиным. Припоминая это устройство и веря, что наши храмы тоже суть руководители и мы около их идем в Цар-

ствие Небесное, невольно понуждаешься поискать, что бы это в наших чувствах и расположениях в отношении к храму могло соответствовать тем трем — впереди, трем — позади и по три — по сторонам. Вот как я себе то представляю.

Три впереди, к востоку. Тут надо поместить **высшие духовные чувства**. Какие бы то? Полагаю: а) веру, что Господь воистину присущ в храме особенным Своим благодатным присутствием, что храм есть дом Божий, куда выну обращено око Его и где выну пребывает сердце Его; б) упование, что Господь, пребывающий в храме, как отец чадолюбивый, внятно внимает всем возсылаемым к Нему прошениям и готов все исполнить, если того благо наше вечное требует; в) любовь к храму, по коей сладостно пребывать в нем, как в доме родного отца, по коей мирно упокоивается в нем дух, как покоится дитя на лоне матери. Это главные, источные, сокровенные расположения в отношении

к храму Божию, служащие возбужденными и родителями других. Они созревают в духе и обращены, можно сказать, лицом к лицу к Самому Богу — сему умственному Востоку.

На противоположной задней стороне, к западу, надо поместить что-нибудь телесное, управляемое, однако же, духом. Поместим здесь телом подъемлемые труды относительно дома Божия, яко дома молитвы. Их можно тоже подвести под три, кои суть: а) **труд неленостного хождения в храм**, на все службы, по первому зову без отговорок, без саможаления, без возрождения воображаемых препятствий, по следующему правилу: как только услышал звон к богослужению, брось все и спеши в храм; б) **труд терпеливого пребывания в храме** от начала службы до конца, на своем всегда одном месте, без передвижений, без небрежного распускания членов, с некоторым напряжением, придающим бодрость; в) **труд благоговейного стояния** — тихого, с поклонами, с очами,

обращенными долу или горé, на иконы или священнодействия, с ушами, устремленными на поемое и читаемое, с молчаливым языком, без озираний, блужданий очами и без разговоров. Все такие действия выражают телесный труд в молитве, поддерживаемый внутренним духом молитвы и его обратно поддерживающий.

Теперь, что бы вы поместили справа и слева на этой перекрестной линии? Думаю, здесь следует поместить душевные труды в молитвенном подвиге. Именно.

По правую сторону станут три положительных дела. Это: а) стояние умом в сердце в присутствии Божиим, сопровождаемое страхом отрезвляющим, сообщающим бодрость и освежающим внутреннюю нашу храмину, подобно утреннему свежему воздуху; б) углубленное вникание в силу и значение всего поемого, читаемого и действующего, с сердцем, отверстым на принятие имеющих родиться от того чувств и расположений,

с готовностью навсегда удержать их в себе и действовать по ним, как по внушениям Божиим; в) мирное расположение доброжелательного духа ко всем людям, не исключая самых врагов, по заповеди Господа, что, если помянешь в Церкви, что брат твой имеет нечто на тя, оставь дар твой пред алтарем и поди — помирись с братом (см.: Мф. 5, 23).

По левую сторону станут три отрицательных дела. Именно: а) **нерасхищение мыслей**, или непозволение уму блуждать по разным местам и предметам, когда стоишь в храме, и возвращение его вспять к своему делу всякий раз, как он самовольно предается мечтам; б) **необременение сердца заботами житейскими**, нещадно гонящими преданного им все далее и далее и не оставляющими ему свободного времени для занятия небом; в) **непривязанность ни к чему земному**, или свобода от всех пристрастий, влекущих долу и не дающих уму восклониться горе.

Смотрите: вышел крест молитвенный, духовно устрояющийся в нашем

естестве, когда ходим в храмы и молимся, как должно. Под осенением сего креста или под влиянием чувств и расположений, его образующих, действует сама молитва, и как молитвословие с поклонами, и как мирное устремление чувств к Богу, и как сокровенное Богу предстояние, или погружение в Бога духом. Как скиния, помещаясь среди 12 колен, ими ограждалась и вместе и им давала строй, так и молитва, во всех своих видах, ограждается помянутыми расположениями и трудами молитвенными и, в свою очередь, сама их оживляет и устрояет.

Вот вам и все! Кто настроит себя так в отношении к храму, тот в самом сем настроении найдет верное руководство и способ к достижению небесного отечества (ибо с этого ведь и начата у нас речь). Таковой, можно сказать, уже парит к нему. Замечаете ли, как показанные чувства и дела молитвенные, будучи расположены в соответственном порядке, представляют собою парящую

птицу?.. Напишите, и увидите, что так.

Поместите там, где следует быть главе, действия духа в молитве, то есть веру, что Господь в храме, упование, что услышит молящегося, и любовь к храму, как к дому отца. Где следует быть правому крылу, пишите там положительные занятия души в молитве, именно: **стояние в присутствии Божиим, внимание ко всему в храме, с сердцем, отверстым для принятия внушений Божиих, и мир со всеми.** На месте левого крыла ставьте то, чего не должна делать душа во время молитвы, именно: **неразсеянность, или трезвение, безпопечение и безпристрастие.** После сего для хвоста останутся телесные труды в молитве: труд хождения в храм, труд стояния в нем и труд производства молитвы телом. А тело птицы сей составит сама молитва во всех ее видах.

Вот вам и молитвенная птица! Не подумайте, что тут натяжки или произвольная выдумка. Придуман только образ, а дело молитвенное таково по суще-

ству своему. Как птица, вдыхая и выдыхая воздух, приводя в движение крылья, главу и другие части, успешно летит, или только тогда и летит, когда действует всем этим: так и молитвенное к Богу восхождение не иначе возможно, как тогда, когда есть в нас все помянутые дела и расположения. Не будь чего-нибудь, дело молитвы затруднится или даже прекратится. Всякий трудящийся в молитве знает то по опыту, а о немолящемся — что и толковать!

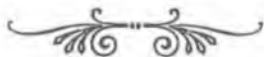
99

Вам желательно было иметь проповеди, слышанные вами. Прилагаю их при сем в полное ваше распоряжение: это вам подарок ко дню вашего Ангела. Наскоро они составились, желалось бы и можно было бы сказать еще более. Мало времени... Чего недостает по вашему суду, подумайте сами: всего с церковной кафедры не проговоришь. И то надо сказать, что и потребности слушающих разнообразны. Одному нужно разсуждение, другому одно живописное

изображение предмета — всякому свое,
но цель говорящего и слушающих
одна, — проникнитесь ею и читайте,
воодушевляясь исполнять делом читанное.

ПОУЧЕНИЯ

А

СЕМЬ СЛОВ В НЕДЕЛИ,
ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЕ К ПОСТУ
И НА ПЕРВУЮ НЕДЕЛЮ
ПОСТА

1

В НЕДЕЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!
Такую умиленную молитвенную песнь влагает нам в уста Святая Церковь, начиная готовить нас к покаянию. Три еще недели до поста, и о нем, может быть, никто и не думает; но она издали указывает нам двери его и заранее хочет предрасположить к входу в нее. Хотя и нехотя, мы должны же встретить время поста; но она хочет, чтоб мы встретили и проводили сие время, как следует. И вот, в нынешний день, в следующее воскресенье и далее она внушает нам одно за другим назидательные правила

в двух притчах и двух разительнейших происшествиях, из коих одним началась нынешняя история человечества, а другим кончится. Будем учиться и внимать урокам матери своей!

Ныне притчею о мытаре и фарисее говорится каждому из нас: “Не полагайся на свою праведность, подобно фарисею, но всю надежду своего спасения возлагай на безпредельную милость Божию, вопия, подобно мытарю: *Боже, милостив буди мне грешному*. Ибо вот фарисей, кажется, и доброго был поведения, а не был оправдан пред Богом”.

Непостижимо для нас, как так — творение добрых дел, или праведность, для нас обязательны, как необходимое условие спасения, а между тем мы не можем основывать на них сей надежды своей; но сколько бы ни было у нас правых дел, все их должны счесть недостаточными и для восполнения их прибегать к другим средствам. Непостижимо сие для нас; но так есть. Христианин в чувстве сердца своего должен носить глубокое убеждение в своем непотреб-

стве при всей праведности, или при всем обилии добрых дел, о которых, однако ж, должен ревновать неусыпно. Так спасались все, которые спаслись, и оставили нам в своем примере указание возможности таких чувств и побуждение к возгреванию их в себе самих. Посмотрите на покаянные молитвы, кои суть излияние душ святых Божиих, прославленных Церковию. Как они там осуждают себя пред Господом!.. А между тем все окружавшие их почитали их чистыми и непорочными пред Богом!.. Думаете ли, что тут была неискренность? Нет! Это был искренний вопль души к Богу! И следовательно, есть возможность в глубине души сознавать себя непотребным, несмотря на всю видимую чистоту души или исправность и честность поведения. Да и как быть иначе? Положите себе в мысли, что Бог требует от нас праведности полной, или добродетели всеобъемлющей, и что только такая праведность и такая добродетель могут быть положены в основание нашего спасения и питать нас

благонадежностью. Посмотрите же, чего сие требует!

Полная праведность, или всеобъемлющая добродетель, слагается из следующих трех частей:

1) Из добрых дел, видимо для всех телом совершаемых, в свое время и в своем месте. Это вот что: просит кто милостыни, подай ему. Причинил кто обиду, прости ему. Пришел враг, ухлеби (накорми, напитай.— *Ред.*) его. Сел за стол, вкушай пищу по уставу и воздержно. Настало время молитвы, молись благоговейно и как велено... Идешь на должность, трудись усердно, и так далее, и далее. Всякая минута и всякое место имеют свои добрые дела, которые непременно должен исполнять всякий вступающий в них. В сем отношении вся жизнь человека должна быть непрерывною цепью добрых дел, с той минуты, как он приходит в сознание в сем мире, и до той, как выйдет из него... Как те, кои вышивают картины бисером, ряд за рядом прикрепляют бисеринки к своим местам и именно такие, а не другие

бисеринки к тому или другому месту, и только тогда, как соблюдут все сие, не спутают бисеринок и не допустят перерывов и пропусков, картина получает приличный ей вид и свое имя: так и в отношении к нам, тогда только и сочтет Господь кого-либо добродетельным, когда он всю картину жизни своей будет развивать так, что не пропустит ни одного места и ни одного момента времени без того, чтоб не сделать обязательного для него тогда дела. Стань же теперь здесь, опирающийся на свою праведность, и скажи: так ли живешь ты, чтоб всегда творил добро и никогда не опускал дела, обязательного для тебя, и не допускал дела полудоброго, или даже совсем недоброго. Если так, опирайся на свою праведность; а если нет, ищи другой опоры для своего спасения!

2) Другую часть, входящую в состав полной праведности, составляют добрые чувства и расположения, скрывающиеся под видимо совершаемыми делами. Это суть любовь, мир, терпение, кротость, милосердие, воздержание, смирение,

благоговение, отрешение от всего и прочее, и прочее. Добрые дела, видимо совершаемые, чтоб быть добрыми истинно и служить ко спасению, должны быть непременно выражением какого-либо из внутренних добрых чувств; так что, коль скоро в основе их нет доброго чувства, которым они должны быть воодушевлены, то они негодны и богопротивны. Так, например, благоговейное к Богу обращение ума и сердца есть доброе, богоугодное внутреннее настроение. Когда оно есть на душе, то требует неотложно и соответственных себе дел, которые и бывают, именно: домашняя молитва, долгие поклоны, хождение в храм Божий к службам, посещение святых мест, чествование икон, возжжение лампад и фимиама и прочее. Подобная же сумма видимых дел есть и для выражения каждого внутреннего чувства; например, для выражения милосердия есть семь дел телесного и семь дел душевного милосердия. Но всегда надобно помнить, что последние, то есть дела видимые, тогда только и имеют цену,

когда они служат выражением первых, то есть внутренних чувств. Так, все видимые дела благочестия: поклоны, молитвословия, хождение в храм и прочее, тогда только будут истинно добрыми делами, когда служат выражением внутреннего благочестия, или благоговейного к Богу обращения нашего ума и сердца, а без сего последнего они ничто. То же должно сказать и о всех делах милосердия, что они тогда только и суть истинно добры, когда служат выражением искренней ко всем братской любви во славу Божию, а не каким-нибудь приспособлением к другим, желанием выказаться или, как ныне часто говорят, желанием обнаружить гуманность; это — язычество в христианской одежде. То же надо сказать и о всех других внешних делах, — что истинная цена их определяется внутренним расположением... Ибо иначе можно, например, телом быть в храме, а душою — в блудилище, языком снисходительно извинять, а в сердце осуждать, положением тела показывать почтительность, а внутри

питать презрение, глазами не смотреть будто на лица, а в душе распалиться похотью и прочее, и прочее. Внешно все сии дела и хороши, но цена их пред Богом уничтожается чувствами, кои питают при совершении их в душе. И следовательно, на праведности можно основывать свое спасение только тогда, когда можно быть уверенными, что все чувства и расположения наши исправны и богоугодны — и притом не час или два, а всю жизнь и непрерывно. Итак, приди сюда, хотящий основать свое спасение на своем добром поведении, и скажи: не проскользало ли когда под видимыми добрыми делами твоими неправых чувств, оскверняющих их... Если не проскользало (но кто может сказать сие?), то успокойся на своей праведности; а если проскользало, как это всякий должен сознать, то смирись и ищи другой основы своему благонадежию во спасении.

3) Третью часть полной праведности составляет крепкая, как смерть, ревность о славе Божией, воодушевленная пла-

менною любовью к Богу и воодушевляющая все добрые чувства сердца и все добрые дела видимые.

Когда в сердце есть добрые расположения, можно бы, кажется, и успокоиваться на счет своей участи. Но вот что, братие, возьмите во внимание. Мы созданы Богом, созданы по образу и подобию Божию, созданы для того, чтоб славилось нами имя Божие во вселенной, или для того, чтоб всех себя всецело посвятили мы Богу... А между тем вот что может быть! Иной сердоболен и сердолюбие свое обнаруживает делами, но и помышления не имеет о Боге, при всех делах и чувствах сердобольных. Сердоболие такого не помянется пред Богом, ибо оно не от Него принято, как заповедь, и не Ему посвящено, как служение и жертва. Иной кроток и безгневен и сие расположение обнаруживает делами, не позволяя себе увлекаться чувствами раздора и мщения; но при сем он следует какому-то инстинктивному расположению к уступчивости, образуемому сознанием безсилія и робостию, а не

заповеди Господа, Который говорит: прости! *Мне отмщение – Аз воздам!* (Рим. 12, 19). Кротость такого не имеет цены пред Богом. Иной воздержен и крайне воздержен: мало спит, почти не ест и не пьет, редко видят его вне, он всегда дома и за делом; но не Богу посвящает он труды свои, а или корысти, или пустой славе человеческой. Воздержности и трудолюбия такого не признает Господь достойными награды. Так и во всем прочем! Недостаточно иметь добрые чувства и расположения (кои могут быть и естественные — прирожденные), надобно еще, чтоб они возглавлены были одним коренным расположением — ревностию о славе Божией, ею были проникнуты и служили ее выражением. Коль скоро сего нет, или нет в должной степени и мере, вся доброта наша ни во что вменится пред лицом Господа, Который скажет некогда: *ойдите от Мене, не вем вас!*.. (Мф. 7, 23; 25, 12). Не вем вас потому, что вы в продолжении жизни своей не давали

Мне знать о себе посвящением Мне ваших добрых чувств и дел!

Итак, прииди, чающий себе спасения от праведности, и скажи, всегда ли и в должной ли мере всегда была в тебе ревность о славе Божией и всегда ли она одна воодушевляла твои добрые чувства и дела? Если так (а это кто может сказать?), то успокоивайся на своей праведности, а если нет, ищи другого способа к оправданию себя пред Богом и другого основания спасению своему!

Итак, может, кто хочет, основывать надежду спасения своего и на праведности, только уж пусть сделает так, чтоб сия праведность была совершенная, полная и всесторонняя... то есть чтоб вся жизнь его была непрерывною цепью добрых дел, без перерыва и опущений, чтоб под сими делами скрывались всегда добрые чувства и расположения, которых они должны быть только видимыми выражениями, и чтоб все сии чувства и расположения были воодушевлены одною ревностию о славе Божией, или были жертвою Богу... Потому, у кого

есть все сие, тот приди, стань дерзновенно пред лицом Господа и скажи Ему, если смеешь и если позволит то совесть твоя: *несмь, яко же прочии человецы*. А если нет чего-нибудь, умолкни и не смей очес возвести на небо и отверзть уст своих, из глубины души взывая мытаревым гласом: *Боже, милостив буди мне — грешному*. Не заглядывайся на то, что есть сколько-нибудь добрые дела и добрые чувства и что иногда чувствуется припадок жаркой ревности по Богу. Бог требует не кое-чего, а всего, всей полноты праведности и доброты, и когда недостает каких-либо частей ее в человеке, то отвергает всего человека, как непотребного. Возьмете ли вы одежду от портного, когда в ней все есть и хорошо сделано, а недостает полы или рукава? Или когда столяр принесет вам стол, чисто обделанный, только без ноги или другой какой-нибудь части, скажете ли вы ему: хорошо, оставь? Так и в отношении к нам, не может Бог признать кого-либо праведным, если в нем недостает каких-либо частей праведности. Но если никто

не может похвалиться, чтоб он и дела все добрые делал неопустительно, и чувства все имел добрые, и ревностию Божию всегда воодушевлен был во всей силе, то пусть лучше и не помышляет основывать свое спасение на праведности, чтоб в час нужный не обмануться в сей надежде; пусть лучше забудет о сей праведности и, сколько б ни делал добра, пусть держит на сердце чувство непотребства своего пред Богом и ищет других способов к оправданию своему, образец коего представляет мытарь! Приди, припади и восплачься пред Господом, сотворившим нас, с верою в Господа нашего Иисуса Христа, Своею безценною кровию, пролитою на Кресте, омывающего все грехи наши и Своею безпредельною святостию восполняющего все недостатки наши. Ревнуй о добродетели, сна не давай очам, чтоб не пропустить случая к добру, не допустить недоброго чувства и не ослабнуть в ревности; но надежду спасения всю полагай в Господе, *Иже бысть нам... от Бога правда,*

и освящение, и избавление (1 Кор. 1, 30).
Аминь.

2

В НЕДЕЛЮ БЛУДНОГО СЫНА

В прошедшее воскресенье словом Евангельской притчи внушала нам Святая Церковь не полагаться на свою праведность. И мы видели, что и возможности никакой нет как-нибудь основать на ней надежду своего спасения. Ибо где нам так жить, чтоб вся жизнь наша представляла непрерывную цепь добрых дел, и притом так, чтоб под сими добрыми делами всегда были добрые чувства и расположения сердца, а далее — все сии чувства и расположения со всеми делами были воодушевляемы одною ревностию по славе Божией? Где нам так жить? А между тем все сие, и все сие только в совокупности, составляет полную праведность, так что, коль скоро недостает чего, праведность та же уже не праведность и не имеет силы отворить нам вход в Царство Небесное.

Но, с другой стороны, только праведные, чистые и святые могут наследовать Царствие Божие, потому что в него не войдет ничего нечистого. Так как же нам быть-то? Как неправедную жизнь свою сделать праведною? Чем оправдать неправды свои? Куда девать нам грехи свои и чем убелить нечистоты и скверны души нашей? Ибо, если при недостатке правды еще и сего недоищемся и не сделаем того, что следует по сему, нет нам надежды спасения! Погибли мы! У Бога правды — нет по блажки и нет на лица зренья: или будь прав, или ищи неложного оправдания пред лицом праведного и нелицеприятного Судии.

Увы! тесно нам от обою (тех и других. — *Ред.*)! и эту тесноту неизбежно проходит всякая душа, взыскивающая спасения! Не видя правды в себе, она поражается чувством гнева Божия и готова бывает пасть в отчаяние. Но, благодарение Господу, вот слышится ей утешительный глас к разбойнику с креста:

днесь со Мною будеши в раи! (Лк. 23, 43) и она оживает благонадежием... Ах, братие! если бы не было креста, не было бы никогда никакой отрады ни в какой душе; была бы одна скорбь и теснота и в сей жизни, и в будущей.

Слышали ли вы, братие, сердцем сей призыв от Господа: приидите ко Мне вси труждающиеся в чувствах нечаяния и обременные грехами, и Аз упокою вы: возьму вас под кров Свой, умирю, облегчу и насыщу душу вашу благонадежием!

Приидите же, все ищущие спасения! приидите, поклонимся и припадем ко Христу, из глубины души вопия к Нему: спаси ны, Сыне Божий, спаси ны! разве Тебе иного Спасителя не знаем!

Итак, вот прямой и незаблудный путь спасения, а не праведность! Поэтому Новый Завет так начинается: *покайтесь и веруйте во Евангелие* (Мк. 1, 15). *Покайтесь*: сознайте себя грешными, безответными пред Богом, и плачьте о том в горести души; *веруйте во Евангелие*: веруйте, что Господом на кресте пригвождены все

грехи наши и раздрано рукописание их и что всякий грешник, верующий в Него, получает прощение и объявляется правым пред лицом правды Божией.

Токи слез покаяния и сердечного сокрушения во грехах, растворяемые и умягчаемые верою в крестную смерть Господа, это — основа нашего оправдания и, следовательно, нашего спасения. Вот почему Иоанн Предчета, приготовляя народ к сретению Господа, говорил: *покайтесь...* Вот почему и Сам Господь начал проповедь Свою тем же словом: *покайтесь*, и потом, посылая Апостолов на проповедь еще при Себе, заповедал им всюду говорить: *покайтесь*. Вот почему и Святая Церковь, научая нас восхитить спасение в приближающийся пост, влагает такую песнь в уста каждому из нас: *покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче*. Она предложила уже нам притчу о мытаре и фарисее, чтоб научить, что спасение — в мытаревом биении в перси с воплем покаянным: *Боже, милостив буди мне грешному*, а не в самооправдательном

самоуверенности: *несмь, якоже прочии... хвалу Тебе воздаю* и прочее (Лк. 18, 10-14); и ныне предлагает притчу о блудном сыне, чтоб показать, что Отцу Небесному любезнее тот сын, который, обращаясь к Нему по согрешению, говорит: *несмь достоин нарещися сын Твой... нежели тот, который, думая, что никогда не нарушает воли Его, говорит: николиже заповеди Твоя преступил...* (Лк. 15, 11-32).

Приидите же, восплачемся пред Господом, сотворившим нас, Господом праведным, но готовым помиловать нас ради слез наших сокрушительных...

Не подумал бы кто, судя по образцам мытаря и блудного сына, что слезы покаяния нужны тем только, кои запутались в страсти безчестия и большие грехи, а не тем, кои уже перестали грешить и живут исправно! Нет, нет! Слезы покаяния всем необходимы, и без них никому на свете нет спасения; притом необходимы слезы непрестанные, а не так, что поплакал однажды, исповедался, и довольно... Он то же в жизни,

что поле или фон в цветистой материи. Как сие одноцветное поле служит основою цветов и наполняет пустые между ними промежутки, так и слезы покаяния служат основою праведности и восполняют недостатки правых дел в жизни нашей. Итак, нечего отговариваться! Плакать и плакать подобает!

Чтоб для вас яснее было, что такое слезы и как надобно плакать, приведу вам несколько случаев относительно сего из житий святых. Один святой муж, кажется Ефрем Сирианин, шел с учениками своими в город или селение и, проходя мимо кладбища, увидел одну вдову, которая проливала горькие слезы над могилою... и, как ни утешали ее родные, окружавшие ее, она слушать никого не хотела. Она все, кажется, забыла, ничего не видела и не слышала; одно горе поглощало ее сердце и душу. Миновав ее, старец, обратясь к ученикам своим, сказал им: "Как убивается вдова сия на могиле сей, так нам надобно убиваться плачем о душе своей,

которую мы уморили грехами своими и похоронили на чуждой ей земле мира и похотей плотских”. Сказав сие, старец зарыдал и рыдал всю дорогу, пока пришли к тому месту, где надобно было скрыть слезы свои.

И еще есть сказание об одном старце, который, оставя мир, удалился в пустынные места, но не строил себе келлии, а так переходил с места на место, как птица перелетная. Видал ли кто его вкушающим пищу, неведомо: но никто никогда не видал его без слез, рыданий и стенаний. Если случалось, что он, как горлица пустынная, приближался к какому городу или селению, то не входил внутрь, но садился вне, на каком-либо камне, и, преклонив голову к персям, вопиял со слезами: “О! о! о! увы! ой, горе! ой, беда! Что-то будет? что-то будет?” Случалось, что жители того места выходили к нему и из сострадания брались утешать его, но это еще более растравляло его горе и умножало плач и слезы. Предлагали ему и пищу, и одеж-

ду, и деньги, ничто не утешало, ничто его не занимало, и были слезы ему хлеб день и ночь. Иногда обращались к нему с речью, говоря: “О чем плачешь ты и какая беда постигла тебя? Скажи нам; может быть, мы по силе нашей поможем тебе и облегчим горькую участь твою”. Но старец от сих слов еще больше начинал плакать, закрывая лицо свое с тем же воем и воплем и не имея сил произнести ни одного членораздельного слова. И только после долгих докучаний, сквозь слезы и всхлипывания, произносил иногда: “Не знаю, поможете ли вы мне, но вот беда моя: господин мой вверил мне большое богатство, а я промотал его все на балы, театры, гулянья, на пиршества и роскошную, нечистую жизнь с блудницами. Теперь господин мой ищет меня и, нашедши, предаст суду и позорной казни. И делать, не знаю что?.. что-то будет?.. что-то будет?” — и опять предавался плачу, рыданию и воплям. Понятно вам, о чем это он плакал? Он плакал о грехах и боялся суда Владыки всех — Бога!..

Вот так восплачем, и, может быть, помилует нас Бог!

Не сказал бы кто при сем: “Вот все плач, стоны и слезы! Приятно ли Самому Господу такое ненатуральное состояние!” Да, так. Слезы только и приятны Господу и только с сокрушенным сердцем проходящих к Нему Он принимает милостиво и благосклонно. Относительно одной души, ищущей спасения, вот что показал Господь в сонном видении: виделось ей, будто она, в толпе других многих, находится на просторном дворе святой обители, среди коего стояла пре-
благоепная церковь. Все чего-то ожидали. Вдруг пронесся говор: “Идет, идет пастырь!..” Народ разступился, и все увидели грядущим Спасителя в пастушеском одеянии. Лице Его было необыкновенной красоты, и радушный взор Его разливал отраду везде, куда ни падал. Он прошел пространство между народом и церковию и стал у двери храма. Очи всех устремлены были на Него... Мановением руки и знаком очес

Он начал подзывать к Себе из толпы народа, кто Ему был нужен. Подзываемые облекались светом и, чем ближе подходили, тем становились светонеснее... Видно, что это были знаки особенной благодати и милости. Но, подзвав двух-трех, Спаситель остановился как бы в недоумении. Видевшая видение душа, не худая по жизни, не чуждавшаяся подвигов и трудов и творившая добро, какое могла, с самого появления Господа помечтала, что, верно, ради такой ее услуги Господу, или ради того, что она не то же, что прочие, Господь покажет ей какой-нибудь знак особенного Своего благоволения. Потому, когда Он перестал подзывать, ей представилось, что теперь за нею черед. Выступив из-за других, обратилась она к Господу: "Не меня ли, Господи?.." Но Господь и не взглянул на нее, а только взор его и движение головы выражали презрение и отвержение. Как стрелою, была поражена душа, видевшая сие, и пала с криком отчаяния. Окружавшие ее бросились было помогать ей, но она

отталкивала всех, крича только: “Я грешница... я погибшая... Господь отверг меня... а без Него как жить и где искать спасения!” Но Господь был уже близ, и стлавшая в горести душа едва восклонила главу свою, как узрела Господа, Который стоял над нею с простертыми объятиями, готовый поднять ее. Утешительное слово изошло из Божественных уст Его: “Вот как ко Мне приходить должно!” И тем видение кончилось.

Вот видите ли, как надобно приходить к Господу! Нечего тут умствовать! Такой путь моления учредил Сам Господь: сим путем и будем идти. Он пришел в мир грешников спасти: грешниками и будем приходить к Нему, только грешниками, плачущими о грехах своих с решимостию не повторять их более. Праведника нет ни одного на земле; все грешники и все оправдываются туне, благодатию Господа Иисуса Христа, ради веры в Него и слез раскаяния и сокрушения! Будем же плакать о грехах, да спасемся! Аминь.

В позапрошлом воскресеньи говорила нам мать наша — Святая Церковь: всячески ревнуйте о добродетельном житии, но не гордитесь добрыми делами своими; потому что вы не можете их наделать столько, чтоб на них можно было окончательно основать надежду своего спасения. Потому, не ослабевая в доброделании, не полагайтесь на свою праведность. В прошедшее воскресенье Святая Церковь говорила нам: чистые только и святые войдут в Царствие Божие... Как вы не представляете себя Господу чистыми в неуклонном исполнении Его заповедей, то поревнуйте очистить себя от всякого греха слезами покаяния. Плачьте о грехах своих: как плачут о мертвом, чтобы выплакать у Бога помилование.

Ныне же что она говорит? Ныне она живописует нам Страшный суд Божий и тем хочет послушных чад своих воодушевить на большие и большие труды,

а нерадивых и беспечных пробудить от усыпления. Первым она говорит: трудитесь и не ослабевайте в трудах своих; ибо, когда придет Господь и все святые Ангелы с Ним, тогда поставит Он вас одесную Себя и скажет вам: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34). И с той минуты вы начнете вкушать блаженство, для выражения которого нет слов на языке человеческом. Тогда забудете все труды свои и скорби. А вторым, то есть нерадивым, говорит ныне Святая Церковь: непрестанно внушаю вам, — живите, дети мои, как жить следует истинным христианам, а вы не слушаете... Приглашаю вас к покаянию, а вы уши свои затыкаете от зова моего; говорю вам: плачьте о грехах, а вы не только не плачете, но издеваетесь над плачущими, издеваетесь даже над самым уставом покаянным, как и над всеми порядками жизни христианской. Убойтесь! Прейдет образ мира сего, явится строгий Судия и поразит вас гневным отвержением Своим:

отыдите от Мене, проклятии, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его (Мф. 25, 41).

Вот нынешней урок! Ясен он и полон, при всей простоте своей и краткости. И мне ничего не остается прибавлять к тому, кроме одного: запечатлейте образ суда Божия в уме и сердце вашем и всегда носите его в себе, не отрывая от него внимания вашего. Сами увидите, каким воодушевлением и какою готовностью на всякого рода труды исполнится дух ваш, если вы хотя малое попечение имеете о спасении души своей! С другой стороны, какой страх и какое сокрушение изольются в сердца тех, кои не совсем исправны, страстям поблажаются и вольности предаются. Можно сказать, что, если б каким-нибудь образом можно было глубоко запечатлеть в душе людей сей образ суда Божия, то все в непродолжительном времени сделались бы исправными ревнителями добрых дел. Ибо положите, что верная пришла бы весть с неба, что вот завтра или послезавтра придет Господь! Стал ли бы

кто предаваться тогда утехам и забавам? Стал ли бы поблажать страстям своим и творить грехи?.. Стал ли бы еще отлагать покаяние и исправление свое?.. Разве безумный какой стал бы так делать, а все, не потерявшие смысла, бросились бы поспешнее делать все, что еще можно сделать в это короткое время. Как ученики, для которых настает экзамен, о том только и думают, как бы приготовиться к экзамену: иной не спит почти и не ест, а не то, чтоб позволил себе еще и об играх и шалостях подумать, — так было бы и с нами, если б память суда Божия никогда не выходила из головы нашей... Только и заботы было бы у нас, как бы неопустительно исполнить все требуемое Господом и тем угодными явиться Ему в час суда. Но то беда наша, что мы привыкли отдалять от себя сей час суда, привыкли или дали себе на то право. Думает всякий: сколько уж времени я живу, все слышу: вот суд! вот суд!.. и нет доселе суда. Может быть, еще не скоро. Отцы наши, деды и прадеды тоже ждали суда, но

вот еще и мы не видим его, спустя столько времени после них. Все сие так. Можно прибавить и еще более того: что вот уж 18 веков, как сказал Господь о суде и как ждут суда, и все нет его. Но что же из этого? Не было его доселе, но, может быть, не успеем мы выдти из храма сего, как придет Господь. Ибо то несомненно, что Он придет и что никто не может сказать определительно, когда Он придет. И вздоха не проведем, как Он явится. Ной говорил своим согражданам: перестаньте грешить, иначе — потопом потопит вас Господь. Может быть, в начале проповеди иной и остепенялся, но потом, как прошло десять, двадцать, сто и более лет, всякий давал себе право не верить так долго не сбывавшейся угрозе. Но неверие сие ведь не отдалило же события. Пришел же потоп и взял все... Может быть, за минуту до этого повторял проповедь свою Ной, и над ним смеялись, но все же исполнилось то, что положено Господом; иного, может быть, за смехом сим и потоп застал. Так и у нас есть немало людей,

кои отдаляют час суда; иные, может быть, и не верят тому; но все это не отстранит суда, и будет минута, когда исполнится положенное Господом, — исполнится, когда не чаем, захватив нас внезапно. Во дни Ноя, говорит Господь, ели, пили, женились, посягали, строились и торговали... Никто и не думал о потопе. Но потоп пришел внезапно и взял все... Вот и мы едим, пьем, веселимся и хлопочем о разных делах, — о суде Божиим и думать не думаем; но, может быть, он сейчас же придет и застанет нас, в чем есть. Ибо, как молния, показавшись на одном краю неба, в одно мгновение пробегает до другого и охватывает все небо, так будет внезапно и мгновенно явление Сына Человеческого.

А мы отдаляем от себя сие решительное время и отдаляем на неопределенную даль, так что и конца будто не видать, когда сие будет. Но вот что: отдаляйте суд Божий, на сколько хотите. Может быть, и в самом деле не скоро еще придет Господь судить живых

и мертвых; но какая же от этого нам льгота или поблажка?.. Все же Он придет и будет судить именно нас и судить без лицепрятия, по закону Евангелия, нами воспринятому. Все же наш долг быть истинными христианами от того нисколько не умаляется. Хоть сейчас, хоть чрез тысячу лет придется нам стать на суд, все же придется, и на суде том мы будем давать отчет в употреблении настоящих часов, дней и лет, действительных, а не будущих, воображаемых. Так не лучше ли нам всякий час держать себя так, как бы Господь сейчас имел явиться, или, лучше, так, как бы мы стояли уже на суде. О, если бы Господь дал нам в такое настроение привести ум свой! какая ревность о святости начала бы тогда снедать нас? Враг знает силу сего помышления и всячески выбивает его из головы нашей разными благовидными предположениями! Но, братие, умудримся противопоставить всем его козням одно простое разсуждение. Скажем ему: “Пусть не скоро суд, но ведь если можно отсюда извлекать

какую-либо поблажку, то это тем только, кои могут быть уверены, что час смерти их совпадает с часом суда отдаленного; нам же что из того? Вот ныне или завтра придет смерть и покончит все наше и запечатлеет собою участь нашу навсегда, ибо после смерти нет покаяния. В чем застанет нас смерть, в том предстанем мы и на суд. Застанет нас смерть нераскаянными грешниками, грешниками нераскаянными узрит нас и Судия праведный и осудит. Застанет нас смерть кающимися о грехах и ревнующими о добре, — такими признает нас и судящий Господь и помилует. Но когда придет смерть наша, никто того сказать нам не может. Может быть, еще минута, и всему конец... и пойдем мы к престолу Божию, и услышим от него приговор, которого уже никто переменить не может". Такое рассуждение противопоставим лукавому врагу, который мыслию об отдаленности суда Божия покушается затмить в уме нашем картину сего суда и тем расслабить ревность нашу. И в самом деле, что пользы за

горы отдалять время Страшного суда, когда смерть, не меньше его грозная и решительная, стоит у нас за плечами? Покоримся же, как дети послушные, спасительному внушению матери нашей — Церкви! Наполним память свою картиною суда Божия и не будем отрывать от него своего внимания! От суда веет не одним страхом и ужасом... Он может подать и обильное утешение. Ибо там будет сказано не одно: *отыдите... проклятии...* но и другое: *приидите, благословеннии,* и последнее прежде первого. Надобно только, помышляя о суде Божиим, так устроить жизнь свою, чтоб не попасть ошуюю, к козлицам, а одесную, к овцам. А для сего что нужно?.. Заповеди Божии исполнять со всею ревностию, а если в грехи какие впадем, каяться о том и плакать, постоянно уговаривая душу свою такими песнями церковными:

“Живущи на земли, душе моя, покайся: персть во гробе не поет, прегрешений не избавляет. Возопий Христу Богу: Сердцеведче, согреших, прежде даже не осудиши мя, помилуй мя.

Доколе, душе моя, пребываеши в прегрешениях? Доколе приемлещи покаяния преложение? Приими во уме суд грядущий и возопий Господу: Сердце ведче, согреших, прежде даже не осудиши мя, помилуй мя!” (тропари по 3-й кафисме).

“Душе, покайся прежде исхода твоего, суд неумытен грешным есть и нестерпимый. Возопий Господу во умилении сердца: согреших Ти в ведении и не в ведении, Щедрый, молитвами Богородицы ущедри и спаси мя” (тропарь по 4-й кафисме). Аминь.

4

В НЕДЕЛЮ СЫРОПУСТНУЮ

Зынешний день Святая Церковь посвящает воспоминанию падения прародителей наших, и вы слышали, какие жалобные сетования влагает она в уста изгнанных из рая и сидевших прямо против него праотцев наших! Так живо было тогда чувство потери: рай был в виду и из него, может быть, доносились

благоухания цветов и деревьев, напоминавших о блаженной жизни, которую так недавно вкушали они в невинности. Нельзя было не сетовать праотцам нашим.

Но то было сетование не Адама и Евы; но сетовала природа человеческая падшая! Все силы души и все части тела издавали плач. Прародители передавали его только словом сетовавшей вместе с ними твари и будущему потомству. С той минуты сетование, плач и грусть сроднились с природою человеческою и стали составлять основной тон наших сердечных чувств и расположений. И кто из потомков первозданного, наследников падшей природы человеческой, не засвидетельствует сего собственным опытом?

В самом деле, мы любим повеселиться, но что значит, что после самого полного веселия душа погружается в грусть, забывая о всех утехах, от которых пред тем не помнила себя? Не то ли, что из глубины существа нашего дается знать душе, как ничтожны все эти увеселения

сравнительно с тем блаженством, которое потеряно с потерей рая. Мы готовы радоваться с радующимися, но, как бы ни были разнообразны и велики предметы радостей человеческих, они не оставляют в нас глубокого следа и скоро забываются. Но, если увидим мать, плачущую над умершим сыном, единственною своею опорою, или жену, раздирающуюся над могилою любимого мужа, скорбь глубоко прорезывает душу нашу, и слово и образ сетующих неизгладимыми остаются в памяти нашей. Не значит ли и это, что скорбь ближе и сроднее нам, нежели радость? Вы слушаете пение или музыку; приятно, конечно; отзываются в душе веселые тона, но они скользят только на поверхности ее, не оставляя заметного в ней следа, между тем как тоны грустные погружают душу в себя и надолго остаются ей памятными. Спросите путешественника, и он скажет вам, что из множества виденного выдаются из-за других у него в голове преимущественно такие предметы и

места, которые погружали его в грустную задумчивость.

Этих примеров достаточно, кажется, в пояснение той мысли, что основное чувство нашего сердца есть грусть. Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае, и, как бы мы ни покушались заглушить плач сей, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим веселостям, и понятно говорит человеку: перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял: поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное?..

Один язычник подслушал сей плач души человеческой и вот в какое иносказание облек он свою о том мысль! Какой-то мудрец старых лет ходил в уединенном месте, погруженный в размышление о судьбах человечества. Из сей задумчивости он выведен был вопросом: "Ты, верно, видел его? скажи, куда пошел он; я устремлюсь вслед его и, может быть, настигну его". Обратившись, мудрец увидел девицу. На ней была одежда царских дочерей, но изношенная и

изорванная. Лицо ее было мрачно и загорело, но черты его показывали бывшую некогда высокую красоту. Осмотрев странницу, мудрец спросил ее: “Что тебе нужно?” Она опять повторила: “Ты, верно, знаешь его, скажи, где и как мне найти его?” “Но о чем это говоришь ты?” — сказал мудрец. “Ты разве не знаешь об этом?” — отвечала дева. — Ох-ма! А я думаю, что нет человека, который бы не знал о горе моем”. Мудрец с участием спросил ее: “Скажи, в чем горе твое, и, может быть, я придумаю, как пособить тебе”. “Подумай и пособи, — отвечала она. — Вот что я скажу тебе. Я была в стране светлой, исполненной радости. Мне было там хорошо, как хорошо! Готовился брак... Жених мой, не помню черт лица его, был неописанной красоты... Уж все почти я забыла... но помню, что все уже было готово к браку... как вот кто-то пришел и говорил мне такие сладкие речи... Потом дал мне что-то выпить. Я выпила и тотчас впала в безпамятство или заснула. Проснувшись, — ах, лучше

бы мне не просыпаться никогда! — проснувшись, я нашла себя на этой земле, мрачной и душной. Где девалось то мое светлое жилище? Где мой жених и его радостные очи, я того не знала. На первых порах я только бегала в безпамятстве туда и сюда, рвала на себе волосы и била себя в перси от сильной муки, томившей душу мою. Успокоившись немного, я решила искать потерянное... И вот сколько уже времени хожу по земле и не нахожу того, егоже возлюби душа моя. Днем спрашиваю солнце, а ночью луну и звезды, каждые сутки обходя кругом землю: не видали ль вы где того, кого ищет душа моя? и они не дают мне ответа... Есть ли горы, где бы не слышался голос мой? есть ли леса, где бы не раздавался вопль мой? есть ли долины, которых бы не истоптала нога моя? Но вот сколько уже времени блуждаю, ища потерянного, и не нахожу. Но скажи, не знаешь ли и не слышал ли ты, где то, о чем так тужит душа моя!” Мудрец подумал немного и сказал: “Если б ты назвала мне имя

жениха твоего и имя царства его и страны, где было светлое жилище твое, я указал бы тебе туда дорогу, а по тому, как ты говоришь, никто не может поруководить тебя! Разве не сжалится ли над тобою жених твой и не пошлет ли кого указать тебе дорогу в потерянное тобою блаженное жилище, или не придет ли сам за тобою!” Сказав сие, мудрец отвернулся, а дева пошла далее снова искать необретаемого.

Понятно, что значит это иносказание! Оно изображает душу, сетующую о потере рая и общения с Богом, ищущую его и не находящую. Такова и всякая душа, таковы и наши души по естеству! Разница в чем? В том, что языческая душа только искала и искала, но не находила искомого, и язычник не мог далее идти! Разум встречается с ясными признаками — указателями падения и потери рая, но не умеет найти способа к восстановлению падшего и возвращению потерянного. Мы же, братие, не сыны ночи и тьмы, но сыны света и дня. У нас не может быть о том никакого

недоумения. Мы знаем, что Господь и Спаситель Сам приходил на землю разыскать и спасти погибшего; Сам всех призывает к Себе: *приидите ко Мне...* и *Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Вы потеряли царство.. Вот оно приблизилось! Покайтесь и веруйте во Евангелие, и Я возьму вас к Себе, и будете со Мною в раю, в обителях Отца Моего веселиться и вечеряти. Так, братие, брак снова уготован. Господь Сам предлагает Себя в Жениха кающейся душе, для чего послал в мир невестоводителей, сначала Апостолов, а потом преемников их, чтоб они обручали Ему души человеческие, сетующие о потере тесного общения с Ним, представляя Ему их, посредством освячительных действий Церкви, девами чистыми, неимущими скверны или порока, или нечто от таких.

Благодарение Господу! Вот и нас призвали ко браку! Вот и мы уже в невестнице Христовой, в Святой Церкви! Вот и наши души получили знак уневещения — обручения Святаго Духа в Святых Таинствах, как бы обручальное

кольцо! Что еще остается? Остается ожидать, когда отворится дверь, изыдет Жених и позовет нас к Себе, в вечные обители. Тогда возрадуется сердце наше, и радости нашей никто уже не возьмет от нас. О, даруй, Господи!

Но, братие, вам ведомы условия, на которых все сие — обещаемое — будет действительно нам даровано! Будет возвращен нам рай и брачное общение с Господом, если явимся чистыми и непорочными пред Ним, когда предстанем Ему по исходе от жития сего. Мы уже очищены в крещении и сколько раз очищали себя в покаянии. Но посмотрим на себя поближе: нет ли в нас еще каких пятен, обезображивающих лицо или одежды наши, и поспешим снова омыть их слезами покаяния. *Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения!* Настают дни очищения! Воспользуемся сим благоприятным временем! Много бо согрешаем все. Если не у всякого есть смертные грехи, но все же есть грехи. Запылившийся в дороге хоть не то же, что упавший в грязь, но все же ему нельзя оста-

ваться так. Надо и лицо умыть и платье вычистить. Так и тем, кои идут путем жизни сей многособлазнительной, нельзя не запятнаться хотя чем-нибудь. Что бы это ни было и как бы малозначительным ни представлялось, нельзя того оставить на себе, — надо очистить. Ибо Господь говорит, что в Царствие Его не войдет ничто нечистое. Когда — ничто нечистое, значит, не только большая, но и малая нечистота преградит нам путь в Царствие Божие...

Имея сие в виду, поревнуем очистить себя от всякия скверны плоти и духа в приближающиеся дни, чтоб не лишиться нам навсегда так благостынно возвращаемого нам блаженного жилища. Аминь.

5

В СРЕДУ ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ ПОСТА

Вот уже протекли мы половину поприща говения! Еще несколько, и приступим к Таинству покаяния, чтоб, очистившись, как должно, сподобиться

причащения святых, пречистых и животворящих Христовых Таин, во исцеление души и тела, а не в суд или осуждение. Господь да сподобит нас сего великого дара Его благодати! И сподобит, если не помешаем Ему сподобить. Ибо Он желанием — желает всем приобщиться и всех приобщить Себе; если сего не бывает, то причиною тому мы сами.

И вот о чем больше всего надобно нам позаботиться в остальное еще время: устранить причины, могущие воспрепятствовать любообщительному Господу приобщиться нам, ибо в этом существе причащения! Что же может воспрепятствовать сему? — главным образом — одно: нечистота сердца. Ибо как войти Чистейшему в храмину сердца, когда сия храмина не чиста? Очистим же ее!

Конечно, лучше бы всего содержать ее чистою и потому всегда быть готовым принимать Господа, или, лучше, быть способными всегда носить Его в себе. Но если мы не так счастливы в сем отношении, если, не остерегшись, пали в

грехи, запутались в страсти и осквернили тем внутреннюю храмину свою, поспешим омыть ее в предлежащей нам бане покаяния. Когда Господь требует чистоты и святости, то требует непрерывной святости не непременно; а очищения грехов в покаянии и исповедании требует непременно. Мешают грехи общению с нами Господа, но не грехи соделанные, а грехи, по соделании их, оставленные неоплаканными и неисповеданными. О! даруй нам, Господи, обилие слез сокрушения и откровенного, без жаления себя, исповедания грехов!

Но, братие, понудимся немного и сами умягчить свое сердце! В прошедшие дни мы уже довольно подготовили себя к тому. Пост смирил несколько плоть и облегчил душу; домашнее уединение и хождение в храмы отреяли дым и чад мирской суеты; слушание поемого и читаемого в храме и домашнее молитвословие, с чтением, кто может, спасительных книг, заместили уже много недобрых представлений помышлениями благими. Все сие нужно. Продолжая

и далее неопустительно поступать таким образом, приложим еще один труд, или прием, исключительно направленный к тому, чтоб сокрушить окаменелое сердце свое.

В руках естествоиспытателей есть один прибор, состоящий из вогнутой большой тарелки, которая, принимая лучи теплоты, собирает их в одну точку и зажигает там вещество, какое будет подставлено. Вот подобное нечто можно сделать и над сердцем. Соберем на своде ума нашего все поразительные истины, какие представляет нам святая вера, и наведем их на сердце. Теснимое и проникаемое ими со всех сторон, оно, может быть, уступит силе их, умягчится, согреется, расплавится и породит пары воздыханий, и загорится жгучим огнем сокрушения.

Не считаю ненужным перечислить сии истины: вы их знаете. Например, вот что: грехом любовь безпредельная Творца и Промыслителя оскорблена, обеты крещения нарушены; второе: распят Господь и Спаситель наш (то есть

когда грешили, мы продавали Его, подобно Иуде, заушали, оплевали, ругались над Ним и наконец распяли), чрез грех потеряны все высокие преимущества христианские и — не только христианские, но и человеческие, и человек уподобился скоту. К тому еще: ныне — завтра смерть, далее суд, которого, не покаившись, нет возможности переменить. Еще: может быть, мы, как бесплодная смоковница, оставлены только на это время покаяния, в надежде, что принесем плод слез, и если сего не будет, то посечены будем. Сии и подобные поразительные мысли собирайте в душе и бейте ими свое сердце... Особенно делайте сие во время молитвы. Труд без саможаления с молитвою верно увенчается успехом! Одного только не забудьте: не верьте своему сердцу!.. Оно лукаво и есть первый нам изменник. Его надо взять в руки и без жалости жать и бить, как жмут и колотят белье, которое моют; надо бить сие сердце за то, что оно, как жадная губка, впивало в себя всякую встречавшуюся нечистоту,

и жать для того, чтоб выжать сию нечистоту.

Когда же умягчится сердце, тогда легко им совладеть: тогда оно готово бывает на все и гибко, подобно шелковой материи. Тогда, что ни скажи, оно все сделает. Скажи ему: плачь, — заплачет; скажи: исповедуй грехи, — исповедует; скажи ему: перестань грешить, — и ответит: перестану, перестану. Тогда останется только одно еще дело сделать над ним: навесь на него зеркало слова Божия, или Божественных заповедей, и заставить его смотреться в нем. Тогда оно отразится в сем зеркале со всеми своими пятнами, морщинами и ранами, то есть со всеми грехами, и большими, и малыми; тут увидит оно и гордость и спесь, блуд и тщеславие, щегольство и сластолюбие, обиды, гнев, зависть и прочее... вообще все, чем чье сердце грешно пред Господом. Спросите его тогда: ты ли это? и оно охотно ответит: да, это я... несчастное; а в другое время оно спрячется, или укажет на другого. Говорите ему: во всем этом ты виновно?

Оно ответит: да, я виновно и само добровольно все сие наделало... а в другое время оно сего не скажет. Говорите ему: ты безответно: да, безответно; а в другое время оно наговорит бездну оправданий и извинений. Прибавьте ему наконец: припади же к стопам милосердия Божия и умоляй Его о помиловании... плачь и сокрушайся, исповедуй все грехи свои и положи твердое намерение не поблажать более страстям своим, не грешить и не оскорблять тем Господа своего! И все сие оно совершит, как послушное дитя. А в другое время ему хоть и не говори!

Вот как дорого умягчение и сокрушение сердца!.. Оно одно заменяет все правила и все руководства. Обыкновенно много пишется правил, как готовиться к покаянию и как производить его... Но я скажу вам одно: умягчите свое сердце и сокрушите его, и оно тогда само научит вас всему! Как бедный, находящийся в тесноте, является изобретательным к облегчению своей участи или выполнению помощи, — таковым

явится и сердце сокрушенное... Ибо оно тогда будет в тесноте, как пойманный и уличенный преступник. Как начнет оно тогда хлопотать о том, как бы облегчить скорбь свою и избежать близкой опасности! Как радостно ухватится тогда оно за способы, предлагаемые Церковью, такие способы, к коим без того надобно бывает привлекать его ужем (веревкой. — *Ред.*), как ленивого раба, и ухватится за них тем радостнее, что способы сии так немногосложны: переузнай грехи свои все, то есть все грешные дела, слова, мысли, чувства и расположения, и поди — исповедай их духовному отцу своему! И будешь непорочен, и выйдешь из бани покаяния чист, как волна, и бел, как снег. Вот и все! Видите, как немного! А каков плод? Таков, что его и описать нельзя; ибо того, кто так поступает, Господь не сочтет уже недостойным вселения Своего, но сотворит с ним по обещанию Своему: к нему придем и обитель у него сотворим с Отцем и Святым Духом чрез приобщение Крови Моей и Плоти. А тогда — вот и

Царствие! Вот и все, чего так ищем и чего с таким потом добиваемся!

Сотворим же так, братие! Поспешим так устроиться ко времени причащения Святых Таин, чтоб чрез то сподобиться быть едино с Господом. О, Господи, помоги нам! О, Господи, благопоспеши нам! Аминь.

6

В ПЯТОК ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ ПОСТА

Когда в каком-нибудь городе ожидается прибытие царя, то жители его всячески заботятся о том, чтоб приготовиться к достойному принятию его: выравнивают дороги, исправляют улицы и дома, особенную же заботу прилагают о том, чтоб убрать прилично царскому лицу дом, назначенный для помещения государя. Потом, когда уже все готовят, то ко времени, назначенному для прибытия его, выходят в сретение ему. Тут если и говорят, то только о желанном высоком посетителе! Когда же наконец пронесется весть: едет! — все

погружаются в глубокое молчание, только очи свои устремляют туда, откуда ожидается прибытие его.

Вот точно то же и у нас теперь. Святая Церковь давно уже возвестила нам: грядет Господь, грядет ко всем, хотящим принять Его. Вступив во святую сороквосьмидесятницу, мы начали готовиться ко сретению Его в несомненной уверенности, что Он придет к нам в Святом Таинстве Тела и Крови Своей и вселится в нас чрез причащение. Для сего оставили житейские дела, говели, ходили в храмы, уединялись, молились, читали и слушали читаемое. Потом мы должны были, пересмотрев всю свою жизнь, сделать стропотное правым и острое гладким — исповеданием и обетом не портить более пути своего; должны были поставить в должный чин все отправления и нужды тела, эти улицы, где будет проходить Господь; паче же всего позаботиться о том, чтоб убрать храмину сердца возбуждением в нем добрых чувств и расположений, чтоб, пришедши, Господь успокоился в нем и

Своим покоем упокоил нас с облаженствованием. Сделано ли все сие, братие, как следует? Если так, то мы совершенно готовы встретить Господа. И он обрадуется нам... и мы будем обрадованы Им. Теперь же что? — Теперь выходите в сретение Его.

Еще несколько, и Господь придет! Будем ждать Его в глубоком молчании, как ждут помянутые граждане государя! Пусть умолкнут у нас все чувства и око ума невозмутимо да зрит туда, откуда чает встретить Желаемого, углубляясь в Таинство Тела и Крови. Случалось ли вам в полночь сидеть в уединенной комнате? Вы, верно, ощущали, как в ту пору на все кладется печать молчания, и по всему миру проходит какая-то величественная тишина, делающая заметным самое легкое движение. Вот в такое состояние поставим и мы себя с сей поры, в чаянии наития на нас пришествия Господа, и в свое время Он снидет на нас, *как дождь на руно и как капля, капающая на землю* (ср.: Пс. 71, 6). Мудрые девы в полночь сретили Господа и введены были

Им в брачный чертог. Полночное молчание устроим и мы в душе и сретим так Господа! Израиль, после трехдневного приготовления приведенный Моисеем к подножию Синая, в неподвижном молчании, в страхе и трепете ждал Бога, имевшего явиться ему на горе и говорить к нему: так устроимся внутренно и мы и благоговейно будем ждать не страшного в громах и молнии явления Бога, но явления Господа, обилие милостей нам приносящего.

Скажет кто: как в глубоком молчании? Ужели без всяких чувств? Нет, не без всяких чувств, а только без движений суетливых и бурных, с тихим чувством умиления, растворяемого радостною надеждою истинного вкушения Господа. Но — приходит великий Господь. Как не страшиться и не трепетать! Да со страхом и трепетом исходите во сретение Ему, но не с таким, который мучит и заставляет бежать и укрываться, а с таким, с каким Херувимы и Серафимы предстоят страшному престолу Божию, пия от него блаженство, несмотря на

всю пристрашность. Но те безплотны и чисты, а мы с плотию и исполнены грехов! С грехами нельзя приступать к Господу, и не приступайте. Бог есть огонь поядаяй и пояст, как Дафана и Авирона, всякого, кто придет к Нему во грехах. Только идут ли к вам сии опасения? Если вы сознали все грехи свои, поболели и сокрушились о них, исповедали их духовному отцу и положили твердое намерение не грешить более,— веруйте, что, в час разрешения священнического, совершенно изглажены все грехи ваши, вы объявлены невинными и облечены в царскую одежду оправдания, в которой дерзновенно можете приступить к брачному пиру Сына Царева. Если точно вы приготовились, как следует, то не оскорбляйте пустою страшливостию Господа, грядущего к вам с обилием милостей. Полные благоговейной любви очи устремите на Него и так исчезайте в Нем теплым возношением к Нему сердца своего, пока придет и вселится в вас.

Так, братие, еще мало — елико, елико Грядый придет и не закоснит*. Верою и любовью приступим, да причастицы жизни вечныя будем; верою и любовью сретим Его и отверзем Ему двери сердца, да внидет Он и вечеряет с нами. Отселе же позаботимся учредить и самую вечерю. На сию вечерю Он Сам Себя принесет, а мы что? — А мы принесем хлеб и соль. Соль — плач и сокрушение о грехах прошедших; хлеб — твердую решимость не грешить более. Вот то, что больше всего Он жаждет вкусить в нас, когда мы причащаемся Его. Это — и должное сретение Его, и покойное ложе, на коем упокоится Он, насытившись нами и нас насытив Собою!

Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа да даст вам, по богатству славы Своей, силою утвердиться духом Его во внутреннем человеке, вселиться Христу верою в сердца ваша, чрез причащение Святых Его Таин. Аминь.

---

* Скоро, скоро Грядущий придет и не замедлит.— *Ред.*

Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Благодарим Тя, Господи Боже наш, яко не отринул еси нас грешных, но общники быти святынь Твоих сподобил еси! Благодарим Тя, яко и нам недостойным причаститься пречистых Твоих и небесных Таин даровал еси! Буди же нам по глаголу Твоему, Господи: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56).

Так, братие, теперь время не собеседования и поучений, а славословия и благодарения! К единому Господу, вас посетившему, да будет обращение ваше. Имеете теперь в себе самих — всех наставников единого Наставника... Ему внимайте! **Внимайте** тому, что будет говорить вам Он в тайне существа вашего, сокровенно, но тем не менее действительно. Не членораздельною речью Он будет беседовать с душою вашею, а так — прямо в сердце напечатлест нужные для жизни вашей внушения. Крепче храните

только тишину внутри, изострите ухо сердца вашего, приложите его к устам Его и внимайте.

Всякому подает Он свое благопотребное: кому мир душевных сил, кому просвещение очей сердца, кому исцеление ран душевных, кому возбуждение ревности на добро, кому готовность на подвиги и самоотвержение, кому убеждение в истине, — всякому свое. Но, чем больше кто окажет внимания и готовности к деятельному послушанию, тем больше получит уроков, таких уроков, кои не памяти предаются, а печатлеются на существе. Не лишите же сами себя сего блага! Не мешайте Господу действовать в духе вашем: заключите их одних в храмине сердца. Пусть останутся вдвоем. Как в притче жених, введши внутрь брачного чертога мудрых дев, заключил двери, и никто уже из внешних не мог нарушать их взаимного общения, — так и вы, прияв в себя Господа, затворите все входы и исходы, заключитесь и сами с Ним внутри и отстраните всякое внешнее развлечение.

Мы были больны, в большей или меньшей степени; теперь приняли Врача и вседейственное врачевство. Дадим врачевству сему вполне воздействовать в нас и, член за членом, проникнуть весь состав существа нашего, пройти во все уды, во утробу, в сердце, душу очистить, освятить помышления, составы утвердить с костями вкупе, чувств просветить простую пятерицу и показать нас селением единого Духа, а не селением уже греха, показать домом Бога, от которого да бежит всяк злодей и всяка страсть. Вот сколько надобно еще произвесть Врачу! не будем же мешать Ему! Говорят, что сон больного благоприятствует действию врачевства. Успокоимся же, как бы уснем для всего внешнего, чтоб дать свободу принятому Врачу и врачевству действовать безпрепятственно в нас всею Своею силою.

И время ли теперь заниматься чем-нибудь посторонним? Дайте душе нарадоваться Господом и Господу — душою. Давно они не видали друг друга. Грехи разлучали их! О! если б никогда не

повторялись грехи сии! Как тому, кто с дороги, дорог покой, так дорого упокоение Господу теперь в душах наших. Он утомлен исканием нас и исканием входа к нам. Грехами своими, страстями и мирскими обычаями мы изгнали Его. Вот все время Он искал нас, то, как потерянную драхму, то, как овцу погибшую, и не находил, потому что мы всячески ухищрялись укрываться от Него. Бывало, что Он и захватывал нас где-нибудь, становился у дверей сердца и толкал, чтоб отворили, но мы не отворяли: толкал словами истины, и мы не внимали им; толкал тревогами совести, и мы заглушали их; толкал внешними скорбями, но и то не образумило нас. Наконец вот настало благоприятное время поста. Мы немножко остепенились, потрудились в подвигах молитвы и воздержания пришли в себя, отверзли Ему сердце свое исповеданием и сокрушением, и Он вошел в нас в святом причащении. Дадим же Ему насладиться душою нашею! Не возмутим покоя Его

скорым возобновлением суетностей и тем паче — страстных дел и обычаев...

Сколько раз уже мы изгоняли Его!.. Потерпим Его в себе хоть теперь. Правда, милостив Господь! Верно, снова будет искать входа к нам и снова внидет. Но что, если нынешнее Его снисхождение к нам есть последний предел Его долготерпения!.. Что, если, будучи и после сего вынужден отыти от нас, Он произнесет окончательный приговор: *Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Лк. 13, 35)! Редко бывает сие, но бывает. Почему знать, не сбудется ли сие над нами, если снова допустим себя — оскорбить Его любовью к нам горящее сердце! Тогда что? тогда семь лютейших бесов внидут и будут витать в нас, муча и терзая. Ах, убоимся сего, братие!

Но страх сей поставим при дверях сердца нашего, как стража и охранителя внешнего, внутри же всюю любовью обымем Господа и в сем сладостном общении пребудем с Ним до гроба, храня твердо положенный ныне с Ним завет и обеты, данные на исповеди: грешен не

буду, грешен не буду, и, ходя таким образом, как бы теперь только вышли из купели, в обновлении жизни. Аминь.

ОБ ИСПРАВЛЕНИИ СЕРДЦА

Сыны падшего — зачатые в беззаконии и вышедшие на свет с растленной природою, — мы в святой купели крещения возрождаемся в святую жизнь и в Таинстве миропомазания получаем силу Святаго Духа для святой жизни. Потому, если никто не может похвалиться непорочностию и безгрешностию, а между тем, без насилия совести, не может отказаться от святого долга представить себя Богу святым: то что другое всякий должен возбудить и согреть в сердце, как не воодушевленную решимость к самоисправлению, как не божественную ревность об очищении сердца своего от всего богопротивного? Но воспитание в себе всего святого так трудно и многосложно, путь к добру пролегает среди такого множества сокровенных распутий, что приступающему к благому

подвигу самоисправления непременно должно начертать предварительно в мысли, что и как исправлять, носить сие начертание постоянно в уме и сердце, чтобы с ним, как с верным путеводителем, безпреткновеннее и надежнее привести к концу начатое дело.

1. Итак, что нам исправлять в себе?

Почти все, что есть в нас. Грех любит полновластие. Если он в любви у нашего сердца, то уже овладевает им всем, и всего человека покрывает своею зловредною силою. Для грешного и человека и человечества надпись одна: *от ног даже до головы несть целости* (Ис. 1, 6). В этом каждый легко убедится, если приникнет (пристально всмотрится. — *Ред.*) внутрь грешного сердца. Там увидит он коренное семя зла, увидит основные возбуждения греха, равно как и то, в чем он обнаруживается.

Семя всего нравственного зла — самолюбие. Оно лежит на самом дне сердца. Человек по назначению своему должен бы забывать себя в своей жизни и деятельности, — должен бы жить толь-

ко для Бога и людей. Освящая свою деятельность возношением ее, как благодарственной жертвы, к Богу Спасителю, он должен бы всю ее простирать на пользу ближних и на них же изливать все, чтобы ни получил от Щедродавца — Бога. Одно здесь не бывает без другого: нельзя любить Бога, не любя ближних, и нельзя любить ближних, не любя Бога, — равно как, любя Бога и ближних, нельзя не жертвовать собою славе Божией и благу ближних. Но когда человек мыслию, сердцем и желанием отворачивается от Бога, а вследствие того и от ближних; то естественно останавливается на одном себе, — себя поставляет средоточием, к которому направляет все, не щадя ни Божественных уставов, ни блага ближних.

Вот корень греха! Вот семя всего нравственного зла! Глубоко кроется оно во внутренности сердца. Но, разрастаясь и подаваясь ближе к поверхности сердца, семя сие выходит из него уже в трех видах, как бы в трех стволах, проникнутых его силою, преисполненных

его жизнь: в самовозношении, своекорыстии и любви к наслаждениям. Первое заставляет человека говорить в сердце своем: кто как я; второе: всем хочу завладеть; третье: хочу жить в свое удовольствие.

Кто как я! — Какая душа не ощущала в себе подобного движения? Не те только, кои от природы одарены высокими совершенствами или своими трудами успели сделать что-нибудь важное и общепольное, могут мысленно возноситься над другими. Самовозношение проходит по всем возрастам, званиям и состояниям; следит за человеком чрез все умственные и нравственные степени усовершеншения; оно не подчиняется никаким внешним отношениям, и хотя бы человек жил один, в безвестности и отдалении от всех, он всегда и везде несвободен от искушения — превозношения. С тех пор, как он к сердцу принял первую лесть змия: *будете яко бози* (Быт. 3, 5), с тех пор он начал возвышать себя над всеми, как Бог, — начал ставить себя выше той черты, на которой по-

ставлен природою и обществом — это общая болезнь всех и каждого. Кажется, что опасного полюбоваться мыслью, что я выше того, другого, третьего? А между тем, смотрите, сколько зла и сколько темных порождений проистекает из сей незначительной, по-нашему, мысли! Мыслью и сердцем возносящий себя над всеми, если предпринимает что, предпринимает не по гласу разума и совести, не по советам мудрых и внушению слова Божия, а по своим соображениям, предпринимает потому, что этого ему хочется: он своеволен; если приводит в исполнение предпринятое, — всего ожидает от одного себя: он самоуверен, самонадеян; когда исполнит, все относит к себе и оттого бывает высокомерен, горд, притязателен, неблагодарен; поставляя себя в отношении к другим, желает, чтобы везде и во всем исполнялась его воля, чтобы все двигалось по его мановению: он властолюбив и склонен к насилию; поставляя других в отношении к себе, не может терпеть их влияния, в каком бы скромном виде оно ни

являлось: он презрителен и непокорлив; встречая нарушение своей воли, выходит из себя, обиженный, воспаляется местью; он жаждет чести и славы, когда обладает сильным характером; лицемерен и тщеславен, когда слаб душою, дерзок, своенравен, спесив, склонен к пересудам, когда низок. Вот в каких видах является самовозношение, вот сколько греховных движений одолжены ему своим происхождением! — Едва ли кто может не избличить себя в том или другом.

Хочу, чтобы все было мое, замышляет своекорыстный — и вот вторая отрасль коренного нравственного зла. Заметнее всего раскрывается в ней дух самолюбия. Оно, как бы **само лично**, действует здесь: своекорыстный не скажет слова, не сделает шага и движения без того, чтобы отсюда не вытекла для него какая-нибудь выгода. Так все у него рассчитано, так все упорядочено, всему дан такой ход, что и время, и место, и вещи, и лица — все, к чему прикасается его рука и мысль, — несет в его сокровищ-

ницу сродную себе дань. Личная польза, интерес — это коренная пружина везде и всегда приводящая в быстрое движение все его существо, и по ее возбуждению он готов все обратить в средство для своих целей: будет искать высших степеней достоинства и чести, если это выгодно, возьмет самую трудную должность, если она прибыльнее других, — решится на все труды, не будет ни есть, ни пить, лишь бы соблюдалась его польза. Он или корыстолюбив, или любостыжателен, или скуп, и только под сильным влиянием тщеславия может любить великолепие и пышность. Его собственность дороже ему самого себя, дороже людей и Божественных постановлений. Душа его как бы поглощается вещами и живет даже не собою, а ими. Вот сила и область второй отрасли злого семени — самолюбия! И у кого нет каких-нибудь вещей, с которыми разстаться столь же больно, как потерять самое сердце, — разстаться с счастьем?

Хочу жить в свое удовольствие, говорит порабощенный плоти, — и живет в

свое удовольствие. Душа погрязает у него в теле и чувствах. О небе, о духовных нуждах, о требованиях совести и долга он не помышляет, не хочет и даже не может помышлять (см.: Рим. 8, 7). Он изведal только разные роды наслаждений; с ними только и умеет обходиться, говорить об них и рассуждать. Сколько благ на земле, сколько потребностей в его теле, столько полных удовольствиями областей для преданного чувственности, и для каждой из них образуется в нем особенная склонность. Отсюда — лакомство, многоядение, изнеженность, щегольство, лень, распутство — склонности, сила которых равняется силе закона природы, стесняющего свободу. Станет ли он услаждать вкус — делается сластолюбивым; игра цветов научает его щегольству, разнообразие звуков — многословию; потребность питания влечет его к многоядению; потребность самосохранения — к лени; иные потребности — к распутству. Состоя в живой связи с природою чрез тело, душевно преданный телу столькими кана-

лами пьет из нее удовольствия, сколько в теле его отправлений и вместе с наслаждениями он впивает в себя и коренной дух природы — дух механического произвольного действия. Потому, чем у кого больше наслаждений, тем теснее круг его свободы, и кто предан всем наслаждениям, тот, можно сказать, совершенно связан узами плоти.

Вот как разрастается в нас зло от малого, почти незаметного семени. На дне сердца, как мы заметили, лежит семя зла — самолюбие; от него идут полные его силою три отрасли зла — три его видоизменения: самовозношение, своекорыстие, чувственность, а сии три рождают уже безчисленное множество страстей и порочных склонностей; как в древе главные стволы пускают от себя множество ветвей и отростков, так образуется в нас целое древо зла, которое, укоренившись в сердце, расходится потом по всему нашему существу, выходит вовне и покрывает все, что окружает нас. Подобное древо, можно сказать, есть у каждого, чье сердце хоть сколько-

нибудь любит грех, с тем только различием, что у одного полнее раскрывается одна, а у другого другая сторона его.

Что же за причина, что мы большею частию не замечаем его в себе и нередко держим на мысли и вслух, не стыдясь, говорим: что ж такое я сделал? — Или: чем я худ? Причина тому очень естественная, и она есть новое порождение живущего в нас греха. — Не замечаем потому, что не можем. Этого не позволяет нам грех: он очень хитр и предусмотрителен. Не покровенное древо зла, изображенное нами, с первого раза могло бы стать пред взором ума и оттолкнуть от себя каждого; потому он спешит одеть его листвию, прикрыть его безобразие, и прикрывает так, что не только корня и стволов, даже и ветвей не может различить душа, в которой растет сие древо. Эти лиственные прикрытия суть **разсеянность и многозаботливость**. Разсеянный не любит жить в себе, многозаботливый не имеет свободной минуты. Один не может, а другому некогда —

замечать то, что происходит внутри. С первым пробуждением от сна душа их тотчас выходит из себя, — и у первого уходит в мир мечтаний, у последнего же погружается в море нужных будто дел. Настоящего для них нет, что собственно характеризует всю их деятельность. Один охотнее живет в самосозданном мире и действительного касается только отчасти, ненамеренно, поверхностно; другой и мыслию и сердцем весь впереди. Каждое дело он спешит окончить как можно скорее, чтобы приступить к другому; начинает другое и — спешит к третьему; вообще настоящим у него заняты только руки, ноги, язык и прочее, — а его дума вся устремлена в будущее. Как же при таком ходе внутренних движений заметить им, что кроется в сердце?

Но грех не довольствуется одним этим листовным покровом: сквозь его можно еще как-нибудь проникнуть, можно раздвинуть листья его ветром скорбей и внутренних потрясений совести и открыть скрывающееся под ним

безобразии греха: потому грех сам из себя создает некоторый непроницаемый покров, наподобие стоячей мутной воды, куда погружает свое древо и с его листвию. Этот покров слагается из неведения, нечувствия и беспечности. Не знаем своей опасности, потому и не ощущаем ее; не ощущаем, потому и предаемся беспечности. И что бы вы ни предпринимали для вразумления такого грешника, все напрасно. Он глубоко сокрыт в грехе, как в море. Производите сколько можно сильнейшие звуки над водою, — кто в воде, ничего не услышит. Поражайте, чем вам угодно, нерадивого грешника, он не смутится нисколько. Изобразите пред ним его собственное состояние, он скажет: это не я. Представляйте ему крайнюю опасность, от которой он недалеко, он будет уверять вас, что это не до него касается: возбуждайте его от усыпления, он не устыдится провозгласить: я действую. Так крепок покров, которым закрывает наконец себя грех от взоров того, кем обладает!

Вот в общих чертах все, что предложит нам изменить в себе, вот обширное поприще деятельности в святом подвиге самоисправления! Надобно снять покров с греха — изгнать из души беспечность, нечувствие, самообольщение, рассеянность и многозаботливость; надобно отсечь его ветви — все порочные страсти и склонности; наконец ископать его с самым корнем, изгнать самолюбие — самоотвержением. Труд немалый и нелегкий! Греховная нечистота, изображенная пред сим, покрывает душу не как пыль, которую можно стряхнуть легким движением воздуха. Нет, она проникла самое существо наше, срослась с ним воедино, стала как бы его частию: потому освобождаться от нее есть то же, что отделять себя от себя, что изымать око, усекать руку. Впрочем, такая трудность не подавлять нас должна, а возбуждать от нерадения. Искренно желающий спасения не смотрит на препятствия: от них он еще бодреннее воспрянет, решительнее приступит и ревностнее начнет спасительное дело самоисправления.

2. Как же совершать сие дело? — С чего начать, что делать потом, что далее, какой вообще ход внутреннего самоисправления. Сердце человека глубоко; как узнать, что в нем происходит, а тем более что должно в нем происходить при известных обстоятельствах. Всякий имеет свой характер, у всякого свое настроение, свои страсти, склонности, привычки. У всякого потому ход внутреннего самоисправления должен быть свой: и одного для всех установить никак невозможно. Самоисправление не есть дело холодных соображений, а живого и ревнивого действованья, совершающагося глубоко в сердце. Христианство — тайна, не в основании только, но и в приложении. Ход образования его в сердце подобен пути по сокрытому и запутанному подземному ходу. Вступающему в него скажут: вот путь, — и решившийся идти идет уже сам. *Кто убо может спасен быти*, скажет кто, соображая все трудности самоисправления? Отвечаем ответом Спасителя на подобный вопрос: *от человек сие невозможно, у*

Бога же вся возможна (Мф. 19, 25-26). Решившийся начать христианскую жизнь через Святые Таинства получает благодать Духа, просвещающую, укрепляющую и утешающую. Пребывая неотлучно с ним, она руководит его во все время опасного, земного странствования самым премудрым и предусмотрительным образом. И кто может надеяться сам совершить исправление своего сердца? — Разве в сем святом деле может кто ожидать успеха от человеческой помощи и человеческого искусства? Послушайте, что говорит Господь: *воскроплю на вы воду чисту, и очиститесь от всех нечистот ваших... и очищу вас. И дам вам сердце ново и дух нов дам вам, и отыиму сердце каменное от плоти вашей и дам вам сердце плотяно, и Дух Мой дам в вас* (Иез. 36, 25-26). Все от Господа. Ему и предадим себя — представим себя Его благодатному действию как нечистое и безобразное смешение, да образует из нас, как художник и содетель, добрые *сосуды в честь*, — создания *добрая зело*. С своей стороны мы можем представить Богу только искреннее

желание самоисправления и полную готовность повиноваться Его мановениям. Что происходит с тем, кого посетит благодать Господня, как она поведет его по пути очищения в состояние чистоты и непорочности, — это Спаситель изобразил в притче о блудном сыне.

Первое всего благодать поучает человека, как разоблачить и снять с него покровы: ибо иначе как и приступить к труду, не видя, над чем трудиться? В этом действии — спадает с очей ума ослепление, сердцу возвращается чувство и воля пробуждается от усыпительной беспечности. Вместе с тем душа невольно останавливает внимание на себе и сосредоточивается внутрь: скорбь и страх, перенося душу за гроб, к судному престолу, отторгают ее от мира и представляют заботливости ее другой высший вечный предмет. Обнаженное древо греха стоит теперь пред умным взором грешника, во всей безобразной наготе, и уже — не по роду своему — плодородит самоосуждение, покрывает стыдом, жжет судом и угрызениями

совести. Луч милосердия Божия в смиренной душе рождает теплоту умиления и изводит токи слез раскаяния; обильные непрестанные слезы с самым корнем вымывают наконец из сердца все древо греха. Так совершается все. Человек стоит теперь на чистой земле непорочности и ревнует о святом благочестии.

Коротко и легко дело самоисправления в описании; но не так коротко, а тем менее легко бывает оно на самом деле. Многообразны нужды наши, многообразны и попечительные действия в нас благодати: одного приемлет она прямо в блаженный покой, изводит на пажить духа, пасет и услаждает; другого долгими обходами испытывает, и после многообразных уже странствований проводит туда, как утружденного и изможденного путника. *Стропотно ходит с ним в первых, боязнь же и страх наведет на нь и помучит его в наказании своем, дондеже веру имет души его и искусит его во оправданиях своих, и паки возвратится прямо к нему и возвеселит его и открит ему тайны своя* (Сир. 4, 18-20).

Поспешим же в сей благодатный покой, в место веселия духовного, в самые тайники Божественного действованія и освященія. Трудно! Но что же бывает без труда? С тех пор как проклята для человека земля в делах своих, человек в поте лица достает себе благо телесное, тем более духовное. Зато сколько бывает наконец утешений в приобретении. *Жена егда раждает, скорбь имать, но за радость рожденного дитяти забывает все прежние скорби* (Ин. 16, 21). *Недостойны и страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас* (Рим. 8, 18), — явится и здесь, в духе, и там, во всем нашем существе. И что еще особенно может служить нам в утешение? То, что труд самоисправления не столько тягостен на деле, как нам кажется с первого раза. Он представляется необъятным только со стороны, только дотолѣ, пока мы не вступили в него. И здесь, как в обыкновенных делах, все зависит от воодушевления, с каким кто приступает к делу. Спросите у всякого нелицемерно деятельнаго человека, спросите его о тяже-

сти трудов: он то же скажет вам, что труды его могут исчислять и взвешивать только другие, а для него их нет, он не замечает их. Воодушевление, приводя в быстрое движение все его силы, поглощает все безпокойства, возносит его над всеми препятствиями и среди неудобств — он идет, как по гладкому и пространному пути. То же в деле спасения: тесен путь к Царствию, тяжким представляется иго Христово: но только до тех пор, пока мы стоим еще вне, соображаем, обдумываем ход новой жизни. Но когда зародится и образуется в сердце спасительная решимость, — она приносит с собою и воодушевление на благое делание. Воодушевленный последователь Христов идет вслед Его, радуясь и благословляя его, воспринятое от Него. Со стороны будут видеть его в труде, в язве и озлоблении, а он, как пред Сердцеведцем, в слух всех исповедует, что он и все подобные ему живут — *незнаемы, и познаваемы... яко скорбяще, присно же радующеся; яко нищи, а многи богатяще; яко ничтоже имуще, а вся содерящаще*

(2 Кор. 6, 9-10). Спросите, где взять такое воодушевление? Будем молиться, и молитва веры низведет сей божественный огонь. Будем молиться о воодушевлении, о решимости и возбуждении от греховного сна. *Ныне ближайшее нам спасение... Ночь преjde, а день приближися* (Рим. 13, 11-12)... *Бог же рекий из тмы свету возсияти, да возсияет в сердцах наших, к просвещению разума славы Божией о лице Иисус Христове* (ср.: 2 Кор. 4, 6); как *Бог упования да исполнит нас всякия радости и мира в вере, избыточествовати нам в уповании, силою Духа Святаго* (Рим. 15, 13).

О БОРЬБЕ СО ГРЕХОМ

После того как человек волею своею воспротивился воле Божией, в угодность воле диавола, он подпал под власть последнего и потерял данную ему первоначально силу свободно и охотно ходить в воле Божией. Теперь, напротив того, в его душе напечатлелось нехотение повиноваться Богу и хотение жить по своему желанию. Это превратное настроение сердца человеческого от одного перешло во всех, и все стали в этом отношении как один: *грех... во вся человеки вниде* (Рим. 5, 12). Сие-то хотение творить волю только свою, не покоряясь воле Божией, с нехотением противиться себе и повиноваться Богу, и есть то, что называется живущим в нас грехом (см.: Рим. 7, 17-20, 23).

Грех, вселившись в самой глубине души, вместе с тем подчинил себе и все

силы ее, — ум, волю и чувство, и разложился от сего на множество наклонностей, страстей и греховных помышлений; из души перешел в тело, отсюда в дела и поступки, и таким образом проник все поведение и все отношения человека. Так, “грех приразился ко всему существу человека, — и к душе, и к мыслям, и к уму, — потряс все телесные члены; и ничто ни в душе, ни в теле несвободно и не удалено от злых влияний сего живущего в нас греха”*. “Весь человек облечен в сей грех, чтобы не мог уже смотреть так, как бы хотелось, но чтобы и видел худо, и слышал худо, чтобы ноги имел скорые к злодеянию, и руки, простертые к беззаконию, и сердце, занятое злыми помыслами”**.

Живущий в нас грех, с диаволом — отцом его, точно есть деспот, держащий душу у себя в плену и не дающий человеку делать то, что противно ему. Как

---

* Преподобный Макарий Великий. Беседа о поврежденном и обновленном состоянии человека, п. 4.

** Там же, п. 1-2.

инстинкт, влечет он грешника по обычному пути далее и далее, не давая ему времени одуматься и как-нибудь остановить цепь своих греховных желаний. Большею частию грешнику и на мысль не приходит изменить свою жизнь: грешник и не думает о том, что грешит, “вверженный в море забвения и бездну пороков, и как бы во вратах ада поселившись”*. “Округ бо сердца завеса некая тьмы обложена лежит, дым, глаголю, исходящий от огня мирского духа, который ниже мысли допускает обращаться с Богом, ниже душе позволяет по соизволению молиться, или веровати, или любити Господа”**. Но если и увидит грешник, если и узнает, что того или другого не должно делать, что то или другое желание, та или другая склонность, безнравственны: то и тогда что пользы? Ему не хочется поднять руку, подвинуть ногу в противность незаконному желанию или незаконной склон-

---

* Преподобный Макарий Великий. Слово 4. О терпении и различении вещей, гл. 18.

** Там же, гл. 5.

ности; потому что ему вообще не хочется не грешить, не хочется воспротивиться себе и покориться Божией правде. Он пленник, увидевший, что связан по рукам и по ногам, и безопасно предавшийся поносной судьбе рабства. Это главный недуг, коренное зло, поддерживающее все душевные недуги, питающее все греховные склонности — нежелание возстать против греха, нежелание покориться воле Божией. Кто хочет освободиться от рабства греховного, очистить душу свою от всех скверн, тому необходимо прежде всего возненавидеть грех, возжечь желание противиться ему, истребить противление Божию закону и возжечь желание ходить в нем, — необходимо переломить волю. Без сего нельзя сделать никакого добра, нельзя победить ни одного греховного движения. Правда, “суть нецыи, — как говорит святой Макарий, — воздерживающися от всякаго блуда, и татьбы и мшелоимства, и подобных сим грехов, и посему в число святых вносят себя: но в самой истине весьма далеко отстоят от святости. Оби-

тает бо в уме их злоба многажды, и живет, и пресмыкается, и не у (еще не. — *Ред.*) оставила их”*. “Не просто бо воздержание от злых, — говорит он в другом слове, — очищение есть: но истребление тех из совести совершенное есть очищение. Вниди ты, кто-либо еси, чрез возрастающие в тебе выну помышления, к военнопленной и рабе греха душе твоей, и разсмотри до дна мысли твои, и глубину помышлений изследуй: и узриши в недрах души твоя ползающего, и гнездящегося змия, убивающего тебя отравою частей души твоя. Неизмеримая бо бездна есть сердце: но аще убиеш змия сего, похвалися перед Богом о чистоте твоей; аще же ни: смири себе, яко немощный и грешный”**. Сия-то злоба, сей-то змий, кроющийся в сердце — хотение греха и нехотение правды — и должно быть убито первоначально. Без сего невозможен никакой успех: при каждом деле будут как бы отниматься руки.

* Слово 5. О возвышении ума, гл. 20.

** Слово 1. О хранении сердца, гл. 1.

Не вдруг, без сомнения, заметно очистит себя и тот, в ком совершится решительный перелом воли. Против него будут возставать страсти, склонности, привычки — все, что он прежде делал с удовольствием и в чем с непринужденностью упражнялся; но, по крайней мере, после сего у него есть возможность противостоять сим возстаниям, есть возможность ослаблять их, умягчать и сокращать. За изменением главного расположения последует изменение сил души — чувства, воли и ума, далее ослабление или совершенное погашение страстей и склонностей, одних за другими, хотя все это не вдруг и не тотчас. Падать легко, но нелегко возставать; легко сбежать под гору, но нелегко подниматься на нее.

После сего очевидно, что свергнуть с себя узы рабства греховного нельзя без борьбы и борьбы напряженной, продолжительной, и что сия борьба имеет два вида, или два приема. **Сначала** надобно возстать против греха вообще возненавидением его, изгнать его из его главно-

го местопребывания переломом воли, возбуждением жажды противления греху и покорением себя святой воле Божией, — а потом уже возставать и против порождений сего греха, поражать остатки его в себе до возможного его истощения. Там совершается генеральная битва, здесь не более как усмиряются частные возмущения побежденного; там разоряется главное укрепление врага, а здесь он изгоняется совсем из земли, возвращенной победою законному владельцу, и преследуется до последних пределов ее.

А

И главную победу души над грехом должно отнести вообще к борьбе христианина со грехом, потому что хотя в ней и преимущественно действует благодать, но остается еще довольно места и свободному употреблению собственных сил души, как это увидим из ее описания.

1. Первое в ней действие — пробуждение принадлежит благодати. Грех

скрывает узы, в которых держит душу, и она, по ослеплению, привыкает к своему рабству и начинает любить его. Грешник, не подозревая никакой для себя опасности, спит сном смертным. Он не возстанет и не воскреснет, если не возбудит и не оживит его благодать. Посему-то Спаситель стоит при дверях сердца и толчет. Минута, способ, обстоятельства сего возмущения совершенно сокрыты в премудром распоряжении Божией благодати. Она приходит не с усмотрением, исторгает грешника из потока греха и ставит вне его без всякого со стороны человека содействия, хотя и соображаясь всегда с нравственною приемлемостью человека. Для возбужденного благодатию мгновенно, как блеском молнии, освещается все и в нем самом, и вокруг его. С особенною силою раскрываются пред ним свойства Божии, зависимость человека от Бога, его назначение и особенно настоящее состояние. Он как бы вводится теперь в должное отношение и связь со всем, с чем должен стоять в связи. Такое прозрение,

отражаясь в сердце, рождает в нем чувство своего разстройства и унижения, тихую грусть о том, что довел себя до того, глубокое убеждение в том, что ему не должно быть таким, потребность выйти из такого беспорядка и некоторое предощущение лучшей жизни и лучшего состояния.

Состояние, в котором бывает душа при благодатном пробуждении, есть такое состояние, которое может быть произведено единственно благодатию. Правда, о всем, что происходит тогда в душе человека, может рассуждать всякий грешник и сам с собою, может даже возбудить и подобные же чувства; но сии действия свободы совсем не то, что благодатное пробуждение. Собственные размышления грешника обыкновенно уклоняются в общность, а благодатное действие ограничивает внимание грешника одним собою; от того свои размышления скользят только у него по поверхности души, не касаясь сердца, а если и касаются иногда, то легко, без углублений; между тем как возбуждения

благодатные входят в самую глубину существа человеческого и касаются самых коренных оснований его: ибо Богу свойственно глаголатъ прямо в сердце. И чувства, какие возбуждает иногда грешник долгим и напряженным размышлением о поразительнейших предметах, совершенно ненадежны. Они силою втесняются в сердце, держатся в нем принужденно и готовы исчезнуть с прекращением напряжения, не оставив по себе приметного следа; но чувства, благодатию возбужденные, доходят до самых оснований сердца, там напечатлеваются, исполняют его, хотя бы напряженным размышлением мы хотели развлечь их, и, когда утихают, всегда оставляют по себе глубокие следы. Потому-то напрасно надеется кто сам себя, без благодати, возбудить от сна греховного. Все, что остается здесь свободе человека, — это молитва о сем возбуждении — усердная, искренняя, сопровождаемая обетами неуклонно следовать призыванию Божию. “Яко же несродна естеству нашему злота, но преступлением перваго

человека вкравшуюся отвне оную при-
яли в себе, и даже как бы в естество
наше тая пременилася: тако чрез несрод-
ный же естеству нашему, небесный гла-
голю, Духа дар, паки изгнати оную из
естества нашего подобает, и первую воз-
ставить в нас чистоту. Но сего многими
прошениями и молитвами только может
получити душа”*. “Да вопиет душа всею
силою ко Господу, яко да чрез благодать
Духа Своего достойну сотворит свобо-
дителя от страстей”**.

2. *Се, стою при дверех и толку, аще кто
услышит* (Апок. 3, 20). Пробужденный
грешник слышит; но кто слышит, может
еще не отверзать входа. Между слыша-
нием и отвержением проходит более или
менее времени в колебании слышаще-
го — отверзать ли, или нет. Пробуж-
денный грешник поставлен благодатию
на средине между двумя путями — гре-
ха и правды, поставлен, впрочем, так,

---

* Преподобный Макарий Великий. Слово 5.
О возвышении ума, гл. 5.

** Его же, Слово 6. О любви, гл. 12.

что ему дана возможность избрать жизнь по духу, по правде, не удерживаясь уже насильственно законом плоти или греха, по которому *еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Рим. 7, 18). Теперь свободе человека предлежит: склонить себя решительно на сторону добра, сделать сие расположение господствующим и воодушевить себя решимостию сейчас же начать свое исправление, — свободе, говорим: ибо благодать, прежде предварявшая всякое действие, здесь уже последует за расположениями свободы, и не иначе входит в душу, как по возжеланию ее и молитве, не прежде исполняет ее, как уже она сама отверзет уста к приятию ее. “Приходящая благодать действует, — говорит Макарий Великий, — не так, яко бы нудящею своею силою связывала волю, и тако хотяща и не хотяща неподвижно пригвождала к добру: но уступает место самовластии и присутствующая благодать, дабы тем искусити волю и явити: почитает ли душу свою или не почитает; согласна ли с благодатию или несоглас-

на”*. Как выполняет и как должна выполнять душа сии требования, определить можно только в самых общих чертах.

α) Так, для склонения воли на сторону добра, равно как и для всего последующего, самое первое условие, а вместе и первое средство есть напряженное усилие и молитвенное желание сколько можно долее держать себя в том состоянии, в каком поставлен кто благодатным действием. Посему коль скоро восчувствуешь благодатное действие, не бегай от него, не погашай его рассеянностью или другими какими занятиями, но спеши произвести в себе искреннее согласие на все, что внушает благодать; не отклоняй от нее внимания, а смиренно покорись и предайся ему весь; не умствуй о возможности того состояния, в котором находишься, а лучше к убеждениям, произведенным благодатию, прилагай и еще другие поразительнейшие истины (например, ты унижаешь

---

* Слово 1. О хранении сердца, гл. 12.

образ Божий, распинаешь Христа: беда, если еще не слушаешь, — меч над главою, и прочее), или развивай те, кои уже сознаешь. Теперь размышление будет иметь совсем другое действие, нежели в состоянии нечувствия и холодности, обычных грешнику, будет идти прямо к сердцу, по подражанию и соучастию самой благодати, ограничиваясь тобою одним и обращая к тебе предметы теми сторонами, кои могут произвести в тебе сильнейшее впечатление, и ты будешь не с холодною отвлеченностию мыслить, а при светлой мысли переходить от одного живого ощущения к другому живому ощущению. Быть не может, чтобы при этом не согрелось сердце, не возжелало оставить грех и начать новую жизнь во Христе: Бог увидит твое желание склониться на добро и склонить к нему волю твою. “Принуждати себе подобает к благому, хотя бы для пребывающаго в сердце греха и желания к тому не было. Тогда Господь, видя таковое предложение и столь благое тщание, творит ми-

лость, избавляет от врагов и живущаго греха, исполняя Духом Святым”*.

β) Но тогда как человек душою и сердцем готов воспарить на небо, узы греха всею силою влекут еще его долу. Теперь все, к чему сердце прежде получило постоянное направление, возстает против него, все, что составляет его существенные и коренные возбуждения, начинает противодействовать. Теперь-то, собственно, ему предлежит сильная борьба с самим собою, предлежит то, что мы назвали генеральною битвою. Определить все, что здесь происходит, совершенно невозможно. Это состояние души самое сокровенное и самое непостижимое. Кто видел, как происходит брожение элементов в яйце? Кто скажет, в каком состоянии зародыш в согнивающем зерне? Главнейшие пункты сей брани можно, однако же, определить, основываясь на опытах обращения грешников. На чем преимущественно

---

* Преподобный Макарий Великий. Слово 1. О хранении сердца.

грех задерживает грешника исправляющегося и против чего ему необходимо напрягать все свое усилие, это суть главные направления греха — коренья страсти грешного сердца. Они суть: выходящее из главного тона отпавшей от Бога души — самоугодие, по которому человек обходится с собою, как мать с единственным сыном; выходящее из главного разстройства существа человеческого — склонность к чувственному, видимому; выходящее из главного поприща, где раскрывается грех, — сила века (или человекоугодие). Самоугодие, внешность, сила века* — вот коренные узы греха. Надобно стряхнуть их. В минуту пробуждения грешника и склонения воли на сторону добра, они будто незаметны: ибо здесь душа стоит еще на одном месте; но коль скоро ей нужно приступить к делу, вступить в новый путь, они первые дают себя чувствовать, первые преграждают путь. “Как грешник,

---

* Иисус Христос указывает на них, когда приглашает идти вслед Себя со крестом, из борьбы с ними и составляет внутренний крест (см.: Мк. 8, 34-38).

благодатию Божиею подвигшись, начинает каяться, — говорит святитель Тихон Воронежский, — то сретаает его различное искушение. Начнет человек ко Христу приступать, а сатана вслед его женет (преследует. — *Ред.*) и отвлекает от Христа; начнет работать Христу, и запинает ему враг и различные простирает сети”*. Потому спеши подавить первое их возстание, изгони их из желанія особенным напряжением любви к Господу: а теперь дай всю свободу здравому разсуждению и неотступно держи при нем сердце. Просветленную истинною, доставляемою сокровенно действующей благодатию, разумение сначала представит тебе сии предметы в истинном их виде, снимет прелестный (ложный, обманчивый. — *Ред.*) покров, скрывающий их безобразие, а сердце, если оно не совсем потеряло вкус, почувствует тогда полное к ним отвращение; далее разумение представит тебе всю опасность содружества с ними, а ты

---

* Наставление для монашествующих.

положи это на сердце, и оно воспламенится ненавистию к сим узам, влекущим его в пагубу; **наконец**, когда разумение изобразит пред твоим сознанием всю красоту духовной жизни, все блаженство общения с Богом и святыми, всю сладость покоя и свободы духовной: тогда сердце побежит от тех скорбных уз, как бегут из огня, и устремится к сим благам, как *елень на источники* (Пс. 41, 2). Вообще из сей брани сердце должно вынести решительные расположения, противоположные требованиям греха: жажду злостраданий в противоположность самоугодию, отрешение от видимого — плотского и напряжение к невидимому — духовному в противоположность внешности, предание себя всем неправдам и всему поношению в противоположность человекоугодию и силе века. Потому для счастливого окончания брани он должен с ревностью и возможною быстротою собирать все поразительнейшие представления, могущие воспроизвести их, расположения. Добросовестно действующий несомненно

воспроизведет их, благодать укрепит в нем такие расположения, и в душе человека стремление к жизни по духу делается господствующим.

γ) Вот уже душа на самом краю области греховной; уже малая полоса отделяет ее от страны света, свободы и блаженства! Узы спали, и она готова воспарить туда, как чистая голубица. Но коварство греха и отца его еще не истощилось, еще есть у него стрела, которая дает ему почти всегда верную добычу. Только что напряжет душа силы, чтобы приступить к делу, как вдруг поражает ее внимание жалостный вопль: еще день и довольно; завтра преступишь сию границу. Вопль самый обольстительный! Грех стоит здесь за нас, умаливает, чтобы мы сжалились над собою: но склонись толь мало на его внушение, как вся толпа злых помышлений, прогнанная теперь только из сердца, во мгновение ока, как бы по мановению жезла, охватит тебя отовсюду и подавит своею тяжестью: человек, прежде доходивший до воодушевления, снова не хочет

приподнять руки, двинуть ногою. Потому воодушевись мужеством, не почитай сего помышления происходящим от тебя, не давай ему надолго оставаться в душе, и особенно не допускай до сердца. Спешь изгнать его ясным представлением о безразсудстве и опасности отлагательства; будь уверен, что это малое требование есть сокращение всего, есть прелестное представление рабства в виде свободы, есть льстивое дружество, скрывающее непримиримого врага. Воодушевись: поразив сего врага, ты приобретешь решительную победу. Скажи: готово сердце мое... возстав, иду...

δ) Как идти тебе к Богу правосудному, — осмотришь, сколько грехов нечестия? Ты вместе с Иудою продавал Христа, вместе с Каиафою вел Его на суд, заушал; менял на разбойника, распинал. Как громом поражает душу сей голос лукавого, адское дыхание его охватывает оную и готово пожрать в своем огне. Ты видишь бездну погибели, но обратись и посмотри на бездну милосердия, щадившего тебя доселе. Если

прежде, как ты и не помышлял о Боге, Он щадил тебя, то тем более теперь. Там ничего у тебя не было, а теперь есть хоть мало... Мужайся! Спеси из того извлечь врачевство, чем хотят нанести рану; Крест Спасителя всепрощение знаменует. Емлись (ухватись. — *Ред.*) за него крепкою силою веры; он прикроет тебя от стрел правосудия Божия. Спеси в церковь, там есть утешительный бальзам: Таинство покаяния. Исповедуй грехи, прими разрешение. Как охлаждающая вода освежает жаждущего, так через главу твою сквозь руки священника разольется по тебе струя оправдывающей благодати Божией. Запечатлей навсегда на естестве твоём силу благодати. Как на воске, только растопленном, оттисняется печать, так и здесь. Охладеешь, и все потеряно. А охладеешь: ибо доброе движение, теперь существующее в душе твоей, еще тебе не усвоено. Ты не приобрел еще на него права. Ты еще связан и на земле и на небе. Пусть имеющий власть решить разрешит тебя, тогда выйдешь из книги осуждаемых

и вступишь в число спасающихся сынов и друзей Божиих. И благодать обильным потоком низольется на тебя и запечатлеет на тебе сие право сыновства Богу и содружества святым.

3. Таким образом, наконец, в душе все стихает. Пробужденный грешник, освободившись от всех уз, с полною готовностью говорит теперь: возстав, иду, — и благодать, действовавшая доселе сокровенно назирая, как мудрая наставница, первые действия Христова воина-ученика, приемлет его теперь в свое лоно, объемлет и в награду за подвиг исполняет собою. Дверь сердца отверста, Христос входит в душу и вечеряет с нею. “Насилие творящим нам себе самим, дабы нескверен сохранить храм Божий, приходит обещающий вселиться в нас и ходити, тогда восприемлет и душа наследие свое и храм Божий быти достойна бывает. Сам бо Бог, воинством Своим изгнав лукаваго, прочее в нас воцарится”*. Теперь-то она, восхи-

---

* Преподобный Макарий Великий. Слово 4. О терпении и различии вещей, гл. 19.

шенная из круга обыкновенных дел, в чувстве совершенной свободы, с пламенным мечом решимости и ревности по чистоте и святости, проходит всю свою жизнь, пересматривает все дела, взвешивает все мысли, желания, все тайные движения сердца и разит все, на чем есть хотя малый след греха. Все зазорное в себе она вызывает теперь пред зеркало совести и поражает проклятием. “Душа, удостоившаяся свыше прияти силу и Божественный оный огонь, от всего пристрастия мирскаго духа отступает и от уз злобы освобождается, отложив от себе окаменелость грехов и вся ни во что же вменяет и презорствует (пренебрегает.— *Ред.*)”*. Здесь совершается скорая, но решительная и воодушевленная перестройка жизни, заключаемая совестным обетом быть всегда верным новому завету сердца с волею Божиею. Как совершенный победитель, душа носится теперь во своей области

---

* Преподобный Макарий Великий. Слово 5. О возвышении ума, гл. 9.

совершенно свободная, все устрояет по-своему, всему дает новый вид, всюду как бы налагает цепи на побежденных, и никто не противоречит. Это благодать дает душе вкусить все блаженство свободы чад своих, и как награду за первое самопринуждение, и как воодушевление к последующим победам. Душа восходит здесь на такую высоту, память о которой потом в продолжении всей жизни служит для нее коренным воодушевляющим началом; глубокая память сердца о ней исполняет жизнь святою тоскою о потере некоего драгоценнейшего бисера, крепким ревнованием отыскать сокровище, сокрытое на селе. “Благодать сначала,— говорит святой Диадок,— обильно озаряет душу своим светом, так что она может обильно ощущать его, дабы склонить нас с радостью вступить на стезю божественных созерцаний”*. “Всесвятый Дух,— говорит он далее,— в начале усовершеня, если ревностно возлюбим добродетель Божию,

---

* Слово о ведении и духовном различении, п. 69.

дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно, для того чтобы ум имел точное познание о конечной награде богоугодных трудов”*. Восхитительное состояние! Но человеку, бренною плотию обложенному, невозможно навсегда держаться на такой высоте. Благодать скоро сводит его опять в обыкновенный круг жизни, где волны греха снова слятся покрыть его отсюду, и ему предлежат новые брани. “Случается, — говорит Макарий Великий, — что благодать совершенных достигает мер и от всякаго греха свободен человек и непорочен бывает: но потом паки неким образом стесняется благодать, и паки от противныя силы покрывалом задевается”**.

Примечание. Так совершается решительный перелом воли — первоначальная главная победа над грехом, живущим в нас.

α) Начало и конец оной равно принадлежит преимущественному действию

* Там же, п. 90.

** Слово б. О любви, гл. 9, 10.

благодати, только там действие сие есть призывание к подвигу, а здесь награда за оный; там благодать поставляет человека только в состояние среднее между жизнью плотскою и духовною, хотя и с возбуждением от жизни плотской к жизни духовной, а здесь она дает уже ему вкусить всю сладость жизни по духу, всю радость о Духе Святе: средина принадлежит и свободному употреблению сил человека или склонению его произволения. Говорим так не потому, чтобы здесь человек решительно был оставлен самому себе, ибо тогда-то особенно и нужна ему благодатная помощь, когда во всем существе его происходит коренное изменение; но потому, что благодать здесь всегда последует за движениями произволения: поколику желает человек Духа, потолику исполняется им, и чем более желает, тем более исполняется, так что когда возжелает всецело, всецело и исполняется; возжелает склониться на добро, и благодать дает сие склонение; возжелает отрешиться от всего, и отрешается; возжелает сейчас начать дело

исправления, и благодать воскресяет сию решимость. Если мы иначе будем представлять деятельность души в сие время, то в перемене жизни ничего уже не остается свободе. Это, можно сказать, начало Макария Великого — что благодать дает только то, что желает и чего ищет душа. Особенно оно выражено в Слове о хранении сердца в 12-й и 13-й главах.

β) В общих чертах мы представили здесь внутренний ход к решительной перемене воли, который сколько бы ни разнообразился под разными условиями, но в существе дела остается всегда и для всех один и тот же. Ибо кто не пробужден, тот не станет бороться с собою, — кто не борется, не победит. Напрасны все усилия взойти до решимости угождать Богу иным путем. Бывает, что иной сам собою без благодати начнет напрягать себя к добру, сам собою отсекает пороки; но продолжает несколько сей труд и оставляет его опять, или если и не оставляет, то успевает им образовать из себя человека, чистого

только по внешности: это исправление естественное; в нем нет внутреннего духа жизни. Главное здесь — благодатное пробуждение: оно свидетельствует о божественном избрании и обещает особенное покровительство. О нем потому первое всего надобно молиться и молиться со всюю силою веры, со всюю крепостию упования.

γ) Произволение, по существу своему, то склоняется к добру, то удаляет препятствия, то приступает к делу, и во всех сих пунктах оно, по существенной связи своей с мыслями, должно быть руководимо и укрепляемо особенными благими помышлениями, коих достоинство определяется приспособленностию к цели. Каковы бы они ни были, но они самые лучшие, коль скоро в настоящем случае или склоняют к добру, или расположение к нему делают господствующим, или возбуждают безотлагательную решимость. Надобно думать, что как каждый человек имеет свое личное настроение: то для каждого должен быть и исключительный род благих помышле-

ний, особенно поразительных и возбуждающих, или даже одно какое-нибудь господствующее всепобеждающее помышление. И каждая вещь издает особенный звук, и только по сродному себе звуку дает отзвук, когда, не ударяя по ней, хотят произвести из нее звук. Оттого иного поражает особенно благодать Божия, иного строгость Его правосудия, иного превосходство добродетели, иного низость порока, а иного еще что-нибудь и не столь общее и важное. После сего усилие человека занимать себя, во время борьбы с собою, то теми, то другими помышлениями, или, что согласнее с опытом, невольная смена их одних другими, есть не что иное, как стремление души к тому представлению, которое одно может заменить все и которого предназначение как бы носится в душе. Потому вместо всех правил в трех показанных действиях души можно поставить одно: стремительнее перебирай все представления, могущие возбуждать волю, и наиболее останавливайся на том, которое с первого раза стрелою пройдет

сквозь твое сердце. Это твое: развивай его со всею живостию; оно спасет тебя. Зажигательное стекло не вдруг зажигает, потому что не вдруг фокус его совпадает с поверхностью зажигаемого вещества, так и разумение: обращая пред сердцем круг благотворных предметов, поражает его не вдруг, но только тогда, когда впечатлет в нем главную возбуждательную мысль. Тогда оно согревается и воспламеняется во мгновение ока. И здесь-то нисходит на нее огонь Духа, уносящий ее в свои выпренные области и облекающий ее свободою и властью неприкосновенною.

δ) Удивительная сокрыта сила в Таинстве покаяния. Сознание грехов умом только, без исповеди и разрешения, неудовлетворительно для кающегося и почти всегда остается бесплодным для жизни. Здесь точно происходит запечатление христианина — благодатное... Своевольно ничего нельзя взять у Господа. Не удивительно после сего, что все мысли и желания спасающихся обращены ко Спасителю... В Нем отрада,

в Нем все утешение. Оттого не умолкая
вращается в устах и в сердце... сладчай-
шее имя — Иисус...

Б

И после первой главной победы над
развращенною волею человеку предле-
жат новые, хотя не столь трудные, зато
более частые брани с собою, или, лучше,
одна постоянная брань, которой конец
полагается уже смертию.

1. Каков внутренний характер —
внутреннее настроение воина, вступаю-
щего в брань? С высоты, на которую
благодать возводит душу, решившуюся
на новую жизнь, душа сносит, как
отблеск виденной и ощущенной славы,
ревность по чистоте и святости, — рев-
ность воодушевленную, которая, впро-
чем, вся обращена теперь только на себя.
В первые минуты она не может иначе
обнаружиться, как ненавистью к злу,
замечаемому в себе повсюду, и неуклон-
ным преследованием его. Творение доб-
родетелей с приятностию — любовь к
добру — еще, по большей части, только

в желании: он хочет, чтобы сердце было также расположено к духовному, как прежде было расположено к чувственному, требует от него такого расположения, и не находит его. Со всем жаром стремится он теперь стяжать его, усиленно противясь злу и принуждая сердце к добру*. Самопротивление и самопринуждение — это два полюса одной его воодушевленной ревности. Недовольный собою, он не обращает внимания на то, что такая деятельность будет стоить ему великих трудов, что она непрестанно будет поражать скорбию и болезнию его сердце, непривыкшее к прекословиям; что он упадет, может быть, в мнении других, подвергнется их ненависти и преследованию; ибо воодушевлен жаждою прекословить своему сердцу, умучить себя, обезславить. Трудности не смущают его: он предан Божественной благодати и убежден, что скорбь внутренней брани вскоре сократится, и для него еще

---

* См.: Преподобный Макарий Великий. Слово 1. О хранении сердца, гл. 13.

здесь настанет блаженный мир души, — состояние, когда он без всякого принуждения и напряжения будет желать добра и любить духовное. Вот внутреннее настроение вступающего в брань! Презрев всякое упование земное, с жаждою скорбей, трудов и прекословия себе, ревнует он о возвращении в себе любви ко всему доброму, воодушевляясь надеждою, что Господь наконец даст ему благодать чистоты и непринужденного, безпрекословного желания добра.

2. В каком состоянии душа у вступающего в брань человека, образовавшего в себе твердую решимость жить, как должно, и в каком отношении ее новое настроение к другим расположениям души? Потому ли, что дух, прежде так глубоко сокрытый под движениями души и даже тела, а теперь высвобожденный силою благодати из сей темницы, получив свободу действия и независимость жизни, передает сознанию свои высокие требования с такою силою, что и произволение неуклонно подвигается к выполнению их, или

потому, что сила благодати соприкасалась душе и проникала сознание и произволение так внутренне и глубоко, что оставила в них неизгладимые следы особенного духовного настроения, только в окончательно решившемся начать новую жизнь, душа, как мы видели, ощущает совершенно новый порядок бытия и жизни и, полагая в нем все свое блаженство, пламенно желает войти в оный, чего бы это ни стоило. Впрочем, на первый раз на ее стороне только и есть. Она жаждет нового порядка; не жалея себя, готова все сделать для водворения его в себе, но между тем сама вся еще объята и как бы покрыта тем, что не только неспособно соответствовать ее преднамерению, но даже положительно противоположно ему. Нет в ней ни одной силы, которая бы сочувствовала ей, нет ни одного движения, которое бы не возставало против нее: хотела бы мыслить по-новому, но ум не умеет соответствовать ее желанию, хотела бы услаждаться духовным, но сердце не имеет еще к тому вкуса; а там все количество

страстей и обычных наклонностей поминутно готовы вспыхнуть и своею адскою силою поглотить росток новой жизни. Вообще решившийся все еще таков же, каков был, и прежде только у него коренное начало ново. Это все то же, как если кто примет лекарство, и оно будет воспринято телом. Исцеление здесь начато в центре жизни, но ему остается еще проникнуть и до последних окончностей, кои все еще остаются зараженными болезнью. Впрочем, по самому существу дела и по опытному уверению святых подвижников, здоровое направление к духовному, истинно доброму и святому лежит уже в самом внутреннем основании его души, а направление к чувственному, греховному, эта болезнь души, держится только уже в окрестностях ее, на ее как бы поверхности. Грех изгнан теперь из своих укреплений, занятых добром, и разорен, разсеян в своих силах. “Благодать и грех не вместе сокрываются в уме, — говорит святой Диадок, — но до крещения (или до Таинства покаяния) благодать извне

возбуждает душу к благому, а сатана гнездится в глубине ее, стараясь заградить все правые исходы ума; с того же самого часа, в который возрождаемся, демон бывает вне, а благодать внутри”*.

“Когда благодать не обитает в человеке, демоны, как змеи, гнездятся во глубине сердца, совсем не позволяя душе пожелать доброго; когда же в душу войдет благодать, то они, как мрачные какие облака, носятся по частям сердца, преобразуясь в греховные страсти или в различные развлечения, дабы затмить память, отвлечь ум от беседования с благодатию”**.

3. Из такого состояния решившегося сама собою вытекает существенная для него необходимость новых браней с собою или одной постоянной брани, имеющей продолжаться, хотя не с равною силою, до тех пор пока ни в одной части его существа не останется заметных следов греховных движений. Он соделается

---

* Слово о ведении и духовном различении. п. 76.

** Там же. п. 81

двойственным. Члены сего двойства существенно противоположны в своих направлениях; и, однако ж, каждый из них для своего действия может употреблять только те же силы, какие и другой. Отсюда они необходимо должны встречаться между собою, один против другого напрягаться, один другого преодолевать: ибо каждый ищет власти исключительной, стремится к господству. *Плоть похотствует на дух, дух же на плоть: сия же друг другу противятся* (Гал. 5, 17). Дух укрепился теперь в самом корне жизни человеческой, стал здесь твердою ногою, но ему предлежит еще великий труд прогнать врага своего из всех мест, где он может еще укрываться: с другой стороны, и грех, гордый, самонадеянный, пока есть в нем хотя слабейшее движение жизни, никогда не отчаивается в победе и во всякое время возстает и воюет. В минуту воодушевленной решимости благодатию возвышенный дух свободно носится в круге своей жизни, и без всякого сопротивления все поражает, все изменяет, всему дает новый вид.

Почему бы не держать его постоянно на такой высоте? Стрелы греха не досягают сюда: человек был бы свободен от брани, а вместе и от опасности поражения. Но благодать, устрояющая спасение грешника, большею частию сокращает свое действие на душу и поставляет ее обыкновеннее в свойственном ей круге. Так действует благодать в отношении к человеку, потому что сего требует его духовное преспеяние. Поучительное отступление благодати испытывает произволение; научает смирению, возгревает большой жар*. Вообще исправление человека должно быть делом не только благодати, но и свободы. Благодать в сем случае действует, если человек содействует. Возжелай (например, молитвы), напрягись к стяжанию добра, и получишь благодать безпрепятственного исполнения желаемого**. Если бы совместен был с порядком нравственным

---

* См.: Блаженный Диадок. Слово о ведении и духовном различении, п. 90-100.

** Преподобный Макарий Великий во многих местах своих Слов.

другой образ действованиа, то он, без сомнения, был бы избран благодатию. “Она, как искренняя мать, питает нас краткими отступлениями и частыми утешениями”*.

4. Итак, необходимо христианину и после решительной перемены воли бороться со грехом. а) Чьей же силою будет совершаться сия борьба? б) в каком вооружении и в) по каким правилам?

а) Сила к ведению внутренней брани подается благодатию Святаго Духа. Под ее влиянием или ее сокровенными мановениями воинствует душа, начавшая чрез нее новую духовную жизнь**. Вся вообще Церковь стоит и воинствует под управлением и распоряжениями Господа Иисуса Христа; но по Его же премудрому устройению Церкви дарован Дух Святой, который возсоединяет со Христом каждый член, образует его

---

* Блаженный Диадок. Слово о ведении и духовном различении, п. 86.

** См.: Преподобный Исаак Сирианин. Слово 19. О вере и смирении.

по-христиански и исполняет Христовою жизнью. Иисус Христос совершил домо-стротельство спасения нашего, а Святый Дух усвоет и прилагает сие спасение к нам, посредствует между Христом и нами, приводит нас к Нему и Его вселяет в нас. Если теперь на пути ко Христу нельзя не встретить искушений, нельзя не бороться, то чьею же, как не благодатною силою будет совершаться сия борьба? О благодати сказано, что она с верным *стропотно ходит... в первых, боязнь же и страх наведет на нь и помучит его в наказании своем, дондеже веру имет души его и искусит его во оправданиих своих, и паки возвратится прямо к нему и возвеселит его и открьет ему тайны своя* (Сир. 4, 18-21). То есть вся сумма испытательно-искусительных внутренних состояний христианина-воина непосредственно зависит от благодати. Участие ее во внутренней брани столь велико, что она не только вливает мужество к сопротивлению и сокровенно внушает способы одолеть врага, но определяет даже и время греховного возстания и его меру. В сем отношении благодать

попускает греху возставать тогда только, как это нужно для руководимого ею, и попускает всегда столько, сколько это необходимо для него в тот или другой момент его образования, и вообще сколько кто может понести. Главное, что требуется здесь со стороны человека, есть совершенная преданность Господу, непрестанное призывание помощи и детская покорность благовременным внушениям к добру, возникающим из сердца. Это одно могло бы заменить и все орудия, и все способы, и все правила брани; но по неопределенности и неустройству внутренних движений необходимо и видимое руководство и укрепление. Воин Христов всегда найдет его в Святой Церкви, в лице пастырей, опытных в брани духовной, старцев-подвижников и в писаниях святых. Пути все уже пройдены и указаны. Испытай, вразумляйся и стой бодренно, воин Христов!

б) Оружия, коими должен быть облечен воин Христов, выходящий на брань со грехом:

аа) с одной стороны, суть внутренние сокровенные чувства и расположения, не по временам только являющиеся, но постоянно пребывающие в сердце и составляющие его всегдашнее настроение. Основание их он выносит из первой победы, когда главные усилия и стремления его во время брани, увенчанные успехом, освящаются потом в Таинствах Святой Церкви и укрепляются благодатью в сердце, как награда за победу. Вследствие сего у него есть большая часть из тех орудий, в кои облакает воина Апостол Павел, или, лучше, они есть и все, но только в зародыше, в первом, так сказать, очертании. Так он уже стоит: склонность к чувственному, многозаботливость, упование земное не бременят его: мысль, чувство и всю деятельность свою он направляет теперь к горнему, духовному, единому. Есть у него **броня**, сложенная если еще не из совершенной правды, то, по крайней мере, из благодатного основания всех праведных дел — ненависти ко греху и ревностного желания даже принуждать

себя к добру. **Есть обувь** — это его готовность, не жалея себя, даже с жаждою страданий, идти путем правды, не возвращаясь, не останавливаясь и не уклоняясь. **Есть шлем** — это живое упование на помощь благодати и несомненная надежда, что еще и здесь ему будет наконец легко желать и делать добро. Другие орудия, также существенно необходимые для успеха в духовной брани, он должен еще приобрести и большую частью отнять у врагов помощью тех орудий, какие есть. Так, он должен **опоясать чресла помышлений** — стяжать немечтательный ум и способность судить не по видимостям, а между тем его ум каждую минуту порывается к развлечению, а чувства или, лучше, прежний взгляд на вещи — сильно преграждают путь к уразумению того, что значат вещи сами по себе. Только напряженным противлением себе и долгим терпеливым опытом может он стяжать себе препоясание помышлений. Он должен иметь **щит веры** — полную совокупность нравственных убеждений

(догматические убеждения составляют веру, которая действует по преимуществу в первой общей брани) и особенно противоубеждений. Каждая страсть, каждая склонность в основании своем имеет известное убеждение, которое прикрывает их от взора совести и холодного размышления или, лучше, которым сердце усыпляет совесть и обманывает разум. Например, в основании гнева всегда лежит мысль, что другой намеренно досаждал нам; в основании тщеславия — что все заняты нами; гордости — что мы лучше всех и прочее. Такие убеждения лежат глубоко в сердце и составляют его сокровеннейшие чувства. Пока они есть в сердце, до тех пор нельзя быть свободным от страстей и склонностей, нельзя побеждать их: надобно связать их, преградить им исход из сердца, совсем искоренить их. А этого иначе нельзя достигнуть, как противоубеждениями и противочувствиями. Так, для укрощения гнева и оскорблений надобно возродить убеждение: сам во всем виновен, ты стоишь всякого презрения и

поношения; против тщеславия: никто на тебя не смотрит; против гордости: нет твари, презреннее тебя и прочее. Такие убеждения и чувства действительно суть самый крепкий щит, который стоит только противопоставить возникающей страсти, и она утихнет: ибо потеряет опору в сердце. Основание сих убеждений положено и прежде — в желании и некотором предначатке способности доходить до убеждений в духовном: но раскрытие их в таком виде, с таким частным применением принадлежит особенному труду — внимательному чтению описания чужих опытов и строгому наблюдению над собою. Особенную силу и крепость получают сии убеждения, когда сражающийся имеет для них готовое основание из Священного Писания. Слова Божии, запрещающие или повелевающие что, имеют чрезвычайно сильное влияние на душу, работающую Господу. По существенной, сокрытой в них силе и по некоему сродству с внутренним настроением души, они приводят ее в особенное состояние воодушев-

ления, изъемлющего сердце из обыкновенной связи с предметами. В этом отношении слово Божие действительно есть меч, пресекающий всякое общение между сражающимся и тем, что вооружается против него, отделяющий его от всего и уединяющий. Кто имеет сей меч, тот или совсем не подпустит к себе врагов, или с первого раза поразит их во главу, если кто дерзнет приблизиться. Но и сей меч надобно стяжать: ибо грешник прежде не знал, даже не хотел знать слова Божия, а решившись поправиться, он возымел только охоту, или даже только намерение изучать его, положил только основание, на котором с терпением надобно еще назидать. Есть в нем твердое основание и последнему оудию — молитве в его искренней преданности Богу Спасителю и водительству благодати, надежде на Бога и безнадежности на себя: но держать себя в постоянно молитвенном расположении духа — это требует великих трудов и сильного напряжения мыслей и чувства.

66) Для возгревания духа молитвенного, равно как для укрепления в сердце всех духовных орудий, нет лучше способа, как участие во всех церковных богослужениях и молитвованиях, говение, исповедь и причащение Святых Таин, общение с единомышленными ревнителями спасения — в чтении, беседах, взаимной молитве друг о друге. Все сие в совокупности есть как бы атмосфера, которой дышать и зреть свойственно благодатному, потаенному человеку сердца. Вот всеоружие для воина Христова! Облеченный в него, он во внутреннем своем настроении таков: отрекшись от всего земного и обрехши себя на все возможные скорби и страдания, с гневом на всякий грех, вступает он на путь правды, горя ревностью поражает всякое греховное возстание известными убеждениями, словом Божиим и молитвою, пребывая непрестанно под всеми освятельными учреждениями Святой Церкви, блюдя со всем тщанием за всем входящим в сердце и выходящим из него, и всегда одушевляясь в сем много-

трудном деле упованием на помощь Божию и надеждою на скорое избавление от сильных волнений греха. Такое изображение снято с воина, вооруженного Апостолом Павлом против духов злобы (см.: Еф. 6, 11-18): ибо так как духи злобы не могут иначе действовать на нас, как чрез грех, живущий в нас, а с другой стороны, и мы не можем иначе противодействовать им, как противодействуя движениям сего греха; то, указывая орудия против духов злобы, Апостол не иное что делал, как предписывал орудия против живущего в нас греха.

в) **Облаченный** в такое всеоружие, воин Христов вступает в борьбу со всяким врагом, в полной надежде не сам собою, а благодатию Божиею одержать победу и поразить врага. Это, впрочем, не делает излишними известных правил благоразумия, составляющих его воинское искусство, из коих одни способствуют к предупреждению нападений, другие к легчайшему и успешнейшему окончанию брани, третьи к прочнейшему утверждению за собою плодов победы или к

скорейшему истреблению следствий поражения, и кои потому естественно разделяются на три класса: а) на правила, кои надобно наблюдать прежде брани, б) во время самой брани и с) после оной.

а) Прежде брани воин должен так действовать, чтобы деятельностью своею или предотвратить нападения, или дать себе возможность замечать их в самом начале, или даже предуготовить победу. Посему первее всего он должен: аа) стеснить область греховных движений, свести их в одно место: ибо таким образом ему не только будет легче замечать возмущения, но и виднее — куда направлять свои силы. 1) Внешний очерк области греховной вообще таков: утвердившись в центре жизни — сердце, грех проникает душу и тело по всем их отправлениям, проходит потом во все внешние отношения человека и набрасывает наконец свой покров на все окружающее его. Теперь и изгнанный из глубины сердца, он все еще витает в окрестностях его, все еще питается тем, чем питался

прежде; лица, вещи, случаи легко могут возбуждать те же мысли и чувства, какие соединял с ними человек, когда работал греху. Благоразумный воин должен теперь преградить это внешнее продовольствие врага. А для сего ему необходимо: α) перестроить все свое внешнее поведение: всему в нем дать новый вид, новые побуждения, новое время и прочее по духу новой жизни; β) распределить время свое так, чтобы не оставалось ни одного часа без должного занятия; промежутки, свободные от необходимых занятий, должны быть наполняемы не чем-нибудь, но занятиями, способствующими умерщвлению греха и укреплению духа: сколько в сем отношении полезны некоторые телесные подвиги, противоположные замеченным склонностям, это может испытать всякий; γ) связать свои чувства, особенно: глаза, слух и язык, легчайшие проводники греха из сердца вовне и извне в сердце; δ) всему вообще, с чем необходимо встречаться, вещам, лицам, случаям, дать духовное знаменование, и особенно

место постоянного своего пребывания исполнить вещами, поразительнейшими для души, чтобы таким образом, живя во внешнем, человек жил как бы в некоем божественном училище. Вообще всю свою внешность должно так устроить, чтобы она, с одной стороны, не требовала уже особенного внимания и избавляла нас от всякой о себе заботы, с другой — не только делала нас безопасными от нечаянных возстаний греха, но и питала и укрепляла возникающую новую жизнь по духу. При таком порядке грех будет совершенно отгражден совне, не будет уже получать отсюда себе пищи и подкрепления. 2) Ежели теперь со внутренней стороны человек употребит все усилие к тому, чтобы сохранить себя, как есть, в таком виде, как вышел из первой победы, если то есть будет постоянно возгревать те чувства и расположения, какие возродились в нем тогда, то грех этим отградится и извнутри, и останется здесь уже навсегда без опоры и твердости. Грех же, лишенный таким образом и пищи и опоры, если не уничтожится

вдруг, то, по крайней мере, должен слабеть более и более, до совершенного истощания. После сего брань со грехом, очевидно, сократится и вся сосредоточится в брань с помыслами (кои особенно будут клониться к разстроению нового порядка), редко со страстями и наклонностями, где остается только **в) тщательно блюсти...** Именно два бдительных стража должен иметь постоянно воин Христов: **трезвение и благоразсмотрение.** Первый обращен внутрь, а последний вовне; тот наблюдает за движениями, выходящими из самого сердца, а сей предугадывает движения, имеющие возникнуть в нем по внешнему влиянию; закон для первого: после того как памятью о Божием присутствии изгнано из души всякое помышление, стань у дверей сердца и тщательно блюди за всем, входящим в него и выходящим из него, особенно же не давай предупреждать действий чувству и желанию: ибо отсюда все зло; закон для второго: с началом каждого дня сядь и расчисли все возможные встречи и случаи, все возможные

чувства и движения, какие могут произойти по их поводу, и предварительно заготовь в себе должный против того оплот, чтобы не смутиться и не пасть при нечаянном нападении. cc) Для того, впрочем, чтобы успешнее действовать при самом нападении, полезно предварительно устроить намеренную мысленную брань, мысленно поставлять себя в те или другие обстоятельства, с теми или другими чувствами, при тех или других желаниях, и здесь изобретать разные способы, как удержать себя в должных границах, и наблюдать, что особенно помогло нам в том, что — в другом случае. Такое предварительное упражнение и образует воинственный дух, и приучает без робости встречать врага, и без больших трудов побеждать его, как бы по опытно узанным приемам. dd) Сверх того, прежде, нежели приступим к сражению, должны предварительно узнать, когда действовать наступательно, когда оборонительно и когда отступательно. Кроме того, что употребление того или другого способа брани

соответствует степеням духовного возрастания (сначала лучше всего отступить, то есть укрываться под кров Господа, не противодействуя; далее, когда опытно уже узнаем врагов и изучим их нападения, не теряя времени, можно отражать их; но намеренно давать свободу возбуждаться в себе страстям, или поставять себя в такие обстоятельства, где они должны действовать во всей силе, с тем чтобы иметь случай к брани и победе, не должно), есть особенные порочные возбуждения, кои можно побеждать исключительно только тем или другим способом. (Помыслы непременно надобно прогонять: но не всегда возможно это сделать с наклонностями и страстями, особенно телесными.) В том и другом случае можно потерять победу по одному неведению. ее) Наконец, никогда не должно выходить на брань без главной побеждающей мысли: это как бы победоносное знамя. Как прежде она решила дело между добром и злом в пользу первого, так и теперь, во время брани с каждым в частности греховным движе-

нием души, она без затруднения соделает нас победителями. С появлением ее должны рассеиваться все полчища врагов, все порочные помыслы и желания. Она имеет силу воодушевлять и возносить человека над собою; потому надобно как можно чаще приводить ее в сознание и доводить до чувства, — утвердить навсегда на мысленной твердосие светило, прогоняющее мрак. Ничто не может сильнее возгревать рвенія к истреблению греха, как эта мысль, — рвенія — сего быстрого потока живыя воды, который, волнуясь, но не возмущаясь, делает незаметными все волны от ввержения камней искушений.

б) С такими предосторожностями и правилами иди, воин Христов, с упованием на брань. Впрочем, и во время самой брани тебе должно действовать по известным правилам, чтобы не уподобиться в обороне беспорядочно нападающим врагам. Часто один порядок действия без особенного напряжения может увенчать тебя успехом. аа) Заметив приближение врага — начинающееся

возбуждение, или помысла, или страсти, или склонности, первее всего спешит сознать, что это враг. Великая ошибка, и ошибка всеобщая, почитать все, возникающее в нас, кровною собственностью, за которую должно стоять как за себя. Все греховное есть пришлое к нам; потому его всегда должно отделять от себя, иначе мы будем иметь изменника в себе самих. Кто хочет вести брань с собою, тот должен разделить себя на себя и на врага, кроющегося в нем.

bb) Отделив от себя известное порочное движение и сознав его врагом, передай потом сие сознание и чувству, возроди в сердце неприязнь к нему. Это самое спасительное средство к прогнанию греха. Всякое греховное движение держится в душе через ощущение некоторой приятности от него: потому, когда возбуждена неприязнь к нему, оно, лишаясь всякой опоры, само собою исчезает. Впрочем, это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гневом помыслы, труднее — желания, но еще труднее — страсти: ибо сии сами суть

сердечные движения. сс) Когда это не помогает и враг не уступает, таким образом, победы без сражения, мужественно, но без самовозношения и самонадеянности, вступай в борьбу: робость приводит душу в смятение — в некоторую подвижность и расслабление, а не утвержденная в себе, она легко может пасть; самонадеянность и самомнение — сами враги, с коими должно бороться: кто попустил их, тот уже пал, и еще предрасположил себя к новым падениям, потому что они поставляют человека в бездейственность и оплошность.

dd) Началась брань: храни преимущественно сердце — не давай доходить возникающим движениям до чувства, встречай их у самого входа в душу и старайся поразить здесь. А для сего спеши возставить в душе убеждения, противоположные тем, на коих держится смущающий помысл. Такие противоположения суть в мысленной брани не только щит, но и стрелы: защищают сердце твое и поражают врага в самое сердце. С сих пор в том и будет состоять

брань, что возникший грех будет постоянно ограждаться мыслями и представлениями, защищающими его, борющийся будет с своей стороны уничтожать сии оплоты мыслями и представлениями противоположными. Время продолжения ее зависит от многоразличных обстоятельств, кои определить совершенно невозможно. Не должно только ослабевать и сколько-нибудь, даже в мысли, склоняться на сторону врага, и победа несомненна: ибо греховное движение, как мы заметили прежде, не имеет в нас твердой опоры и потому, естественно, должно скоро прекратиться. е) Если и после сего, добросовестного, впрочем, действия в защиту себя, враг все еще стоит в душе, как привидение, и не хочет уступить места; то это явный знак, что он поддерживается стороннею силою; посему и тебе должно обратиться к сторонней земной или небесной помощи: открыться своему наставнику и в усердной молитве призывать Господа, всех святых и особенно Ангела Хранителя.

Преданность Богу никогда не оставалась постыжденною. Надобно, впрочем, заметить, что α) иное дело брань с помыслами, иное — со страстями, иное — с желаниями; и помысл от помысла, и желание от желания, и страсть от страсти разнятся. Во всем этом должно употреблять особые приемы, кои предварительно должно определить или чрез размышление, или из подвижнических опытов и наставлений; β) что не всегда должно строго браться за сопротивление: иногда одно презрение прогоняет врага, а сопротивление только размножает его и раздражает; γ) что врага должно преследовать до тех пор, пока и следов его не останется: иначе даже простой помысл, оставленный в сердце, как злое семя, принесет свой плод, в не приметном склонении к себе души; δ) во время самой брани не должно предпринимать средств к будущему предотвращению ее. Придуманые здесь правила всегда бывают очень строги, и потому всегда необходимо бывает их изменять и, следовательно, представлять опыт

несостоятельности, столько вредной в духовной брани и соблазнительной для воина.

с) Брань кончена: аа) благодари Господа за избавление от поражения; но α) не предавайся чрез меру радости спасения, не допускай беспечности, не ослабляй ревности: враг часто притворяется только побежденным, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, нечаянным нападением тем легче поразить тебя. Потому не снимай бранных оружий и не забывай предохранительных правил. Будь всегда бодрым и бдительным воином. β) Сядь лучше и расчисли добычу: осмотри весь ход брани — ее начало, продолжение и конец, заметь, что подало повод к ней, что особенно усиливало и что положило ей конец. Это будет своего рода дань с побежденных, которая чрезвычайно облегчит будущие победы над ними: так стяжывается наконец духовная мудрость и опытность подвижническая. γ) Не говори никому о победе: это сильно раздражит врага, а тебя обезсилит. Тщеславие, которого при

сем избежать нельзя, отворит двери душевного укрепления, и после победы над одним врагом, должно будет сражаться с целою их толпою. bb) Если же и поражен будешь: α) сокрушайся, но не бегай от Бога, не упорствуй, спеши умягчить сердце и довести его до раскаяния. Нельзя не падать; но можно и должно, упавши, возставать. Бегущий спешно, если и споткнется на что, спешно встает и опять устремляется по пути к цели: подражай ему. Господь наш подобен матери, которая ведет дитя за руку и не покидает его, хотя бы он очень часто спотыкался и падал; β) лучше, вместо бездейственного уныния, ободрись к новым подвигам, извлеки из настоящего падения урок смирения и осмотрительности, чтобы не ходить там, где скользко и где нельзя не упасть. γ) Если не изгладишь греха искренним раскаянием, то, получив некоторую в тебе крепость, он неминуемо повлечет тебя вниз, на дно греховного моря. Грех возобладает тобою, и тебе опять нужно будет начинать с первой брани: но, Бог

знает, возможно ли это. Может быть, предавшись теперь греху, ты перейдешь черту обращения; может быть, после не найдется уже ни одной истины, которая бы могла поразить твое сердце; может быть, даже тебе не будет дарована и благодать. Тогда еще здесь ты будешь принадлежать к числу осужденных на вечное мучение.

Вообще о правилах брани надобно заметить: α) что они в существе своем суть не что иное, как приложение всеоружия к частным случаям и β) потому их всех изобразить нельзя. Дело внутренней брани и непостижимо и сокровенно; случаи к ней чрезвычайно разнообразны; лица воюющие слишком различны: что для одного соблазн, то для другого ничего не значит; что одного поражает, к тому другой совершенно равнодушен. Потому одного для всех постановить решительно невозможно. Лучший изобретатель правил брани — каждое лицо само для себя. Опыт всему научит. Надобно только иметь ревностное желание побеждать себя. Первые

подвижники не учились из книг и, однако ж, представляют в себе образцы победителей. γ) Притом не должно слишком полагаться на сии правила. Они представляют только внешнее очертание. То, что составляет существо дела, каждый узнает только из опыта, когда станет сражаться самым делом. И в этом деле руководителями ему остаются только собственное благоразумие и предание себя Богу. Внутренний ход христианской жизни в каждом лице приводит на мысль древние подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные. Вступая в них, испытываемый получает несколько наставлений в общих чертах — там сделать то, там другое, здесь по такой-то примете, а здесь по такой-то, и потом оставляется один среди мрака, иногда с слабым светом лампы. Все дело у него зависит от присутствия духа, благоразумия и осмотрительности и от невидимого руководства. Подобная же сокровенность и во внутренней христианской жизни. Здесь всякий идет один, хотя бы был окружен множеством

наставников и снабжен множеством правил. Только чувства сердца обученные и особенно внушения благодати для него всегдашние необманчивые и неотлучные руководители в брани с собою, — все прочее оставляет его.

5. В заключение укажем кратко: а) конец брани, б) ее плоды, в) внешний ход и г) продолжение.

а) Чего ищет каждый из борющихся — это есть смерть противника. Между ними невозможно никакое примирение. Они оба, не терпя совместительства, ищут полного единовластительства. В душе наконец или возсияет свет добра, или помрачит ее тьма греховная.

б) Плоды сей духовной брани многообразны. Главнейшие из них: крепость духовная, духовная мудрость не только в отношении к брани, но и вообще к внутренней жизни, чистота сердца: ибо наконец грех так умалывается в нем, что делается почти незаметным. Вообще, когда, после более или менее долгой брани с собою, грех приметно слабеет, то христианин во всем существе своем бы-

вает тогда не то уже, что был прежде: он восходит на степень освященных; ничто не препятствует благодати раскрыться теперь в нем в возможной мере.

в) Еще с первого раза брань обращена вообще против всего греховного в человеке; но с продолжением времени грех, естественно, слабеет и сокращается в объеме, а вместе сокращается и поле брани. Вид греха в нас есть вид многоветвистого дерева. Через борьбу постепенно отсекается у него то та, то другая ветвь. Нельзя решительно сказать, какая ветвь прежде отпадает, какая после: ибо здесь очень много значит естественное настроение и прежнее состояние борющегося во грехе. Можно, впрочем, думать, что это отпадение восходит от грубейшего и очевиднейшего к тончайшему и сокровеннейшему. Сначала теряет силу плоть, потом вообще привязанность к видимому, далее наклонности и страсти; долее всех держатся коренные возбуждения и чувства греховного сердца. И они-то составляют камни преткновения для оставляющих бдительность

даже на высших степенях духовного совершенства. Впрочем, такая постепенность в сокращении объема и ослаблении напряжения брани имеет место только в общем ее ходе. Что касается до частных битв, то хотя в количестве и они последуют тому же закону, но в силе своей совершенно независимы от него. В сем отношении очень много значат состояния человека естественные (иногда он бывает мрачен, иногда весел, иногда чрезвычайно благ, а иногда даже человеконенавистен) и состояния духовного **возрастания** (сухость, жар ревности, охлаждение сердца и прочее). Каждое из сих состояний само по себе или умаляет силу греха, или дает ему больший простор; потому и возстание греховное в одном случае бывает слабее, а в другом сильнее, а вместе с тем затрудняется или облегчается и самая брань. Так как сии состояния не подлежат закону постепенности, то исключают из этого закона и силу возстаний греховных.

г) Кончится ли когда сия брань здесь? Вопрос этот всякий пусть решает

своим опытом. Вообще — можно только положить: борись в надежде, что сия брань сделается для тебя наконец очень легкою, что из непрерывной она сделается перемежающеюся и что промежутки сии все будут увеличиваться и увеличиваться; но настанет ли на земле для тебя время, когда ты будешь совершенно свободен от возмущений греха, это решишь, когда будешь свободен на самом деле. Макарий Великий (во многих местах своих слов и бесед)* советует мужественно вступать в брань с возстаниями греховными, в полной уверенности, что Господь, видя тщание наше, даст, наконец, нам благодать безпрепятственного желания добра и душевного мира; но, стяжав сей мир, никогда не должно думать, что мы уже свободны от нападений и падений. Душа, преданная греху, вся мрачна. Пусть чрез долгий труд она успела осветить две свои части: другие части остаются еще не освещенными. Надобно беречься: сия

---

* Например, в Слове 1. О хранении сердца, гл. 12, 13.

тьма легко может покрыть опять всю душу*. Мутная вода отстоялась и кажется чистою: взволнуется вода, и оседшая на дно нечистота опять разойдется по всей воде. Греховные движения прогоняются напряжением в какую-то неведомую область души и всегда готовы возникнуть и покрыть ее. “Лжет,— говорит Макарий Великий,— скажуй сердце себе имети чисто: ибо никогда сего не бывает в самой вещи, дабы кто по приятии благодати абие чист стал; предается бо врагам и различным искушениям в наказание и научение. Самые первые и великие люди так суть пред совершенством, как слуга пред господином, или как поток пред Евфратом рекою”**. Вообще мысль о совершенном окончании брани психологически неверна, а нравственно столько вредна, что ежели бы даже и была справедливою, то со всем тщанием надлежало бы скры-

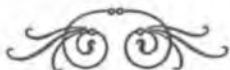
---

* См.: Преподобный Макарий Великий. Слово 6. О любви, гл. 31.

** Слово 1. О хранении сердца, гл. 12. Еще вся 14-я гл. 5-го Слова.

вать ее и от себя и от других, по причине опаснейших обольщений, неизбежных при ней.

Что же остается делать каждому христианину? *Возмогать в Господе и в державе крепости его; воспринять все оружия Божии, да возможет противитися в день лют (Еф. 6, 10, 13); мужаться, крепиться, стоять: ибо только претерпевый до конца спасен будет (Мф. 10, 22), и только побеждающему даст Господь сести с Собою на престоле Своем (Апок. 3, 21).*

О БЛАГОДАТИ ВСЕСВЯТАГО ДУХА

Яко стропотно ходит с ним в первых, боязнь же и страх наведет на нь и помучит его в наказании своем, дондеже веру имет души его и искусит его во оправданиих своих, и паки возвратится прямо к нему и возвеселит его и открит ему тайны своя: аще заблудит, оставит его и предаст его в руце падения его (Сир. 4, 18-22).

Есть много мест в Священном Писании Ветхого Завета, в которых точно и живо изображается внутреннее состояние членов благодатной Новозаветной Церкви. К лучшим из них относится, без сомнения, выписанное теперь место, — в котором под именем премудрости можно разуметь действия благодати Всесвятаго Духа, премудро устрояющей спасение каждой души.

ОБЩИЕ МЫСЛИ О ПРЕДМЕТЕ СИХ СТИХОВ

а) Что именно говорится здесь о благодати Святаго Духа, руководящей человека ко спасению? — То, что сия благодать, когда вселится в открытую для нее душу, сначала действует в ней более или менее сокровенно, притом обыкновенно или по большей части, — строго и как бы наказательно. Потом уже, если кто при всем том останется верным ей и не перестанет искать ее полного озарения, она обращается к нему прямо, начинает действовать на душу его открытым образом, возвеселяет его и возвещает ему тайны свои: напротив, если кто пренебрежет ее внушениями и заблудит, то и она оставляет такого и предает его взысканной им самим гибели. Чтобы не показаться самопроизвольным в таких мыслях о действиях именно благодати, приводим мнение о сем предмете величайшего из подвижников. “Благодать, — говорит святой Макарий Великий, — непрестанно

присутствует с человеком (христианином) и еще с младых лет соединившись и укореняся, как бы нечто природное и неотдельное, в сердце его, соделалась с ним как бы одно существо: однако многообразными образами, по своему произволению, и сообразуясь с пользою, располагает человека”*. “Сия сила благодати Божией, бываемая в человеке и дар Святаго Духа, коего верная душа прияти сподобляется, великим трудом, многим ожиданием, долготерпением, искушениями и испытаниями приобретается”**; “с великим долготерпением, премудростию и таинственным ума испытанием, в человеке, уже долгое время в разных случаях подвизавшемся, действовать начинает. И тогда уже дело благодати в нем совершенно показуется, когда его воля, по многом искушении, Святому Духу благоугождающею является и чрез долгое время показывает себя в том терпеливою и непоколебимою”***; “когда

---

* Беседа 8, п. 2.

** Беседа 9, п. 7.

*** Беседа 1, п. 9.

душа ни в чем не оскорбляет Духа, но с благодатию во всех заповедях согласна, тогда она от всех страстей свободно быть удостоится, и полное всыновление Духа приемлет”*. Сии слова великого подвижника служат полным перифразом приведенного места.

б) Почему же благодать Святаго Духа действует таким образом? Почему с первых минут не излить ей всех утешений на душу, взыскующую Господа, тем более что сии испытательные действия ее служат иногда камнем преткновения для неопытной и слабой души?

аа) На это, обще говоря, один ответ. Верно нельзя иначе действовать при обращении и исправлении грешника, когда премудрая благодать Божия избирает сей именно, а не другой образ действия. У премудрости Божией как будто неперменным законом поставлено исполнять обетования не тотчас, как даются, но после довольно долгого и иногда претрудного испытания. Аврааму дано

---

* Беседа 1, п. 7.

обетование о размножении потомства, как звезды небесные и как песок вскрай моря, но после повелено самое семя обетования принести в жертву давшему обетование. Сны обещали Иосифу славу и возвышение над братьями, но до того времени он терпит мучения, продается в чужую страну и заключается в темницу. Давид помазан на царство еще в юности, но сколько претерпел он обид, гонений и опасностей до получения царского венца. Тот же закон испытательного медления соблюдает и премудрая благодать, устрояя спасение грешной души. Велики благодатные обетования, но для получения их надобно быть под тяжким крестом.

66) Впрочем, так как Бог, премудрый в действии своем на тварь, соображается с свойствами самой твари, то, основываясь на понятии о греховном состоянии души, можно дойти до некоторых оснований, объясняющих, почему благодать Божия, устрояя спасение человека, действует сначала сокровенно и строго. Такое действие благодати необ-

ходимо: α) по свойству греховного сердца, очищаемого благодатию, β) по главному условию спасения и облагодатствования, γ) преимущественно же по целям нравственным.

α) Между обращением и освящением среднее место должно занимать исправление или очищение: ибо иначе кое общение свету ко тьме. Сие очищение бывает более или менее продолжительно, более или менее трудно, смотря по нравственному состоянию приводимого в предначертанное христианское совершенство; но во всяком случае оно мучительно. Грех вошел в самую глубину существа человеческого, оттуда разветвился в разнообразных наклонностях, привычках, страстях и, проникнув все существо его, распространился вне и связал его с чувственными вещами узами, столь же почти крепкими, как крепки узы бытия. Как ни осторожно будешь очищать от греха существо, зараженное им, не можешь не причинить боли, подобно тому как нельзя не причинить боли, когда вынимаешь занозу из живого

тела. Сердце, пристращенное к чему-нибудь, как бы входит само в предмет пристрастия; отрывая его от предмета или предмет от него, отрывают как бы часть его самого. Мучительно исправление: оттого душа и не видит утешений благодати, совершающей сие исправление. “Путь добродетели начинающим любить благочестие кажется жестоким и скучным не потому, что будто он действительно таков, но потому, что человек от чрева матерняго живет по воле страстей”^{*}.

β) Спасение наше совершено Господом Иисусом Христом, именно Его страданиями и смертью. Ими разрушено средостение, разделявшее человека с Богом, и отверст вход всем благословениям небесным на человеческий род. Крест — основание благодатного Царства Христова. И каждый человек, чтобы удостоиться обетований сего Царства, непременно должен приобщиться Хри-

---

^{*} Блаженный Диадок. Слово о ведении и духовном различении, п. 93.

стовым страстям, не мыслю, но самым делом. Такое приобщение обильно низводит и самую благодать внутрь человека (см.: 1 Пет. 4, 13-14). Потому можно сказать, что благодать спасающая сама производит в душе человека тугу, скорбь, страх, внутренние терзания, чтобы, возведши его на крест (см.: Гал. 5, 24; 6, 14) и приобщив таким образом Христовым страstem, открыть себе пространнейший вход внутрь и освятить его. “Бог не может иначе облагодетельствовать человека, возжелавшего быть с Ним, как подвергая его искушениям за истину. Ибо от века и от родов стезя к Нему лежит крестом и смертию. Из того и можно узнать, что Бог печется о человеке, когда Он непрестанно посылает на него печали”^{*}.

γ) Но, главным образом, благодать Божия попускает скорби и сокрывает свои утешения и свою очевидную мощь, оставляя человека как бы самому себе для образования и утверждения

---

* Преподобный Исаак Сирианин. Слово о любви к миру.

в нем нравственно-христианского характера, и именно:

αα) Для того чтобы искоренить самоуверенность и вкоренить смиренное упование на Бога. Человек естественный обыкновенно уверен, что имеет довольно совершенств и сил. Это постоянное его чувство, которое день от дня утверждается некоторыми успехами в делах недуховных. Такое расположение может возникать в нем и тогда, когда он вступает уже в благодатное царство и начинает жизнь духовную. Так как оно поставляет человека в опасное положение — вблизи к решительным падениям, то благодать Божия печется истребить его в начале, и для того или скрывает от человека всякое утешение, или оставляет его без всякой явной помощи с своей стороны, когда возмутится сердце, возстают помыслы и страсти, и все нечистое явится пред его сознание с напоминаниями о прежнем и с требованиями нового удовлетворения. Здесь-то вполне открывается, что значит человек сам по себе! Он ревностно спешит возстановить

внутренний покой; но самым сильным напряжением воли, самым строгим убеждением ума он не может потушить ни одной страсти, не может посесть ни одного помысла греховного. Только уповательное воззвание к Богу утишает внутреннюю бурю страстных помыслов, а вместе показывает человеку, где искать помощи, откуда она приходит и чем он может быть силен. Повторенный несколько раз такой опыт поселяет глубокое убеждение, что человек сам по себе жалок и беден, *и нищ, и слеп, и наг* (Апок. 3, 17), что если делал он что доброе, если победил страсть, устоял при искушении, — все это даровано ему было от Бога, в Котором одном потому и следуют искать упокоения. “Научительное отступление благодати, — говорит Диадок, — приносит душе великую скорбь, унижение и даже умеренное отчаяние, чтоб надлежащим образом унижить ее самолюбие и гордость: впрочем, в то же время благодать подает ей и помощь, — только скрытым обра-

зом”*. Благодать утаевает “от ума присутствие свое и душу как бы нарочно приближает к лютости демонов, дабы она, узнавая мало-помалу злость врага своего, с большим страхом и глубоким смирением искала помощи Божией, подобно тому, как мать дитя свое, не хотящее сосать как надобно грудь ее, на короткое время спускает с рук своих, чтобы оно, устрасаясь каких-нибудь стоящих около безобразных людей или зверей, с воплем, боязнию и слезами возвратилось в материнские недра”**.

ββ) Для того чтобы не делать насилия свободе. Нет сомнения, что самоисправление должно быть делом свободы, только вспомоществуемой благодатию. Но если бы благодать, открывшись во всей силе с первого раза, никогда не умаляла своего света и не скрывала своего действия от очей души, тогда душа связывалась бы, так сказать, благодатию и была бы в некоторой необходимости жить не иначе, как по ее влечениям:

* Слово о ведении и духовном различении, п. 87.

** Там же, п. 86.

ибо душа не может не повиноваться Божественной силе благодати, дающей блаженство. “Благодать, — говорит Диадокх, — у крещаемых сперва утаевает свое присутствие, выжидая произвола души, и как человек совершенно обратится к Господу, тогда неизъяснимым каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие; и опять ожидает движения души, попуская между тем диавольским стрелам достигать до глубокого чувства ее, дабы она с ревностнейшим произволением и смиренным расположением взыскала Бога, дабы свобода наша не совершенно была связана узами благодати”*.

γγ) Для того чтобы испытать или, лучше, обезопасить верность души. Душа в настоящем состоянии очень изменчива. На нее решительно положиться ни в чем нельзя. Самые верные и самые надежные обещания ее нетверды. Потому благодать не вдруг вверяется всецело душе, не вдруг отдает ей все,

---

* Слово о ведении и духовном различении, п. 86.

опасаясь, чтоб она не забылась и пренебрежением дара не погубила себя, утешает ее отчасти, подает явную руку помощи только в редких и опаснейших случаях. Такими посещениями благодати в душе образуется постоянное расположение прибегать в своих нуждах только к благодати Божией и вместе с тем, чтобы удостоиваться ее помощи и благоволения, постоянная и бдительная заботливость быть верною ей, желать и делать только то, что угодно ей, чего она требует. Долгим деланием в таком роде в душе вкореняется такая верность Божественной благодати, по которой даже и в мысль не допускается что-либо оскорбительное для Духа Божия. Что после сего может препятствовать Духу Святому осиять душу всем Своим светом? Ибо можно уже надеяться, что душа не злоупотребит даром. Вообще, что с трудом достается, то дорого ценится и бдительно хранится. Потому-то душа изводится в покой, когда проходит уже огонь и воду (см.: Пс. 65, 12).

δδ) Наконец, для того, чтобы истребить мечтательное тщеславие. Есть, по замечанию подвижников, какая-то непреодолимая сила, обращающая душу на саму себя, на свое достоинство и совершенство. Не доброе только дело, одна порядочная мысль, особенно при виде каких-либо недостатков в других людях, возбуждают душу хвалить себя пред собою, мечтать о своих трудах и делах духовных. Всем известна опасность такого надмения. Потому благодать Божия, руководствуя ко спасению душу, частым оставлением ее себе самой, старается внушить ей, что и она с теми же недостатками, какие видит в других, что и она еще далека от того совершенства, которого ищет и которое теперь несправедливо усвоит себе. “Всесвятый Дух, хотя в начале усовершеншения дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно, чтобы ум имел точное познание о конечной награде богоугодных трудов; впрочем, надолго потом скрывает драгоценность сего животворного дара,

чтобы, хотя исполним все прочие добродетели, считали себя ничем, потому что не обрели еще святой любви как бы в навыв себе”*.

Вообще, все действия благодати Святаго Духа, очищающие и исправляющие — скорби, попущение падений, искушения, отступления и утешения, — направляются к тому, чтобы образовать и укрепить внутреннего человека, возвесть его в состояние освящения и таким образом соделать невещественным храмом Бога.

Б

ПОДРОБНОЕ ИЗЪЯСНЕНИЕ СИХ СТИХОВ

Эта общая мысль о тайном, первоначальном, и явном — окончательном присутствии благодати в душах верующих раскроется яснее, когда подробнее и частнее вникнем в смысл слов премудрого Сираха.

---

* Блаженный Диадок. Слово о ведении и духовном различении, п. 90.

18-й стих. *Яко стропотно ходит с ним в первых.* Дарованная в крещении или восстановленная чрез покаяние благодать Святаго Духа постоянно присуща душе: ходит с нею во всех путях ее, как друг, блюдет ее, как пестун, печется о благе ее, как мать о покое дитяти. Но самая же сия воспитательная попечительность поставляет ее как бы в необходимость ходить с нею сперва стропотно, то есть или непрямо, не лицом к лицу, скрытно, неощутительно для самой души, или строго, сурово, с некоторою как бы нелюбовию. (Первая мысль подтверждается противоположением слов *стропотно ходит* словам *прямо возвратится*, а последняя — последующими за ними словами *боязнь, страх, помучит.*) Необходимость и цель такого действия объяснена выше.

Боязнь же и страх наведет на нѣ. Вот первое обнаружение в душе действия благодати очищающей! В грешной душе есть какое-то нечувствие, холодность к духовным вещам. Пленяясь и восхищаясь успехами и совершенствами видимыми,

она не трогается ничем невидимым. Размышляет или читает о жалком состоянии грешника, о правосудии Божиим, о смерти, о Страшном суде, вечных муках, — и все это для нее предметы сторонние, до нее как бы не касающиеся. Такие мысли — спасительные посетители души — держатся иногда несколько времени в уме для интересов познания и потом вытесняются другими приятнейшими, не оставив и следа своего действия в душе. Сердце, не умягченное благодатию, — камень. Все святое или меркнет в нем, или отражается назад, оставляя его холодным по-прежнему. Обращающийся грешник живо чувствует такую окаменелость и потому перее всего просит Господа, чтобы избавил его от окамененного нечувствия и даровал искренние слезы покаяния*. Спасительная благодать в первом действии своем на сердце возставляет и очищает духовное чувство. Теперь вошедшая в себя

---

* См.: Молитва 7-я на сон грядущим святого Иоанна Златоуста, 4-й стих.

душа видит конечное разстройство свое, помышляет сделать то или другое для своего исправления; но не находит в себе ни сил, ни даже охоты к делам добрым. При сем естественная мысль — не прешла ли она уже ту черту, из которой нет возврата к Богу, не испортила ли она себя до того, что самая сила Божия не может сделать из нее что-либо доброе, — такая мысль поражает ее. В смятении она обращается к Богу милосердому, но угрызающая совесть живет и представляет ей Бога правосудным, строгим карателем беззаконных. Она протекает всю жизнь свою и не находит в ней ни одного доброго дела, за которое сочла бы себя достойною воззрения Божия. Бога, выше Которого нет никого, ничтожная в таком великом мире тварь дерзала оскорблять противлением Его воле всемогущей. Затем ужасы смерти, суда, вечных мук, представление, что все это может постигнуть ее чрез несколько минут — даже теперь, довершают поражение. Страх и трепет приходит на нее и покрывает ее тьма

(см.: Пс. 54, 6). Душа прикасается в сие время некоторым образом вечных мучений. Благодать, приведшая душу в такое подавляющее состояние, блюдет ее между тем от отчаяния и, когда трепет произведет свое действие, возводит ее ко кресту, и чрез него вливает в сердце отрадную надежду спасения. Впрочем, сей спасительный страх не оставляет потом души во все время исправления: только сначала он есть необходимый содействователь к перелому в греховной болезни, а потом остается в душе как оберегатель от падений, напоминая ей о том, куда ведет грех. Оттого, когда найдет искушение, когда возродится в неочищенном еще сердце сильный порыв к обычным грехам, в боязни и страхе обращается она тогда к Господу, моля Его, чтоб не попустил ее пасть и избавил от огня вечного. Таким образом благодать наводит на душу спасительный страх за себя во все время исправления, и даже до конца жизни, если душа не успеет взойти до того состояния, в котором страх исчезает в любви. “Когда душа,—

говорит Диадокх, — начинает чрез великое внимание очищаться, тогда чувствует, как некое врачество животворное, страх Божий, как палящий ее в огне безстрастия действием обличений. Потом, очищаясь мало-помалу, она достигает совершенного очищения, успевая в любви соразмерно тому, как уменьшается страх, и таким образом приобретает любовь совершенную”*.

19-й стих. *И помучит его в наказании своем.* То есть образом руководства своего и воспитания (παιδεία), как-то: попущением искушений, бед, соблазнов, греховных движений испытает человека и откроет его сознанию, что он значит, каково его состояние, как высок он в духовной жизни, как много успел в исправлении себя (βασανίζω** от βασανός — камень, на котором узнают доброту золота). Одного попущения на движение помыслов достаточно к тому. Здесь вполне открывается, что таится на

---

* Слово о ведении и духовном различении, п. 17.

** Испытывать, пробовать (греч.).— *Ред.*

самом дне сердца; потому что помышления исходят из глубины его. Оценив достоинство помыслов, человек ясно узнает, что он и что остается ему делать. Впрочем, как бы ни производила сие благодать, только главная, можно сказать, цель ее руководства состоит в том, чтобы постоянно держать человека в ясном сознании своих немощей.

Или прямее — *получит его в наказании своем* — образом руководства своего, — тем то есть, что не вдруг открывает душе весь свой свет и всю силу своего утешения, — будет долго держать душу в некоторой скорби и туге (*βασανίζω*, *adficio quocumque modo* — поражать, уязвлять [каким-либо образом. — *Ред.*]). Человек обратившийся носит в уме своем начертание совершенства христианского и блаженства от жизни по Христе; с другой стороны, Сам Всесвятый Дух, как заключает Диадох, в самом начале усовершенания дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно. Когда благодать надолго потом скрывает от души драгоценность сего

дара, тогда она по необходимости скорбит, памятуя о духовной любви, которая посещала ее, но которой нет теперь в ее чувстве, скорбит, не имея сил возродить в себе то же восхищение, будто по недостатку совершеннейших подвигов. Отсюда можно изъяснить великие труды, необыкновенные бдения, чрезвычайные посты святых подвижников. Они со слезами ищут какое-то неоцененное сокровище, которое имели, но которого нет теперь. Это высокая тоска по отчизне небесной!

Дондеже веру имет души его, и искусит его во оправданиях своих — до тех пор, пока может положиться на душу и сделает ее искусною и опытною во всех путях своих, посредством которых она низводит в нее оправдание; или иначе — до тех пор, пока возбудит в душе веру или доверенность к себе так, чтобы душа благоговела пред внушениями ее, как пред Божественною святынею; или пока проведет ее по всем путям своим, которыми душа может усвоить себе оправдание. Вот предел испытательных

действий благодати, предел воспитания души, за которым, можно сказать, она достигает уже *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13)! У самой благодати есть как бы некоторый чертеж воспитания (без сомнения, видоизменяющийся, смотря по воспитываемым лицам), по которому она не являет открыто лица своего душе, пока не исполнит всего, что нужно для нее, а с другой стороны, и для каждой души есть свой термин (предел, вершина.— *Ред.*), только с достижением которого она делается достойною полного вселения благодати. Это, как видно, доверенность к душе со стороны благодати, и вера в благодать со стороны души. Действительно, после такого настроения души нет места сомнению, что она останется навсегда верною внушениям благодати. Таковую-то подвижность души, по манию благодати, преимущественно старается образовать воспитывающий ее Дух, или она-то и составляет в благодатном царстве главное, что должна иметь в себе облагодатствованная душа.

“Взыскующий Господа человек пленяет ум в послушание Христово, удостоивается един дух с Господом за то, что никогда не оскорбляет Духа Господня”*. “Бог Сам Себя вверяет сердцу, когда человек душу и помышления свои посвящает Ему”**. Впрочем, такой предел для нас мало определен. Точнее объясняет его Апостол Павел. Он говорит: *стремлюся, не достигну ли я? (Флп. 3, 12). Чего? Того, чтобы приобрести Христа, чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его. Что делает он для сего? Вменяю вся тщету быти... всех отщетиюся, вменяю все уметы быти... чтобы... найтись в Нем (Христе) не с своею праведностию (Флп. 3, 8, 10, 8, 9).* Путь к тому, чтобы живо приобщиться Христа, есть отвержение всего своего, некоторое самозабвение, совершенное отчуждение от себя. В Иисусе Христе нельзя находиться с чем-нибудь своим. Потому-то Диадокх говорит: “Когда человек приобретет все

---

* Преподобный Макарий Великий. Беседа 9, п. 11.

** Его же, Беседа 14, п. 3.

добродетели, а наипаче совершенную нестяжательность, тогда благодать озаряет все существо его в глубочайшем каком-то чувстве”*. Так, кажется, и быть должно. Ибо что такое нестяжательность? Или что бывает в душе, когда является нестяжательность? Дух человеческий по самой природе своей нестяжателен. Он бывает стяжательным от преобладания над ним души и требований телесных. Теперь, когда он долговременными трудами и подвигами, при помощи благодати, и душу и тело покорит совершенно себе и, восприв в себя, как бы умертвит их движения в себе самом, и таким образом одухотворит всего человека, тогда в нем не должно оставаться и следа стяжательности, но вместе с тем исчезает и всякая препона к полному вселению в него благодати. Потому Диадок говорит: “Если кто, живя еще, умрет чрез труды, такой делается уже вполне жилищем Святаго Духа: ибо такой прежде, нежели умер, уже воскрес”**. Итак, не-

* Слово о ведении и духовном различении, п. 85.

** Там же, п. 82.

стяжательность можно почестъ предѣлом очищения души.

20-й стих. *И паки возвратится прямо к нему...* то есть, говоря словами Макария Великого, “по очищении человека, дело благодати в нем совершенно является — и он приемлет полное усыновление Духа”, или, словами Диадоча: “Благодать озаряет все существо его в глубочайшем каком-то чувстве, и он делается вполне жилищем Святаго Духа”. А вместе с тем, по обетованию Своему, Господь наш Иисус Христос и Бог Отец приходят к нему и в освященном существе его творят Себе обитель (см.: Ин. 14, 23). И на человеке знаменается свет лица Божия (см.: Пс. 4, 7).

И возвеселит его... Срящет его яко мати, и яко жена девства приимет и; ухлебит его хлебом разума и водою премудрости напоит и; ...веселие и венец радости, и имя вечно наследит (Сир. 4, 20; 15, 1-2, 6). Взыгрался младенец Иоанн в матернем чреве, когда ощутил близость Господа. Радуется и играет дух наш, когда благодать Духа Святаго делает его причастником Божества. Бог

наш есть Бог блаженства. Оттого все, кои Его причащаются, исполняются неизъяснимого восхищения. Святые подвижники, причастившиеся сего блаженства, не находят слов к выражению его. “Иногда,— говорит Макарий Великий, свет, сияющий в сердце человека, так всего его внутренно пронзает, что он весь, погружаясь в сей сладости и приятном чувствии, находится вне себя, ради преизобилующия любви и сокровенных таинств собою созерцаемых”*. “Душа пламенеет в сем состоянии,— говорит Диадокх,— и с неизъяснимою какою-то радостью и любовью стремится тогда выдти из тела и отойти ко Господу, и как бы не знать сей временной жизни”**.

21-й стих. *И откроет ему тайны своя.* Какие тайны у благодати? Тайны благодати же, или благодатных действий Духа Святаго на человека. Благодать открывает своему питомцу: а) таинство воплощения, страдания, смерти и воскресения

---

* Беседа 8, п. 3.

** Слово о ведении и духовном различении, п. 13.

Иисуса Христа. Это Апостол Павел поставляет целью стремлений для христианина (см.: Флп. 3, 10), и она, без сомнения, достигается совершенными, пришедшими в меру возраста исполнения Христова. Быть не может, чтобы Господь не удостоил открыть им Себя во всей полноте, открыть и сердцу, и разумению, которое все в Господе (см.: Евр. 3, 16-19). И что здесь невозможного, когда Сам Господь живет в сем сердце?

б) тайну оправдания, или усвоения заслуг Христовых душе, по которому они считаются ее собственными. Апостол Павел средством к сообщению страданий Христовых поставляет сообразование со смертью Его (см.: Флп. 3, 10), а сие сообразование уже совершилось в освященном, как мы видели выше. Тот же Апостол оправдание поставляет следствием освящения: *омыстесь, говорит он, освятитесь, оправдистесь именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего* (1 Кор. 6, 11). А оправданному должно чувствовать приобщение страданиям Господа, которое оправдало его; в) тайну

благодатной жизни: любовь и чрез любовь смирение. Бог есть любовь; потому только приобщившийся Ему имеет любовь и постигает ее. “Ум,— говорит Диадокх,— хотя восприимет все добродетели чрез чувство, совершенствуясь с какою-то мерностию и неизъяснимою стройностию, но духовной любви не может стяжать, если не будет во всей полноте просвещен Святым Духом... Божественная благодать, живописующая человека в подобие Божие, просвещением любви показывает, что образ получил вполне благолепие подобия”*. “По явлении креста,— говорит Макарий Великий о своем озарении,— благодать ныне так действует и примиряет все составы и сердце, что душа от великия радости, яко детище незлобивое является, и человек не осуждает уже более елина, или иудея, или грешника, или вдавагося миру; но внутренний человек все зрит оком чистым, и радуется о всем мире, и всевозможно желает почтить и любить

---

* Слово о ведении и духовном различении, п. 89.

еллинов и иудеев”*. Вместе с тем он забывает себя от изобилующей любви к Освятителю Богу. “Я знаю,— говорит Диадок,— такого человека, который так любит Бога, что не знает о себе, что он значит. Он как бы в любви Божией скрывает свои отличия, из ней получаемые, и себе самому всегда представляется рабом непотребным”**. “Когда ум,— говорит он в другом месте,— весьма ощутительно и удовлетворительно озарится святою благодатию; тогда душа имеет смирение как бы естественное. Ибо она, будучи питаема Божественною благодатию, уже не может надмеваться тщеславием, хотя бы непрестанно исполняла Господни заповеди, но почитает себя ниже всех: ибо приобщилась Божественной кротости”***. Что касается до веры и упования, то они завершаются и даже поглощаются любовью, которая больше их. Диадок, объяснив высокую силу любви, присовокупляет: “В ком Бог

---

* Беседа 8, п. 6.

** Слово о ведении и духовном различении, п. 13.

*** Там же, п. 95.

производит такую любовь, тот бывает во время сего действия выше самой веры, так как он великою любовью уже содержит Чтимого верою в чувстве сердца своего”*. Когда Господь в сердце, то и упование достигает конца: *еже бо видит кто, что и уповает* (Рим. 8, 24).

Такие тайны как бы естественно переходят во всякую душу, вполне облагодатствованную. Но нет сомнения, что благодать, по временам в видениях или восхищениях, открывает душе и другие сокровенности небесные, как лицу, которое по своим совершенствам достойно того, чтобы видеть их, как они есть. О сих откровениях говорит Макарий Великий так: “Некоторым явилось чрез свет знамение Креста и впечатлелось во внутреннем человеке. В иное же время паки молящийся человек, яко в восхищении быв, обретется стоящ в церкви пред олтарем и принесены были ему три хлеба, аки елеем всквашенные; и чем более он их ял, тем паче они умножались

---

* Там же, г. 91.

и возрастали. Иным же явилось яко одеяние светлое, какого нет на земли в сем веке и какого человеческими руками сделать невозможно. Ибо как на гору возшедши Господь со Иоанном и Петром преобразил Свое одеяние и сотворил его блистающим наподобие молнии: таково было и оное одеяние, так что удивился и ужаснулся человек скинувши с себя оное”*. “Иногда он, будучи яко сын царев, тако уповаает на Сына Божия, яко на Отца, и отверзаются ему двери, и входит внутрь многих обителей. И чем далее он входит, то паки отверзаются ему двери, от ста обителей до иного ста обителей; и богатеет, и елико более богатеет, толико паки вдаль оные новейшия являються ему чудесныя откровения. И поверяются ему, яко сыну и наследнику, таковыя вещи, их же человеческими устами и языком изрещи и изобразити не можно”**.

Впрочем, хотя такая высота и достижима для человека, предавшего себя

* Беседа 9, п. 3.

** Беседа 9, п. 6.

Богу; но постоянно держаться на ней ему невозможно. Сего не может снести человеческая природа. Один святой муж молил Господа: “Господи! ослаби ми волны благодати Твоя, иначе умру от полноты блаженства”. И Великий Макарий, которому Бог открывал столько таин (можно думать, что откровения, о которых он говорит, даны были ему), полагает, что такое возвышение бывает только по временам. “Если бы чудесные оные знаменья, явленные ныне человеку, и кои он самым опытом видел, всегда с ним находились, то не мог бы он ниже́ служения слова прияти, ни понести каких-либо трудов, ниже слышати что, ниже в нужном случае пещися о себе самом, ни об утрии (о дне завтрашнем. — *Ред.*), а только бы в едином угле сидел восхищен и как бы упоен. Почему совершенный степень и не дан человеку”^{**}.

22-й стих. *Аще заблудит, оставит его и предаст его в руже падения его.*

* Беседа 8, п. 4.

Аще заблудит — если позволит себя обольстить. И по получении (в крещении) или возвращении (в покаянии) дара благодати возникают из сердца многоразличные греховные помыслы: ибо совершенное умиротворение их совершается не вдруг и, можно сказать, уже по освящении. Но в то же время со стороны благодати чрез совесть приходят в волю требования законные, которые обыкновенно в первый опыт соблазна бывают сильнее движений порочных или, по крайней мере, равносильны им, если человек обратит всю свою душу к внушениям благодати: то обыкновенно порочный помысл, скорее или медленнее, вытесняется из души, и в ней водворяется покой. Но если он позволил предмету соблазна медлить в душе, сначала, может быть, для одной только забавы и умственного развлечения (это первый шаг к падению) то вскоре прилагается к нему сердце и порождает страстное движение (это — второй); слабая воля, которою обыкло (привыкло. — *Ред.*) управлять сердце, начинает

желать (это — третий); между тем голос совести, сначала возбужденный благодатию, все стихает и стихает; является разсудок и под рукою сердца составляет софистические оправдания; голос совести смолкает; все существо загорело желанием; воля решилась и тайна внутреннего беззакония совершена (это — четвертый). За этим естественно последует и самое действие (это — пятый). Человек позволил себя обольстить и пал*. Гораздо удобнее совершается второе падение, тем удобнее третье; и чем более повторяется падение, тем более грех опять сродняется с душою, наконец вселяется в нее и наполняет ее всю. Тяжелый камень, брошенный по скату пропасти, не остановится, пока не достигнет дна ее. Растленная душа, как ветхий мех, нового вина неспособна уже вмещать в себя благодать, и она отходит от нее. *Аще заблудит, оставит его, и предаст его в руце падения его.* Грешник теряет свободу. Невольник у греха, он повинуется

---

* См.: Преподобный Филофей Синайский. Сорок глав о трезвении. п. 34-35.

ему во всем, как животное инстинкту. Тьма ослепила ему очи, и он не видит, куда идет, не видит своей пагубы. Наконец, как глаз света, иная душа снова потребует света благодатного. Адом становится ей жизнь во грехе. Воспламенясь ревностию, она опять входит в чин истинных чад Церкви, по духу и жизни. Но иная душа снова падает и снова встает; несколько раз падает и несколько раз встает. Между тем чувство ее все более и более немеет, грубеет, жестеет, тем менее, следовательно, становится способным воспринимать возбуждения и ощущать свое положение. Для иной души возможно окончательное падение — в отчаяние, после которого нет восстановления, нет возможности обновляться покаянием. Тогда благодать навсегда оставляет его в руке падения его.

Так многопопечительна благодать, так многотрудно исправление, так обильны и высоки обетования благодатные, так опасно падение и особенно повторительное! Не можем лучше заключить нашего

разсмотрения, как словами Макария Великого:

“Возлюбленно поистине есть сие, когда душа, всю себя Господу посвящая, и к Нему Единому прилепляясь, и в Его заповедях непорочно жительствуя, и находящий и осеняющий Дух Христов благоговейно почитая, удостоится с Ним быти единым духом и единым составом, как говорит Апостол: *прилепляйся Господеву един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17). Если же кто вдает себя в попечения, или в славу, или властолюбие, или суетится о снискании человеческих честей, и ежели его душа прилепляется и примешивается земным помышлениям, или пленяется киими-либо вещами мира сего, и о снискании оных печется; то таковая душа избежать, удалиться и прогнать тьму страстей, в которой держится лукавыми начальствами, никак не может; потому что она любит и творит волю темнаго начальника и не гнушается злых начинаний. Потщимся убо всею душою и всею мыслию приступити ко Господу и быти последователями Христовыми, да

явимся чрез то достойными вечнаго Царствія и сподобимся небесных благ, славя Отца и Сына и Святаго Духа во вся веки”*.

---

* Беседа 9, п. 12, 13.

Выпуском полного собрания творений святителя Феофана Затворника издательство «Правило веры» для многих, мы надеемся, откроет и величайшего богослова — изъяснителя Таин Божиих, и выдающегося русского писателя.

Начать знакомство можно с книг:

«Евангельская история о Боге Сыне» — путеводитель по Святому Евангелию, «Письма о христианской жизни», «Мысли на каждый день года», «Что есть духовная жизнь», «Созерцание и размышление».

Для последующих шагов:

«Путь ко спасению», «Начертание христианского нравочужения», «Письма о разных предметах веры и жизни», «Двери покаяния», «Слово веры», «Любовью назидая», «Собрание писем. Из неопубликованного».

Укреплению Вашей внутренней жизни помогут книги:

«Простые истины сердца. Внутренняя жизнь», «Письма о молитве и духовной жизни», «Псалом Давида 118, истолкованный святителем Феофаном».

* * *

Чтение «Толкований Посланий апостола Павла» советуем начать с Толкования Послания к Ефесянам. Под благодатным взглядом святителя Феофана Послания апостола Павла раскрываются для нас с удивительной новизной и глубиной, переосмысляют путь нашего духовного делания и устанавливают нас внутренне перед мудростью Создателя.

ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА:

Серия «ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СВЯТОМУ ЕВАНГЕЛИЮ»
Евангельская история о Боге Сыне (80 цвет. илл.).

Серия «КРАТКИЕ ПОУЧЕНИЯ»

Мысли на каждый день года,

Созерцание и размышление (20 гравюр, с житием и службой на церковнославянском языке).

Серия «НАЧЕРТАНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ПРАВОУЧЕНИЯ»

Путь ко спасению,

Начертание христианского правоучения.

Серия «СОБРАНИЕ ПИСЕМ»

Письма о разных предметах веры и жизни,

Письма о молитве и духовной жизни,

Письма о христианской жизни,

Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться,

Собрание писем (выпуски с 1 по 4 в одном переплете),

Собрание писем. Из неопубликованного (издается впервые).

Серия «СЛОВА И ПРОПОВЕДИ»

Двери покаяния,

Любовью назидая,

Простые истины сердца. Внутренняя жизнь,

Слово веры. О православии.

Серия «ТОЛКОВАНИЕ БЕСЕДОВАТЕЛЬНОЕ»

Псалом Давида 118, истолкованный святителем Феофаном.

Серия «ТОЛКОВАНИЯ ПОСЛАНИЙ АПОСТОЛА ПАВЛА»

Толкование Послания к Галатам,

Толкование Послания к Ефесянам,

Толкование Посланий к Колоссянам и Филиппийцам,

Толкование Посланий к Солунянам, Филимону, Евреям,

Толкование пастырских Посланий (к Титу, к Тимофею),

Толкование Первого послания к Коринфянам,

Толкование Второго послания к Коринфянам,

Толкование Послания к Римлянам.

Святитель **Феофан Затворник**
ПИСЬМА
О ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Редактор *Марина Крапивина*

Художник *Дмитрий Елифанов*

Компьютерная верстка технического редактора
Марины Терентьевой

Подписано в печать 09.11.06. Офсетная печать.

Шрифт «Академия». Формат 70×100¹/₃₂.

Объем 14 печ. л. Тираж 4000 экз. Заказ 64702.

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.

Отпечатано в типографии «Молодая гвардия».
127994, Москва, ул. Суцеская, 21.

Об оптовой продаже и доставке книг
обращаться по телефонам: (495)113-94-63, (495)451-31-94.

E-mail: pravilo-veru@yandex.ru. www.praviloveru.ru

Книга-почтой: E-mail: post@lepta-press.ru

или по тел./факс: (495)269-0012, (495)769-6141.

Адрес: 115409, Москва, а/я 5 «Лепта»

ISBN 5-7533-0050-2

© Оформление, подготовка текста,
оригинал-макет, «Правило веры», 2006

